

АНО Центр «Про-мама»

Т.В. Губина

принять ребенка из детского дома

информация
для принимающих родителей

Москва
2013

УДК 159.922.767
ББК 88.611.9
Г93

Т.В. Губина

Принять ребенка из детского дома. Информация для принимающих родителей. – М.: АНО Центр «Про-мама», 2013. – 148 с.

Автор книги «Принять ребенка из детского дома. Информация для принимающих родителей» много лет проработала в детских домах Москвы, в том числе в Службе по устройству ребенка в семью детского дома № 19, вела школу принимающих родителей, консультировала принимающие семьи. На основе опыта взаимодействия с семьями и детьми, а также своего личного опыта приемной мамы, Т.В. Губина рассматривает сложные ситуации с точки зрения ожиданий, сомнений и переживаний приемного родителя, дает «путеводную нить», помогающую найти оптимальное решение. В книге много примеров, живых историй из опыта общения с приемными семьями и практики детского дома № 19, сотрудники которого помогли обрести семьи более чем 300 детям.

В книге подробно обсуждаются следующие темы:

- ожидания, заблуждения и установки будущих приемных родителей, их влияние на дальнейшее построение отношений с ребенком;
- взаимодействие с социальными службами в процессе принятия ребенка в семью;
- мотивация принимающей семьи – важность осознания собственных мотивов и побуждений – мотивация, которой нужно избегать;
- «образ» будущего ребенка и его влияние на дальнейшее развитие отношений;
- тайна усыновления, отношение к происхождению ребенка;
- привязанности приемного ребенка, сложившиеся в «прошлой жизни», позиция принимающего родителя по отношению к кровным родственникам ребенка.

Т.В. Губина написала свою книгу в 2007 году, впервые она опубликована на сайте АНО Центр «Про-мама» www.pro-mama.ru

На обложке использована фотография одной семьи, снятая при посещении Центра «Про-мама».

Заявки на книгу принимаются по адресу pro-mama@mail.ru с пометкой: книга «Принять ребенка из детского дома».
Справки по телефону: +7 916 273 71 89. Сайт www.pro-mama.ru

© Т.В. Губина, 2007

© АНО Центр «Про-мама», 2013

© Теревинф, оформление, 2013

Вступительное слово

Предлагаем вашему вниманию три книги, написанные по итогам 17-летней работы группы специалистов АНО Центра «Про-мама». Эта работа проводилась в рамках проекта «Наша семья» на базе детского дома № 19 в г. Москве (в период 1996–2009 гг.), а затем в АНО Центре «Про-мама» (2010–2013 гг.). В ней в разные периоды времени принимали участие специалисты по патронатному воспитанию из многих регионов России: Калининградская область, Томская область, Пермский край, республика Карелия, Новгородская область, Владимирская область, республика Башкортостан, Архангельская область, Красноярский край, Иркутская область, Краснодарский край, Псковская область, Тамбовская область, Нижегородская и Тверская области и многие другие.

Большая часть этих проектов, включая московский, в настоящее время закрыты в той форме, в которой они реализовывались в 1996–2009 гг. Однако документирование и изучение наработанных универсальных и эффективных моделей и технологий необходимы для подготовки специалистов, работающих в сфере профилактики социального сиротства и в современных, изменившихся условиях. В настоящее время «хранителями» технологий являются их создатели – специалисты АНО Центра «Про-мама», а также те специалисты, которые активно пользовались ими на практике по всей России.

Некоторые из представленных здесь материалов частично публиковались нами ранее. Тем не менее, мы уверены, что нынешнее обобщение результатов практической работы различных российских центров по патронатному воспитанию, станет надежным подспорьем в работе специалистов, занимающихся профилактикой социального сиротства и семейным устройством детей, оставшихся без попечения родителей.

В первый цикл вошли три книги.

1. *М.В. Пичугина (Капилина), Т.Д. Панюшева. Методические рекомендации по реабилитационной работе с ребенком, оставшимся без попечения родителей, в системе семейного устройства. Статьи для специалистов и приемных родителей.*

2. *Е.В. Бухман, Н.А. Соколова, М.Ф. Терновская* (описание работы службы). *Е.В. Бухман, Т.В. Губина, Н.В. Избуцкая, А.В. Махнач, В.Э. Мнацаканян, И.П. Осина, Т.Д. Панюшева, Л.В. Петрановская, М.В. Пичугина (Капилина), Н.А. Соколова, М.Ф. Терновская, О.В. Шалковская.* Тренинговая программа. Также использованы результаты работы (в период 1996–2009 годов) специалистов службы по устройству детей на воспитание в семью ГОУ Детского дома № 19 *Е.Т. Дороховой, Н.М. Зобовой, М.Н. Кантовой, В.М. Мочалиной, Л.Ю. Пивовар, Н.П. Чулановой. Методические рекомендации для специалистов службы по подбору, подготовке и сопровождению замещающих семей. Тренинг подготовки замещающих семей.*

3. *Т.В. Губина. Принять ребенка из детского дома. Информация для принимающих родителей.*

Мы выражаем благодарность всем нашим коллегам в Москве и регионах России, а также за рубежом, патронатным воспитателям ГОУ детского дома № 19, выпускникам и детям, а также ООО «ФУДС» за финансовую помощь в адаптации и обобщении материалов.

Настоящее издание подготовлено к печати и издается в рамках Программы АНО Центра «Про-мама» «Содействие профессиональному оснащению сети социально-ориентированных некоммерческих организаций, предоставляющих услуги по медико-социальному и психолого-педагогическому сопровождению семей, которые воспитывают детей-сирот», получившей поддержку из федерального бюджета.

Мария Терновская, директор АНО Центр «Про-мама»

Содержание

глава 1 «Чей ребенок?», или Чем приход приемного ребенка в семью отличается от рождения собственного

«Свои» и «чужие»

Есть ли разница между «своим», рожденным ребенком и приемным? Предположим, вашему ребенку четыре года, и вы берете из детского дома ребенка тоже четырех лет. Будет ли между ними разница? Будет. А если вы возьмете совсем маленького, новорожденного ребеночка, и сохраните «тайну» усыновления, и «выберете» похожего на вас? Неужели будет что-то по-другому? Будет.

Когда в семье рождается ребенок, возникает естественная система «Родители – Дети». Отношения взрослых и их потомства регулируются архаичными, надежными законами. «Безусловная родительская любовь» помогает принять, почувствовать родным это сморщенное, орущее существо. «Материнский инстинкт» подсказывает, что делать. «Кровные узы» заставляют близких и дальних родственников принять нового члена семьи «как своего» вне зависимости от его личных особенностей. В дальнейшем в силу вступают «семейная гордость» и «семейная история», которые помогут воспитать достойного члена общества и носителя «семейных ценностей».

В случае с приемным ребенком вышеупомянутые законы работают скорее «против». «Безусловная любовь» отсутствует по определению. Привязанность между приемным ребенком и принимающей семьей вырастает не очень быстро. «Труднее всего мне было, пока я ее не полюбила, – вспоминала приемная

мама Мила спустя два года, – только где-то через полгода у меня стала душа болеть за нее».

«Материнский инстинкт» молчит. «У нас никогда не было своих детей, и мы просто не знаем, что делать с ребенком», – часто тревожатся будущие приемные родители. Когда ждут своего, тоже тревожатся, но по каким-то другим поводам.

Закон «кровных уз» выходит «боком», когда ребенок приемный¹. Родня не желает принимать «чужака». «Мой сын взял приемную девочку, – рассказывала очень хорошая, добрая и умная пожилая женщина, – но я же все равно знаю, что это не моя родная внучка. Не понимаю, зачем он это сделал?»

«Семейная история» подводит на первых же шагах. «Расскажи мне про дедушку!» – просит чадо, и вы впадаете в глубокое раздумье. Интересно, какой дедушка имеется в виду? «А правда, я похож на Васю – ведь он мой брат?» Правда, милый, правда. Все люди – братья, все друг на друга похожи... Поистине сотворение истории идет полным ходом. Хуже всего с «семейной гордостью». «Вот, посмотри, кого ты взяла! – торжествует двоюродная тетя, болеющая за «честь семьи». – Дурная наследственность», – тычет она в разлитый по столу компот.

Если же вы бережно храните «тайну усыновления», то вздрагивать приходится каждый раз и при просмотре семейных альбомов: «Когда тебе был годик, ты была совсем другая, зайка!» А каково на приеме у врача, интересующегося болезнями в семье и как проходили роды.

Разногласия на почве «семейных ценностей» обычно возникают позже, когда ребенок вырастет. Со своими «собственными» детьми конфликтов, надо сказать, бывает не меньше, если не больше. Просто воспринимается все по-другому. Если

¹ Понятия «приемный ребенок» и «приемные родители» употребляются в книге в широком смысле. Приемный ребенок – это ребенок, которого приняли в семью. Приемные родители – те, кто принял ребенка в свою семью, вне зависимости от юридической формы семейного устройства (усыновление, опека, патронат, «приемная семья» и т.д.).

ваш собственный ребенок попробовал пиво в пятнадцать лет, это, конечно, неприятно, но «как же без этого?». Если приемный сынок пришел, благоухая алкогольным напитком, мутный ужас поднимается из глубин вашей души: «Ну, вот она, наследственность! Алкоголизм...»

Если рождается ребенок, то все хорошее от папы и мамы и прочих предков передается ему как бы «само собой». Конечно, его воспитывают и в него «вкладывают», но скорее как-то между прочим. Если ребенок приемный, то «вкладывание» происходит порой вопреки его собственной природе. Если ребенок, вырастая, отвергает наши «дары», это воспринимается либо как педагогический провал», либо как оскорбление: «Мы все для него сделали, а он!..»

В нашей Службе по устройству детей в семью раздался телефонный звонок. Срывающийся женский голос произнес: «Подскажите, что делать. Все знакомые мне сочувствуют, все, кому я ни расскажу свою историю, на моей стороне. Вы специалисты, вы сможете судить по справедливости». Начало немного насторожило, речь явно шла о конфликте с выросшим ребенком.

Молодая незамужняя женщина Елена пятнадцать лет назад удочерила пятилетнюю девочку. Жили вместе с бабушкой, личную жизнь Елена отвергала по принципиальным соображениям. «Для меня главное – ум, образование, интеллигентность. Я сама всю жизнь училась, и приемной дочке Анечке говорила – учись, и ты никогда не будешь зависеть от мужчины, от какого-нибудь тупого, грубого мужлана». Елена защитила диссертацию, издала несколько печатных работ. Бабушка помогала, девочку они растили вместе.

«Анечка росла очень хорошей, прилежной, – продолжила свой рассказ Елена. – Она сообразительная, умная. Иногда, правда, слишком уж подвижная, веселая такая. Живая очень» – В голосе Елены зазвучали неодобрительные нотки. Девочка отлично училась, решили, что она будет поступать в университет. «Три года назад она познакомилась с этим Эмилем. Дорожный рабочий, представляете. Приехал в Москву на заработки. Я-то думала,

она в библиотеку ходит, а она к нему на свидания бегала!» – «И что же было дальше?» – Аккуратно заданный вопрос породил ответную бурю эмоций. «Вы что думаете, он ее любит? Да он только выгоды искал!»

Вопреки ожиданиям, Эмиль оказался вовсе не охотником за московской пропиской. Молодые люди, поняв, что одобрения от Аниной мамы им не дожидаться, уехали на родину Эмиля, в Молдавию, и уже второй год живут там в деревне. Недавно у них родился ребенок. Через знакомых Аня уже несколько раз передавала маме, что она счастлива, довольна своей жизнью. Единственное, что ее огорчает, – ссора с мамой, ей очень хотелось бы повидаться.

«Она меня предала! Я знать ее больше не желаю! – бушевала Елена. – Она его не любит! Да она мне назло все это сделала! Променила хорошее образование, перспективы на полуживотное существование. Что она там делает, в этой деревне, в огороде копается? С мужиком этим, с ребенком. Да он ее бросит!»

Не исключено, что Эмиль бросит Анну – в жизни все бывает. Тем более ей будет нужна поддержка и любовь мамы. Когда разговор пошел в эту сторону, Елена бросила трубку. Видимо, с ее точки зрения, специалисты рассудили не по «справедливости». Могла бы такая ситуация возникнуть, если бы Аня была «родной» дочкой? Конечно, могла бы. В чем же различие? Пожалуй, только в одном. Сама Елена считает, что эта ситуация возникла из-за того, что Анечка – приемный ребенок. Она ставит Ане в вину ее природные задатки, ее «корни».

Так кто кого предал? Анна – Елену, отвергнув семейные ценности в виде хорошего образования, ума и «интеллигентности»? А может быть, Елена предала маленькую Аню с самого начала, отвергнув живость ее ума, подвижность, стараясь по возможности «загасить» бьющую из нее жизненную энергию? Возможно, у Ани, которую растила хорошо образованная, но одинокая, лишившая себя мужской любви Елена, слились воедино два понятия – «образование» и «одиночество». Не захотев одиночества, она отбросила заодно и «перспективы»?

Кого же мы любим? наших детей или «себя» в детях? Готовы ли принять «иную» маленькую личность, и довериться тому лучшему, что в ней заложено, или же хотим любить только свое продолжение, свое отражение? В «своих» детях, конечно, легче найти «себя». Те, кто любят в детях самих детей, даже не понимают, в чем разница между родным и приемным. «Ведь это же – Ребенок! – с гордостью за свое чадо говорят они. – Какая разница, откуда он появился!»

Ребенок плюс

Если ребенок родился в семье, то вопроса о том, чей он, просто не возникает. Папин-мамин, чей же еще. Ну, бабушкин-дедушкин. Иногда ребенка «делят», но это к нашей теме не относится. Если семья собирается завести приемного ребенка, то все немножко сложнее. «В детских домах дети брошенные, ничьи. Мы возьмем ребенка, и он будет наш», – говорит семья. Очень хорошо, что говорит. Каждому ребенку очень нужна семья. Каждый ребенок хочет быть «чьим-то». Единственно, с чем происходит «неувязочка», – в детском доме они не совсем «ничьи».

Кто-то несет ответственность за детей в детском доме. Например, директор детского дома по закону является опекуном всех «своих» детей. Если этот директор не случайно оказался на своем месте, ему глубоко безразлична судьба «его» детей. Он очень хочет, чтобы его дети нашли «настоящую», «свою» семью. Только вот как бы не ошибиться? Как бы ребенка не подвести...

Директор как опекун подчиняется органам опеки и попечительства своего района. «Опека» отвечает за всех неблагополучных детей района, за всех сирот, за всех детей, оставшихся без попечения родителей. Без попечения родителей – значит на попечении государства. Государство, конечно, абстрактное понятие, но работу-то делают реальные, живые люди. Часто им безразлично, где, в какой семье окажется ребенок. Как бы хуже не сделать...

Приемного ребенка нельзя взять «просто так», потому что он «ничей». Вместе с ребенком принимающая семья получает еще «довесок» в лице неких организаций и их сотрудников, которые призваны в дальнейшем контролировать жизнь семьи с приемным ребенком.

Зачать своего ребенка можно, никого не спрашивая. Можно выносить ребенка, проходить всю беременность без помощи специалистов. Процесс в общем-то естественный. Хотя лучше все-таки сходить к каким-нибудь врачам, сдать анализы. Врач, ведущий беременность, обязан помогать вам в любом случае. Родить можно без помощи посторонних лиц. В поле, на стоге сена, или дома в ванне. Конечно, желательно присутствие мужа или же акушерки. Новорожденного, конечно, нужно зарегистрировать, но это дело техники. Ну а про воспитание «своих» детей мы уже поговорили в предыдущей главке. Воспитаем, спрашивать никого не будем.

Теперь давайте посмотрим, чем будет отличаться «обзаведение» приемным ребенком. Какие этапы придут на смену естественной цепочке «зачатие – вынашивание – роды – воспитание»? Завести «дело» на «получение» приемного ребенка невозможно без участия органов опеки и попечительства. Они выдадут список необходимых документов. Аналогично проводите сами. Любить их не нужно, но вот уважать – обязательно. Сбирать все документы на «получение» приемного ребенка нужно самостоятельно. Проходить специальную подготовку желательно, если есть такая возможность. Тут вам потребуются специалисты.

Получить «Заключение о возможности быть принимающей семьей» невозможно без одобрения специалистов по устройству детей в семью. Здесь основное отличие от рождения своего ребенка. Врач, ведущий беременность, обязан помогать всегда, и он будет помогать – вам. Специалист по устройству детей в семью помогает прежде всего – детям. Потом уже – вам. Не все граждане, желающие взять приемных детей, получают «Заключение». Отказ может произойти как по формальным, так и по

неформальным причинам. Наконец, знакомство с ребенком. Тут, в отличие от естественного хода вещей «что родилось, то родилось», слишком много в руках человеческих.

Перейдя в семью и получая там соответствующее воспитание, приемный ребенок продолжает оставаться в поле зрения социальных служб. Ребенок остается «усыновленным», «взятым под опеку», «патронатным», то есть немножечко не вашим. Соответствующие службы и инстанции оставляют за собой право задавать вопросы.

«Помогающие» или порой «контролирующие», видимые или невидимые, социальные службы будут рядом с вашей семьей. Возмущаетесь? А зря. Если вам станет совсем плохо и трудно, вы будете знать, куда пойти и где найти помощь специалистов. Если у вашего ребенка возникнут проблемы, вы не останетесь с ними «один на один». Знаете, сколько семей не распались только потому, что им вовремя помогли, поддержали в трудный период? Сколько людей перестали «сходить с ума», просто получив грамотную информацию от детского психолога, убедившись, что с их ребенком на самом деле все в порядке.

Ну и, конечно, нельзя не сказать о том, что некоторые люди, к сожалению, «сдают» своих детей. И родных, и усыновленных, и из-под опеки, и откуда угодно. Должен же кто-то подхватить ребенка, чьи приемные родители «больше не могут»? «Ну, это какие-то моральные уроды так поступают, как можно отдать ребенка назад?» – возмущаются абсолютно все до приема ребенка, в том числе будущие «моральные уроды». Вы уверены, что лично вы так никогда не поступите, и хотите, чтобы вам выдали особый кредит доверия? Поверьте, гораздо надежнее, если рядом будет Служба сопровождения семьи и ребенка.

«Нет, ну все-таки, – воскликните вы, – если мы усыновим ребенка, пройдем через суд, мы же можем после этого просто забыть о всяких там “службах”. Не нужно нам никакой помощи, сами справимся, только пусть никто не вмешивается в нашу жизнь!» Никто и не будет вмешиваться. Если вы сами не попросите.

Вопрос состоит в том, чтобы каждому усыновителю было куда обратиться, если ему будет нужно. Чтобы усыновление перестало быть стыдным. Чтобы ваш выросший ребенок, случайно или нет, узнавший, что вы не родные, мог посоветоваться с каким-нибудь хорошим, понимающим человеком (специалистом), и чтобы вы сами могли с кем-нибудь посоветоваться. Никто не снимает с вас ответственности. Вам предлагают возможность получить помощь.

Так хорошо это или плохо – получить ребенка в комплекте с социальными службами, которые, может быть, действительно помогут в трудную минуту? Помощь этих служб, конечно, не заменит недостающего «материнского инстинкта», не восполнит нехватку «безусловной родительской любви». Но лучше что-то, чем ничего. Многие семьи вырастили своих приемных детей, пользуясь помощью специалистов. В любом случае выбора здесь нет. Если «Родители», то «Дети». Если «Приемные родители», то – «Дети + Социальные службы».

Женщина, которая его родила

Своего ребенка вы родили, вы его и воспитали. Если вы берете приемного ребенка, в вашей совместной с ребенком биографии появляется «женщина, которая его родила». Смутный образ этой женщины является «пугалом номер один» при обсуждении вопроса, какого ребенка хотела бы взять семья.

«Только, пожалуйста, нам ребеночка без кровных родственников! – застенчиво улыбаясь, заявляет о своей позиции очередная симпатичная пара. – Мы, конечно, все понимаем, но ведь это очень опасно... Прежде всего, для ребенка, конечно. Вчера вот кино показывали, так там эта мать, наркоманка, она их выследила! А отец, родной, с ножом таким, знаете... И прячься потом!»

Возможно, голливудские сценаристы черпают свое вдохновение из иного материала. Надо сказать, что наши, отечественные кровные мамы, бросившие своих детей, в большинстве

своим слабым, беспомощным, очень несчастным женщинам. Им не хватает жизненной энергии на то, чтобы умыть собственного ребенка, что уж тут говорить о «выслеживаниях». Феномену неблагополучных семей, матерей, бросающих своих детей, будет посвящена отдельная глава. Здесь же я хочу поговорить только о том, что неизбежно коснется приемных родителей, – ваш приемный ребенок рожден не вами.

«Да не коснется нас это! – в сердцах воскликнете вы. – Мы усыновим ребенка. Существует тайна усыновления, никто ничего не узнает!» «Скелеты из шкафа вываливаются в самый неподходящий момент», – гласит старинная английская поговорка. «Мертвец в семье» – так называет знаменитый Берт Хеллингер, исцеливший сотни семей, родственника, о котором запрещено упоминать. А кровная мать ребенка, как ни переправляй документы, остается его кровной матерью.

Семейные психологи всего мира в один голос кричат о том, что тайна рождения ведет к огромным проблемам в жизни человека, к неприятию им самого себя. Они настаивают на том, что человек должен иметь право получить о себе самую полную информацию. Тем не менее я далека от мысли, что мне удастся прямо сейчас убедить всех не хранить «тайн» и рассказывать правду. Выбор за вами.

Вы можете рассказывать ребенку правду о его происхождении или не рассказывать. Вы можете собрать доступную информацию о его рождении, происхождении, живых и умерших родственниках, о его кровной матери и в нужный момент поделиться этой информацией с ребенком. Вы можете всего этого не делать. Но что вам нужно сделать обязательно – это принять тот факт, что вашего ребенка родила другая женщина.

Конечно, «не та мать, что родила, а та, что воспитала». Вы – его мать, и он – ваш любимый и родной ребеночек. Но попробуйте почувствовать благодарность к той женщине просто за то, что она родила для вас этого ребенка. Она его родила и выносила, и откуда вы знаете, что она не плакала горячими слезами, оставляя свою кровиночку в роддоме?

В нашу Службу позвонила женщина, которая назвалась Ириной. «Неделю назад я родила ребенка, – начала рассказывать Ирина. – Я приезжая, в Подмоскowie на заработках. Когда я забеременела, то потеряла работу. Без работы нет денег, и жилье я тоже потеряла. До родов жила у подруги, она замуж вышла, семья ее мужа меня приютила. А с ребенком я туда вернуться не могу, у них тесно, они и не обещали принять меня вместе с ребенком». – «Кто родился?» Голос Ирины задрожал: «Девочка. Я хотела оставить ее в роддоме, ненадолго. Только мне сказали – или пиши отказ на ребенка, или забирай ее отсюда. Я отказ написала».

Голос сорвался, несколько минут она не могла говорить. «Вы можете мне помочь? Если б можно было, чтобы дочка годик в семье какой-нибудь пожила, а потом я ее заберу обязательно. А там, в роддоме, они ее на усыновление отдадут, и я никогда ее больше не увижу!»

Мы пытались помочь Ирине. Нашли семью, которая согласилась принять ребенка на год или на сколько потребуется. Они готовы были принимать Ирину тогда, когда она сможет видеться с ребенком. Единственное, что Ирина должна была сделать самостоятельно, – это пойти в тот роддом и забрать свой отказ. Она имела на это и юридическое, и моральное право. Ирина звонила нам несколько раз, потом пропала.

Что дальше произошло с ней и с ребенком, к сожалению, неизвестно. Девочку, вероятнее всего, давно удочерили. Вспоминает ли ее новая семья Ирину добрым словом? Ирину, в жизни которой произошла трагедия. (Иногда я думаю, может, Ирина просто забрала ребенка, да и уехала куда-нибудь на родину, к своей маме, домой. Живет и растит свою дочку. Хорошо бы, если так.)

Кстати сказать, сотрудники роддомов и домов ребенка, прочитав эту историю, наверняка возмутятся и будут не так уж неправы. Сколько таких Ирин они перевидали, сколько обещало прийти за своими детишками «через месяц», «через полгода». Мама все не идет, а малыш тем временем мается в казенном доме. Лучше бы его усыновили, и жил бы все это время в семье.

Почему же, понимая все это, мы пытались помочь Ирине? Потому что она правда хотела, чтобы ребенок остался с ней.

В жизни порой происходят совершенно невероятные истории. Одна приемная мама, взявшая пятилетнего мальчика в нашем детском доме, по собственной инициативе стала разыскивать его кровную родню. Мальчик был рожден от ВИЧ-инфицированной матери, здоров, оставлен в роддоме. До трех лет жил в доме ребенка, потом был переведен в наш детский дом и устроен в семью.

Так вот, эта приемная мама с большим трудом, совершенно самостоятельно, разыскала адрес его семьи, в одной из республик к западу от России, и поехала туда. Одна, без ребенка. «Я сама не знала, зачем еду, – рассказывала она, – мне просто нужно было на них посмотреть». Она нашла этот дом, маленький частный дом в деревне. Дверь была не заперта, она вошла. В комнате сидела женщина, которая поглядела на нее и молча вышла в соседнюю комнату.

Через несколько минут женщина вернулась, ведя какого-то мужчину. «Она приехала», – спокойно сказала женщина. Они ее ждали. То есть не именно ее, а кого-то, кто взял их внука. Они поговорили, показали друг другу фотографии. Пожилые супруги рассказали о своей дочке, матери ребенка. Наша приемная мама уехала в тот же день со спокойным сердцем. Больше они не виделись. «Больше и не нужно, – сказала она, – все хорошо».

глава 2 Разногласия, или «человеческий фактор» в процессе устройства ребенка в семью

Моя твоя не понимаю

Мы все вместе делаем одно дело. Приемные родители и сотрудники социальных служб делают одно дело, которое называется «устройство в семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». В результате всех этих усилий большинство детей обретут любящих родителей, которые воспитают ребенка, помогут ему стать самостоятельным.

Тем не менее на пути к заветной цели возникает множество разногласий и взаимонепониманий. Будущие приемные родители обижаются на социальных работников, сотрудников тех самых социальных служб. Социальные работники не слишком доверяют благим намерениям граждан, изъявляющих желание взять ребенка. Есть еще дети, в интересах которых все это делается, но мнение которых спрашивают в последнюю очередь. Если его вообще можно спросить – они и говорить-то толком не умеют.

Разногласия между будущими родителями и социальными работниками начинаются даже не с первого разговора, а еще раньше. «Нам нужен приемный ребенок, – решает семья. – Какой? Разумеется, здоровый. Желательно абсолютно здоровый. Симпатичный. Ну, красивого необязательно, но хорошо бы блондина. Люди мы занятые, поэтому ребенка нам нужно поскорее. К Новому году. К Рождеству тоже можно. Как будет красиво – елка, свечи, подарки, и маленький сиротка, плачущий от счастья. Он же никогда не видел елки?» Конечно, так думают далеко не все. По-

дождите возмущаться. Просто, к сожалению, некоторые именно так и думают.

На собеседование пришла молодая, красивая Кристина. Хорошо одетая, очевидно хорошо зарабатывающая. Она вся лучилась оптимизмом и уверенностью в том, что уж ей-то должно доставаться все «самое лучшее».

– Только девочку, – сказала она, – трех лет, блондинку. Здоровую. Она будет спортом заниматься.

– Почему вы так думаете? – переспросил социальный работник.

– То есть как почему? – Кристина даже не поняла вопроса. – Потому что я так хочу!

– Вы, наверное, и вид спорта выбрали?

– Ну, разумеется. Фигурное катание. Я сама бывшая спортсменка.

– А если у ребенка будут противопоказания к спорту?

– Так я вам и говорю, подберите мне такого, чтобы не было противопоказаний.

– Понимаете, мы ищем семьи для наших детей. Мы не вам ребенка подбираем, а каждому из наших детей подбираем семью.

– Но у вас ведь есть маленькие девочки?

Иногда это напоминает разговор глухого со слепым.

У социальных работников крепкая профессиональная позиция. Они многое стерпят, снова и снова будут объяснять, что к чему. Семьи тоже приходят не лыком шитые. И тоже многое стерпят, потому что понимают, что исполнение их желания зависит от этих людей.

Социальные работники тоже люди. Когда в сто пятидесятый раз слышишь про «здорового круглого сиротку с голубыми глазами» или «когда можно будет посмотреть детей и выбрать», хочется крикнуть: «Вы что, ребенка под цвет обоев подбираете? Они же живые! Нельзя же в них рыться, как в апельсинах, выбирая “послаще”!»

Будущие родители, слушая про «нездоровых детей из неблагополучных семей», тоже сначала хотят крикнуть: «Мы при-

шли сюда не за этим! Мы хотим счастья для себя, радости в доме. Что вы нам норовите “подсунуть” это отродье алкоголиков?»

После трех-четырех собеседований и одного тренинга длиной в десять занятий мы с семьями начинаем понимать друг друга, как родные. И детки из неблагополучных семей не таким уж «отродьем» оказываются, и болезни в основном не очень страшные, больше от запущенности. Да и голубоглазые сиротки порой встречаются. Кстати, странная закономерность – у этих «ангелочков» почему-то всегда ужасный характер.

Сочувственное слово к недовольной семье

Есть вы, ваша семья – хорошие, добрые люди. Порядочные и ответственные. Вы давно знаете, что детей в детских домах и домах ребенка очень много, больше, чем после войны. Вы читаете газеты и журналы – они пестрят фотографиями детей и призывами к помощи. Вы смахиваете слезу, глядя на детей-сирот, приглашенных на телевизионные передачи. Реклама вдоль дороги кричит: «Возьмите меня домой».

Вы решаете взять его домой. Или ее. Все очень просто. Если есть семья и есть дети, нуждающиеся в этой семье, то их нужно поскорее соединить. Именно этого вы и хотите – искренне и честно – поскорее забрать ребеночка из детского дома, и дело с концом. Не тут-то было.

Вы приходите в местный Отдел опеки и попечительства (или в Уполномоченную службу) и заявляете о своих намерениях. К вашему удивлению, вас не встречают с распростертыми объятиями. Напротив, к вам относятся чуть ли не подозрительно. Вас просят собрать очень много разных документов. Снова и снова вам задают вопрос о том, зачем вам это нужно. Более того, пытаются объяснить, что вам это ну совсем не нужно, что вы потом сами пожалеете.

Потом к вам домой приходят посторонние люди и проверяют, как вы живете. Более того, эти бюрократы требуют, чтобы

вы, взрослый человек, с хорошим образованием и большим жизненным опытом, ходили на какие-то непонятные курсы «по подготовке семей, желающих взять приемного ребенка»! Это просто смешно! И сколько времени на это нужно угробить! Хуже всего, что, оказывается, вам могут отказать. Еще хуже, если вам не откажут, а просто будут «мурыжить», пока вы сами не бросите это «безнадежное» дело. «Кто именно решает дать “добро”? – гневно вопрошаете вы. – Кто определяет степень нашей “готовности”? В какие сроки, в конце-то концов?»

Когда речь заходит о выборе ребенка, все становится еще хуже. Вы отчетливо и внятно сообщили о своих критериях выбора. Вы знаете, какого ребенка вы хотите. «Мы очень хотим установить патронат с последующим удочерением над девочкой пяти лет. Пожелания: симпатичная девчушка, спокойная, общительная, славянской национальности, без серьезных отклонений», – пишут люди на сайт, содержащий информацию о детях-сиротах. Все достаточно четко сформулировано. Тем не менее вам объясняют, что здоровых и спокойных детей почему-то нет. Вам толкуют что-то о болезнях, но вы точно знаете, что больного ребенка взять просто не сможете.

Разговоры о «социальных» сиротах, неблагополучных семьях вызывают недоумение. Что, в детских домах нет круглых сирот – жертв войн, авиакатастроф, землетрясений? Вы начинаете подозревать, что работники пресловутых социальных служб просто не хотят именно вам давать здорового ребенка-сироту. Упоминания о кровной родне ребенка вводят вас в состояние ступора. Вы что, должны будете поддерживать отношения с этими алкашами? Вспоминать вместе с ребенком его кровную мать, бросившую его на улице? Зачем же это нужно? Пусть ребенок поскорее забудет все плохое.

А потом, когда ребенок уже будет жить в вашей семье, возмущение охватывает при мысли, что приватность вашей жизни будет постоянно нарушаться. Вот строки из письма: «После усыновления ребенка органы опеки имеют право ежегодно осуществлять контроль за его жизнью. Как часто инспектор имеет

право посещать такую семью? И не получится ли так, что семья вынуждена будет “сидеть на привязи” дома и отпрашиваться в опеку в отпуск. Честно, меня уже напрягла одна только мысль, что в течение трех лет женщина из опеки будет постоянным посетителем моего дома». Конечно, подобная перспектива ничего, кроме ужаса, не вызывает.

Короче, все оказывается гораздо сложнее, чем вам казалось поначалу. Поневолу закрадываются мысли: «Социальные службы – действительно “помогающие”? Может быть, скорее “мешающие”? И какое право они имеют не доверять вам? В сущности, все, что от них требуется, – это отдать вам поскорее вашего здорового сиротку и оставить вас в покое».

С точки зрения сотрудника социальной службы...

В нашем детском доме есть специальная Служба по устройству детей в семью. Задача Службы – находить семьи, желающие принять ребенка из детского дома. Помогать им подготовиться к этому ответственному шагу. Для каждого ребенка Служба должна порекомендовать наиболее подходящую семью. Когда ребенок уже переехал в семью, служба помогает им адаптироваться к новой жизни. Наш детский дом уполномочен выполнять функции опеки и попечительства, поэтому семьям, пришедшим к нам, не нужно ходить куда-то еще.

Люди к нам приходят разные. В большинстве своем – добрые и хорошие, искренне желающие взять приемного ребенка и воспитать его. Большинство действительно смогут это сделать. Кто-то не сможет, и наша задача – построить систему подготовки так, чтобы каждый понял сам, по силе ему задача или нет.

Мы не имеем права судить людей, чистоту их помыслов, твердость их решения. Мы не можем знать заранее, хорошо ли получится у этого человека воспитывать ребенка. Все, что мы можем, – разговаривать с людьми, задавать им вопросы, отвечая на которые они поймут что-то о себе самих.

Мы приглашаем все семьи на подготовительный тренинг. Каждый сможет побывать в «шкуре» ребенка, почувствовать, каково это – не иметь ничего своего. Каково ждать, когда тебя «выберут». Каково это – быть приемным ребенком в семье. На тренинге люди узнают, чем различаются «домашние» и «детдомовские» дети одного возраста. «Пережив» на тренинге кризисы, которые обычно происходят в принимающих семьях, участники по-новому оценивают свои собственные силы и возможности.

Если в ходе подготовки человек говорит: «Нет, вы знаете, похоже, я не справлюсь», – честь ему и хвала. Это отличный результат. Представляете, что было бы, если бы человек это понял после того, как ребенок уже перешел в его семью?

Собрать документы и пройти подготовку не очень сложно. Семьи, у которых все в порядке, обычно проходят этот этап «на одном дыхании». Правда, многим кажется, что это довольно тяжело и долго, и хочется, чтобы поскорее «все закончилось». Это как с беременностью. Пока женщина «в тягости», она с нетерпением ждет «ну когда же...». Когда долгожданный момент наступает, вот тут-то семья и понимает, что настоящие сложности только начались.

Мы, сотрудники Службы, очень хотим, чтобы дети нашего детского дома поскорее оказались в семье. Мы ждем семьи, радуемся каждому пришедшему. Мы специально учились, чтобы помогать принимающим семьям. Мы уже помогли сотням детей и взрослых стать семьями. Но если к нам приходят люди, которым «все не так», мы настораживаемся. «Документов слишком много надо собирать, тренинг какой-то проходить надо, в семью какие-то тетки придут, какое вы имеете право!.. Дайте нам ребенка поскорее, мы не собираемся тратить свое время на всякие проверки и подготовки!»

Скажите, а вы сами отдадите своего ребенка «пожить» в семью, о которой вы мало что знаете? Представьте, что у вас есть свой, родной ребенок. Представьте, что так сложились обстоятельства, что вам нужно надолго уехать, и вы не можете взять с собой ребенка. Давайте предположим, что у вас нет близких

родственников, которые могут пожить в вашем доме. Вы ищете среди своих знакомых и дальней родни семью, которая примет вашего ребенка. Какие вопросы вы им зададите? Какую информацию захотите собрать?

Отнесутся ли они по-доброму к вашему ребенку? А как они относятся к собственным детям? А есть ли у них просто-напросто время, чтобы заниматься с ребенком? Или они все время заняты? Хватит ли у них терпения, ведь не такой уж он «ангел»? Вдруг они от него устанут, начнут злиться? Как они проводят свое свободное время? Какие порядки в семье? Кто там главный, кто все решает? Кто самый добрый, кто в случае чего нашего ребенка пожалеет?

Это только малая толика вопросов, которые вы зададите, прежде чем оставите своего ребенка в другой семье. Если они – нормальные люди, они вас поймут. Поймут вашу тревогу, беспокойство, неуверенность. Если же они начнут злиться и возмущаться, вы вряд ли рискнете просить такую семью помочь вашему ребенку.

Поймите и вы нас. Мы отдаем Нашего ребенка в Чужую семью. Это потом семья станет для этого ребенка – роднее всех родных. А пока – пока это непростое решение. Мы хотим быть уверены хотя бы в том, что семья понимает, на что она идет. Что будущие папа и мама останутся тверды в своем решении, даже когда им «достанется по полной программе». Мы хотим помочь вам, а в первую очередь мы хотим помочь нашим детям.

Что сказали бы дети, если бы их спросили

Не так давно вдоль всех московских дорог висели плакаты: «Возьмите меня домой!» Вряд ли дети скажут эти слова. Многие из них просто не знают, что такое «домой». Мать оставляет новорожденного младенца в роддоме, потом его переводят в Дом ребенка. Возможно, он еще полежит в больнице, или съездит на лето «на дачу». Потом его переведут в детский дом или ин-

тернат. Не видя в жизни ничего, кроме казенных учреждений, ребенок вряд ли представляет себе иную реальность.

Приемная мама одного из наших детишек рассказывала, что маленький Коля считал детский дом местом, где «производят» детей, а потом их оттуда забирают в семьи.

Некоторых детишек мамы бросают не сразу. Оставить ребенка в роддоме не всегда просто, и многие «неблагополучные» мамочки мыкаются, пытаются как-то «вырулить», справиться с ребенком, с собой и своей непутевой жизнью. Ребенок какое-то время живет дома, с мамой. Возможно, что не дома, а на вокзале или в сарае, но с мамой. У него сохраняются смутные воспоминания о ее руках, запахе, звуке голоса. Для него «домой» означает «к маме». «Ты мама?» – спрашивает он зашедшую тетю, принюхиваясь и приглядываясь. «Домой, домой», – радостно приговаривал маленький Алеша, не очень-то понимая, куда он едет. Два месяца назад приемная мама, тяжело заболев, отдала его назад, в детский дом. Очень скоро ваш дом станет его единственным домом, а ваша семья – единственной любимой семьей. Только дайте время, чтобы в маленькой головенке все «утряслось».

А что сказали бы дети, которых «изъяли из семьи ввиду угрозы жизни и здоровью»? Они хотят «домой»? Дома было шумно, там плохо пахло. Там случались драки. «Дома» – это такое место, где темно, голодно и холодно. И страшно. «Мы скоро поедем домой», – спешат обрадовать ребенка новые папа и мама. «Туда?» – думает ребенок. Он потом поймет, что это не страшно. Он узнает, что «дом» – это хорошо. Там светло, чисто и легко. Там любят и не обижают. Только ему нужно время, чтобы это понять.

Когда ребенка забирают домой, он обретает семью. Вся его жизнь меняется к лучшему. Но в данный конкретный момент времени он испытывает чувство потери. Накануне переезда в семью дети часто просят своих новых родителей: «А давай возьмем еще Машу и Петю!» «А воспитательница тетя Лена с нами поедет?» – тревожно вопрошают они. Казенные, но такие привычные кровати, тумбочка. Понятные правила. Знакомая еда.

Даже привычное равнодушие, которое в семье сменится непривычными вниманием и заботой, может вызвать ностальгию.

«Мне очень тревожно, – мог бы сказать ребенок, если бы умел говорить на “взрослом” языке, – я не знаю ничего об этой новой жизни, и я боюсь. Я вовсе не уверен, что эти перемены – к лучшему».

Даже если бы ребенок мог говорить на «взрослом» языке, он не всегда смог бы сказать о своих чувствах. Взрослые ведь не всегда могут рассказать о том, что им не нравится? Родители хотят заранее «посмотреть» на будущего приемного ребенка. А вдруг не понравится? Вдруг возникнет чувство антипатии, неприязни? Бывает, что семья отказывается взять ребенка, потому что он «не их». Чувство такое вот возникает, что, мол, этот ребенок – «не наш». Иногда об этом говорят прямо. А иногда долго мнутя, жмутся, не находят слов, порой сами не понимают, в чем дело – вполне симпатичный, неглупый ребенок. Наконец, изобретают какой-нибудь приличный предлог, чтобы «улизнуть».

А если ребенок чувствует, что это «не его мама»? Если он испытывает чувство необъяснимой неприязни? Вряд ли он сможет сказать: «Вы знаете, это прекрасная женщина, достойная самого лучшего ребенка. Она красивая и, наверное, умная и добрая. Но вот, понимаете, какая-то она, ну... не моя, что ли...»

В противоположной ситуации ребенок тоже не находит слов. Будущие мама с папой так ему понравились, что у него дыхание замирает при мысли, что все сбудется. Он так стесняется и боится сказать что-то невпопад, что отворачивается и забивается в угол. «Мы ему не нравимся?» – грустите вы. «Не может быть, чтобы я тебе понравился. Ты не знаешь, какой я плохой. Меня уже три тети смотрели, я больше не хочу», – превращается в маленького «ежика» ребенок.

Дети очень самолюбивы. Они вовсе не хотят, чтобы их считали «подкидышами» и «бедными сиротками». Они намерены продемонстрировать, что их «не на помойке нашли». «Мой папа на самом деле – президент, – рассказывал всем желающим маленький Богдан, – меня похитили вражеские агенты». Это не

шизофрения. Просто абсолютно нормальный ребенок пытается любой ценой поднять «упавшую» самооценку. Они часто рассказывают о мамах – необыкновенных красавицах, и папах – богатых бизнесменах. Они подробно описывают, в каких машинах ездили и в каких дворцах жили.

«Не нужно смешивать с грязью мое прошлое, – говорит на «взрослом» языке ребенок, – возможно, мои кровные родственники – не самые успешные люди. Но они – Мои родственники».

А что дети говорят, если их на самом деле спрашивать, какую они хотят семью? Они хотят, чтобы были папа и мама. Молодые и красивые. И богатые. Чтобы папа и мама подарили много подарков. Чтобы была машина и дача на берегу океана (возможны варианты, но все – как «в кино»). Чтобы они с папой и мамой все время были вместе и путешествовали по всему миру. Чтобы папа с мамой были самые добрые и умные люди на свете и никогда-никогда не ругали. И никогда не болели. И никогда не умирали.

Вас это удивляет? Но вы ведь тоже хотите умного, здорового, красивого, «славянской внешности и без плохой наследственности». Вы вписались в «портрет семьи», созданный ребенком? Нет? Вы тоже заготовили «портрет», в который далеко не каждый реальный ребенок впишется. Не переживайте. Вы все равно найдете друг друга. Такие, какие вы есть.

глава 3 «Зачем вам это нужно?», или По каким причинам люди берут ребенка из детского дома

Зачем?

Вы хотите взять ребенка из детского дома? Возможны разные варианты. Первый и самый простой – хотим и обязательно возьмем. Уже взяли. Второй вариант – думаем. Взвешиваем, собираем информацию. Третий – нет, мы, к сожалению, не можем. Но читать про это интересно. Наконец, четвертый вариант – наши знакомые (коллеги, друзья, родственники) взяли ребенка из детского дома. Может быть, ваш сын (или дочь) выросли и вместо того, чтобы родить вам внука, хотят взять какого-то чужого ребенка. Вопрос «Зачем вам это нужно?» витает в воздухе.

А нужно ли «копаться» в своих побуждениях? Ну, хотим и хотим, кому какая разница, почему. Расскажу одну историю. В детский дом позвонила Марина, прекрасная 45-летняя женщина, жена и мать. «Мы хотим взять ребенка, и муж очень хочет, и дочь наша выросла и не возражает, чтобы мы взяли ребенка». Марина и ее очень милый, рассудительный муж пришли на собеседование, полные энтузиазма. Дружные супруги, всю жизнь вместе. Загородная усадьба, построенная практически своими руками – полная чаша. Куры, утки, цветы, прудик с карпами, машина. Дочка замужем и живет вместе с родителями со своим мужем и сыном.

Молодые, здоровые, благополучные Марина и Иван, уже бабушка и дедушка, почувствовали, что чего-то в их жизни не хватает. Хотя определенно ответить на вопрос «Зачем?» у них не получилось. «Мы еще не старые... У дочери своя жизнь», – неохотно

говорили они, быстро переводя разговор на другую тему. В детском доме все шло как по маслу. Прошли подготовку, обследование семьи. Собрали все документы. Выразили готовность взять двух детей.

Наконец, желанное событие свершилось. В дом пришли две девчущки – две сестры-егозы. Девчонки быстро адаптировались, с криком и визгом носились по своему новому большому прекрасному дому. «Мама, мама, а посмотри, что мы нашли!» – то и дело делились они радостью с новообретенной мамой Мариной. «Мама, а что это такое? – затаив дыхание, спрашивала младшая, крепко вцепившись в руку старшей, – оно не кусается?»

Через несколько дней Марина позвонила в детский дом и сказала, что хочет отдать детей назад. «Понимаете, – объяснила она, – девочки называют меня мамой, а моя дочь сказала, что она слышать этого не может. Ей обидно. К тому же они сильно шумят, а у дочери болит голова». Конечно, Марина переживала. Она буквально не знала, «как объяснить все детям». Впрочем, ей не пришлось ничего объяснять. Когда они ехали на машине в детский дом, младшая девочка сказала: «Мама, ты не расстраивайся. Мы знаем, что ты нас отдаешь назад. Ты только не переживай, мы все понимаем». Девочкам было пять и семь лет.

Если бы Марина твердо знала, зачем ей все это надо, она бы не сдалась. Она нашла бы способ помочь своим дочерям – приемным и родной – найти общий язык, привыкнуть друг к другу. Она бы выдержала. Человек может много выдержать, если твердо знает, зачем ему это нужно. Кстати, позиция Маринино мужа более понятна. Лишь бы Мариночке было хорошо. Захочет – возьмем деточек из детского дома. Не захочет – сдадим обратно. Добрый, любящий муж.

Мотивы принятия ребенка в семью

Почему же люди это делают, или, выражаясь научным языком, какие бывают мотивы принятия ребенка из детского дома в свою

семью? В нашу Службу по устройству детей в семью приходят сотни людей, и все они говорят о своем желании по-разному. Тем не менее все побуждения, или мотивы, можно объединить в несколько групп.

«Нет своих детей, вот и решили взять приемного» – очень часто звучит именно эта фраза. Ее произносят и семейные пары, и незамужние женщины. Молодые и люди в возрасте. Коля, 43 года и Марина, 41 год, делали несколько попыток искусственного оплодотворения. К сожалению, ни одна не удалась. «Врач сказал, что шансы у нас есть, но мы решили – все, хватит. Сколько можно себя мучить», – говорит Коля. 45-летняя Анна и 40-летний Игорь не обращались к врачам. «Мы люди верующие, если Бог не дает своего, значит возьмем приемного», – спокойно объясняет Анна.

Многие женщины, решившие взять приемного ребенка, делают это именно после сорока. 40 лет – такой символический рубеж. Ждут своего ребенка обычно до 40–45 лет, потом решают, что, раз не дождалась, лучше возьмут приемного. Светлана, эффектная бизнес-леди, пришла к нам, когда ей исполнилось 47. «Мы прожили с мужем двадцать лет душа в душу, – рассказала она, – но он не хотел детей. Мне было безумно тяжело, но я развелась. Знаете, он очень хороший человек, я уверена, он будет мне помогать». Светлана не ошиблась. Две приемные дочки, которые живут в ее семье, с большим уважением относятся к «дяде Валере».

«Вырастили своих детей, вырастим и еще одного», – с таким желанием в детский дом приходит не меньше людей. Ирина, мать троих сыновей, пришла к нам, когда младшему исполнилось пятнадцать. «Дети уже большие, а я тоскую по тем временам, когда они были маленькими. Рожать мне уже поздно, а сил еще знаете сколько!» Муж Ирины всецело разделял ее желание. Силы есть, опыт есть, да и четвертого ребенка наверняка будет гораздо легче растить, чем первых. Средний брат ходил вместе с родителями на тренинг. Братья приняли малышку как родную, с удовольствием с ней нянчились. Достаточно часто

люди решают взять ребеночка, пока свой еще маленький: «Где один, там и второй, где второй, там и третий, прокормим, а дети будут вместе расти, им веселее».

Иногда бывает так, что свои дети вырастают, и все чаще приходит в голову мысль взять приемного ребенка. Даже не потому, что остались силы нерастраченные, а потому, что очень одиноко. Кажется, что своим детям отец с матерью уже не нужны, что у них – своя жизнь. Эти подростки или юноши, еще вчера такие маленькие, теплые и сладкие, сегодня стали грубыми, резкими, чужими и холодными. «Что ж, – вздыхаете вы, – жизнь проходит, дети взрослеют, мы стареем». А стареть не хочется. Есть такое понятие «синдром опустевшего гнезда». Птенцы вылетели, и стало не о ком заботиться. «Стольким детям нужна забота», – решают те, кто приходит к нам в детский дом за ребенком.

Приходят к нам и люди, потерявшие своего ребенка. Иногда это была болезнь, и семья знала, что ребенок уйдет. Иногда трагедия происходит внезапно. Пережив самый острый, невозможный период боли, люди ищут способ жить дальше. Порой приемный ребенок становится спасением.

Александра потеряла двоих взрослых сыновей. Когда болел и умирал младший сын, отношения с мужем стали портиться. Каждый из супругов все больше замыкался в себе, не было сил утешать и поддерживать друг друга. Старший сын погиб через год после смерти младшего. Супруги расстались. Александра пришла в детский дом, чтобы взять девочку-подростка. «Мы с тобой две раненые птички, – сказала она Алене, когда 14-летняя девочка впервые пришла к ней в дом, – попробуем помочь друг другу».

«Отдать долг Жизни» – так, пожалуй, можно назвать еще один мотив, приводящий людей в детский дом. «Моя мама была сиротой, – рассказывала Люба, – я уже давно решила, что когда-нибудь помогу ребенку из детского дома». Люба вспоминала, что мама никогда не обнимала ее. В детстве Любе было холодно и одиноко. Маленькая девочка не знала, что ее мама просто не умеет дарить любовь.

Мама не знала, как обращаться со своим собственным ребенком – ведь она сама выросла без любви и ласки. Люба росла, детская грусть и жажда ласки сменились отчуждением от матери, осуждением. Повзрослев, Люба во всем разобралась и стала жалеть свою маму: «Если бы ее кто-нибудь забрал из детского дома! Если бы она выросла в семье, она научилась бы любить, и она любила бы меня».

В семью Любы пришла жить девочка, чуть постарше ее родной дочери. «Мне помогли, и я помогу» – так говорят люди, движимые чувством благодарности.

«Мы хотим помочь ребенку из детского дома», – решили Ирина и Павел. «Мы часто смотрим передачи по телевизору, – рассказывали супруги, – читаем про детские дома. Нам всего хватает, мы очень хорошо живем. Мы долго думали, и вот пришли. Мы решили, что можем помочь ребенку из детского дома, вырастить его». Ирина и Павел прошли подготовку, и решения своего не изменили. Предстоящие трудности их не испугали. Решение их было глубоко продуманным.

Иринина мама поначалу была против. Супруги не торопили ее, с пониманием относились к тому, что пожилой человек боится перемен в жизни. Тем не менее от намерения своего не отступались, в разговорах с мамой твердо стояли на своем. «Мы берем всю ответственность на себя, – сказали Ирина и Павел. – Мы понимаем, что с ребенком будет не просто. Мы понимаем, что конфликты неизбежны – и между нами, и между ребенком и бабушкой. Мы приложим все усилия, чтобы наша семья выдержала трудный период адаптации».

«Желание помочь ребенку» – непростой мотив. Если за ним только эмоции или «благие намерения», если он не подкреплен пониманием всей меры ответственности и готовностью справляться с трудностями, результат может быть плачевным. Порой люди готовы помочь хорошему, умному, ласковому ребенку, «бедной сиротке», но вовсе не хотят «проблем на свою голову». Ирина и Павел с честью выдержали испытание, в их семье уже третий год живет мальчик-подросток.

«Подстелить соломки»

Люди приходят в наш детский дом, проходят собеседования, подготовку, обследование семьи, берут детей и растят их. Сотни детей из нашего детского дома выросли в семьях, стали родными и любимыми. Сотрудники детского дома помогают каждой семье принять взвешенное, твердое решение. Рассказывают об опыте других семей. Зная заранее слабые места, пытаются «подстелить соломки».

«Вы хотите взять приемного ребенка, потому что у вас нет своих детей. А что будет, если появится свой?» – обычно мы всегда задаем этот вопрос на первой встрече, и ответ на него всегда одинаков: «Ну что вы, одно другому не мешает, будет у нас и приемный ребенок, и свой». Тем не менее на практике иногда возникают сложности.

Кира, молодая, красивая 36-летняя женщина, пришла в наш детский дом за маленьким мальчиком. «Я не замужем, у меня хорошая, высокооплачиваемая работа, – сказала Кира, – мой молодой человек не хочет детей, но это его проблемы». Кира старательно посещала тренинг, собирала справки, готовила к переменам свою пожилую маму.

Однажды во время перерыва в зал, где шли занятия, случайно влетела 11-летняя воспитанница детского дома, Верочка, и осталась поболтать. Кира просто «влюбилась» в Верочку. «Не нужно мне никакого мальчика, я возьму только Веру», – сказала она. Никто не возражал, все были рады за Верочку, да и за Киру.

Через несколько месяцев в семье начались проблемы. «Вера меня не слушается, сидит во дворе допоздна со своими друзьями. Мне стало очень трудно с ней жить», – начала вдрог жаловаться Кира. Киру пригласили в детский дом на консультацию. «Вряд ли вы сможете мне помочь, – неожиданно сказала Кира, – я даже обсуждать это не хочу. Мне нельзя волноваться, я беременна». Верочке пришлось вернуться в детский дом.

Конечно, такие случаи скорее исключение. Многие семьи рожают своих, воспитывая приемных, и все у них хорошо. Тем

не менее даже одно такое исключение – это травма в жизни одного ребенка, и стоит еще раз взвесить возможные последствия.

Мотив «где двое, там и трое», особенно если дело касается маленьких детей, не всегда себя оправдывает. Приемный ребенок на первых порах требует к себе особого внимания. Кроме того, ему нужно «вписаться в коллектив», разобраться в семейных правилах. Дети порой начинают конкурировать. За родительское внимание, за «место под солнцем».

«Давай сдадим Ваську обратно в детский дом, зачем он нам нужен», – слышат потрясенные родители от своего родного чада, который вовсе не обрадовался новому «брату». «Мама, папа, а пусть теперь Мишка пойдет в детский дом», – не остается в долгу приемный Васенька. «Что это? Жестокость, эгоизм, себялюбие?» – родители в ужасе, дети наказаны.

На самом деле, детям гораздо труднее, чем вам. Вы сознательно делаете доброе дело, идете на жертвы. Вы готовы к трудностям, вы взяли на себя ответственность. Прodelали большую душевную работу. Думали, сомневались, наконец, решились. Ничего подобного с вашими детьми не происходило. Их просто поставили перед фактом. Думайте снова и снова, если вам кажется, что всего-то изменений будет – прокормить еще один рот. Вам будет очень не просто. А вашим детям вдвойне. К счастью, большинство справляется. Вероятно, возникает вопрос, а что же происходит, если не справляются?

Несколько лет назад к нам перевели из другого детского дома девочку пяти лет, Машеньку. Очаровательная блондинка, кудрявая, голубоглазая. Мечта любой семьи. Из того детского дома, где она жила раньше, ее взяли в семью, где она пробыла ровно неделю. В семье был малыш, которого Маша стала щипать и кусать при каждом удобном случае. Горе-родители, не имевшие, видимо, никакого понятия ни о неизбежном периоде адаптации, ни о конкуренции и ревности между детьми, решили, что девочка «психиатрическая», и быстренько «сдали» ее назад.

Представьте себе чувства ребенка, который полгода жил с радостной надеждой, что нашел папу и маму, потом неделя новой жизни, и... изгнание. Она даже не успела понять, что произошло. Девочка была в очень тяжелом состоянии, и последствия пережитого еще долго сказывались на ее поведении. Уже два года она живет в новой семье, где ее приняли с ее непростым характером и полюбили. Полгода спустя эта семья взяла еще одного приемного ребенка, мальчика. Дети ладят между собой. Родители говорят, что Маша очень ласковая девочка.

Мотив «опустевшего гнезда» тоже таит в себе неожиданно. Иногда гнездо только на первый взгляд кажется опустевшим. Лидия и Петр, родители двух подростков, пришли в детский дом, когда младшей дочери исполнилось 16 лет. «Они уже большие, я им совсем не нужна, – говорила Лидия, – и мы подумали, что сможем помочь сироте». Каково же было изумление Лидии и Петра, когда их собственные дети устроили форменный бунт!

«Что ж ты, мама, делаешь, – кричала 16-летняя дочка, – я тебе больше совсем не нужна, да?» 20-летний сын больше отмалчивался, но тоже очень переживал и считал, что родители их «променяли». Отчуждение от родителей, такое естественное для подросткового возраста и ранней юности, было ложно истолковано как прекращение отношений, ненужность. «Мы не сможем взять приемного ребенка, – честно сказала Лидия, – я ошиблась, я нужна своим взрослым детям». Главное, понять это вовремя, пока не состоялось знакомство с ребенком из детского дома.

Если семья решила принять ребенка-сироту потому, что потеряла своего, нужно соблюсти некоторые правила. Во-первых, нужно немного подождать, хотя бы год. Боль никогда не пройдет окончательно, но она утихнет. Шрамы на сердце останутся на всю жизнь, но рана затянется, перестанет кровоточить. Приемному ребенку будут нужны ваши душевные силы. Ему нужна будет ваша помощь, он не сможет плакать вместе с вами над вашим горем – у него своя беда, свои потери. Пройдет некоторое время, и ваша душа проделает свою работу – работу горя. Отплатит

и откричит, простит себе вину несделанного, смирится с тем, что надо жить дальше.

Второе правило – обычно рекомендуют взять приемного ребенка другого пола. Приемный ребенок никогда не заменит потерянного. Но иногда очень трудно избежать соблазна и искать сходство, пытаться вернуть те самые ощущения, чувства. Приемный ребенок – совсем другой человек, не лучше и не хуже, просто другой.

Самому ребенку, попавшему в семью, где произошла трагедия, тоже очень важно знать, что он ценен и любим сам по себе, а не как замена ушедшего. Иногда приемные дети спрашивают откровенно, а иногда молча живут с незадачным вопросом: «Если бы ваш собственный ребенок был жив, вы бы меня не взяли?» Подумайте заранее, каков будет правдивый ответ?

По тем же причинам важно соблюсти правило номер три. Не пытайтесь «вписать» приемного ребенка в то, что не сбылось. Прекрасные вещи, и так удобно расставлена мебель. Хорошие книги, которые так любил читать ваш ребенок. Гитара, диски, компьютер – все что угодно. Все это – не пригодится. Отдайте это друзьям. Возможно, ваш приемный ребенок и постарается сжиться с чужими вещами, примерить на себя чужие таланты – из любви и сострадания к вам. Только лучше бы он жил своей собственной жизнью.

Обманутые надежды

Иногда людей приводят в детский дом обманчивые побуждения, ложные надежды. Неконструктивные мотивы – так это называется на языке науки. Переживая сложности со своими близкими, запутавшись во внутренних противоречиях, люди порой решают, что ребенок из детского дома станет решением их проблем.

Ольга пришла в наш детский дом «по рекомендации». «Дайте мне, пожалуйста, маленького мальчика, блондина, я готова за-

брать ребенка в ближайшие дни», – снисходительно улыбаясь, проговорила она. Ольга рассказала, что ее муж постоянно живет в другом городе, приезжает к ней только на выходные. Проводя в грусти и печали будние дни, Ольга придумала взять ребенка из детского дома. Не потому, что ей самой так уж хотелось воспитывать сироту. Просто она решила, что муж станет лучше к ней относиться, может быть, даже переедет насовсем к ней домой. А еще он обязательно полюбит ребенка. Он станет ответственным, любящим отцом для мальчика, и все у них будет хорошо.

Узнав, что прежде всего нужно прийти в детский дом вместе с мужем и что муж тоже должен будет проходить подготовку, Ольга страшно возмутилась. «Он ни за что не станет этого делать, – объясняла она, – он занятой человек». Мы предложили Ольге просто поговорить с мужем. Предложить ему прийти на встречу, как это делают все мужчины, всерьез собирающиеся воспитывать приемных детей. Через некоторое время она перезвонила. «Извините меня, пожалуйста, – сказала она. – Я так ошибалась. Муж на самом деле даже слышать не хочет ни о каких приемных детях. Он сказал, что если я это сделаю, он вообще больше не появится».

Порой за приемным ребенком приходят люди, отвергнувшие собственных детей. «Наш сын – эгоист, мы не желаем его видеть, – сказали вполне симпатичные супруги, пришедшие на собеседование, – мы возьмем другого ребенка, сироту, он будет нам благодарен. Мы оставим ему все нажитое, а сын пусть раскаивается».

Мы долго разговаривали с этой парой. Конфликт со взрослым, вполне самостоятельным сыном разгорелся два года назад из-за того, что он выбрал «не ту» девушку. Молодые люди уже больше года жили в счастливом браке, делая время от времени попытки помириться с родителями. Те не уступали, считая, что им нанесли «обиду».

«А что вы будете делать, если приемный ребенок в будущем тоже выберет “не ту”? – спросил социальный работник, – что, если он не будет “благодарен”? В конце концов, забота родите-

лей о ребенке – дело естественное, особой благодарности ожидать не приходится». Разговор был долгим. Супруги удалились разочарованные. Они-то думали, что сироты из детского дома – это такие забитые, униженные существа, с трепетом ожидающие внимания «благодетелей». Мысль о том, что даже маленькие дети – это личности, каждый со своим уникальным внутренним миром, со своими чувствами, желаниями и устремлениями, оказалась для них непереносимой.

Мамы-пенсионерки порой стремятся устроить «счастье» своих дочек. Милая дама, назвавшаяся Инной Петровной, описала вполне типичную ситуацию. «Моей дочери скоро сорок лет. Она все время на работе, ей некогда выходить замуж и рожать детей. А я так хочу внуков!» На вопрос, кто же берет на себя ответственность за ребенка, кто будет «мамой», Инна Петровна воскликнула: «Конечно, моя дочь! Вы не думайте, она очень хочет!» Как и всегда в подобных случаях, дочь никак не могла выкроить время, чтобы зайти в детский дом и поговорить о своем «горячем желании».

Конечно, сама Инна Петровна хотела быть только бабушкой. Красивой бабушкой, ведущей за ручку хорошенькую внучку. Она мечтала одеть девочку в красивые платья, купить ей много игрушек, завязать бантики. «Девочки спокойные, – говорила она, – я посажу ее на ковер, она будет играть, а я буду смотреть телевизор».

Болезни, капризы, трудности роста, кризисы взросления – все то, что в реальной жизни достается не бабушкам, а родителям, как-то «выпало» из круга представлений Инны Петровны. Разумеется, ее дочка и не помышляла брать на себя все эти сложности и связанную с ними ответственность.

Любая попытка воздействовать на другого человека с помощью приемного ребенка обречена на провал. Что произойдет, если эти люди правдами и неправдами приведут домой ребенка из детского дома? Ситуация в семье только ухудшится. Ольгин муж уйдет из дома. «Неблагодарный» сын не станет разводится с любимой женой, а супруги получают новую обузу в лице

еще одного «неблагодарного». Увлеченная карьерой дочь вряд ли взвалит на себя ежедневный труд воспитания, между «бабушкой» и «матерью поневоле» начнутся ссоры. А что произойдет с ребенком? Скорее всего, его под тем или иным предлогом вернут назад в детский дом.

Супруг не хочет приемного ребенка

Бывает так, что не все члены семьи горят желанием взять приемного ребенка. Иногда разногласия по этому поводу возникают у супругов.

Типичный случай: приходит женщина и говорит о том, что она очень хочет приемного ребенка, а ее муж против. Иногда ситуация осложняется тем, что муж гражданский или даже «приходящий», и женщина понимает, что рано или поздно они все равно расстанутся, и она останется одна – и без мужа, и без ребенка.

«Он даже слышать об этом не хочет, – чуть не плакала Светлана, – подскажите, что мне делать? А может, я возьму ребенка без его согласия? – Светлана пыталась найти выход из тупика. – Он в общем-то неплохой человек, он не будет обижать ребенка».

По закону, согласие гражданского мужа на то, чтобы взять приемного ребенка, не требуется. С точки зрения закона, его (в смысле – мужа) вообще не существует. Однако как можно отдать ребенка в семью, где ему не будут рады? Недовольный дядька будет игнорировать малыша, попутно объясняя уставшей приемной маме, какую ужасную ошибку она совершила. Для несогласного мужа, гражданского или «законного», нежеланный ребенок станет конкурентом, забирающим время, силы, внимание, любовь женщины. Теперь не сорвешься на выходные в другой город, и ужин, состряпанный на скорую руку, уже не так вкусен и обилен. Теперь и ночью не всегда поспишь (ребенок может плакать), не говоря уже обо всех других радостях жизни.

Иногда женщины говорят: «Я возьму ребенка, а если мой гражданский муж будет недоволен, то пусть он уходит. Я выберу ребенка». Уйти-то он уйдет, но каково будет и самой женщине, и приемному ребеночку переживать сложный период привыкания друг к другу, к новой жизни, и одновременно – развод, крушение старой жизни. Такая ситуация может оказаться еще большим тупиком. Вдруг окажется, что отпускать этого «черствого, равнодушного мужика» мучительно больно. С другой стороны, невыносима даже мысль о том, чтобы вернуть назад в детский дом это маленькое, капризное, неулыбчивое существо, уже ставшее таким родным.

У женщин, чей муж не хочет приемного ребенка, есть три варианта. Первый – согласиться с его решением. Примириться с тем, что ребенок – не обязательно самое главное в жизни. Что любовь двух людей сама по себе имеет ценность. Что есть бездетные пары, которые прожили всю жизнь, заботясь друг о друге и не нуждаясь больше ни в ком. Многие женщины принимают в результате такое решение. Не всегда стоит крушить старое, чтобы создать новое.

Второй вариант – разойтись с мужчиной, начать новую жизнь. Брать ребенка, рассчитывая только на себя. Только нужно не забывать о «подводных камнях» подобного решения. Иногда женщина подсознательно надеется, что мужчина все-таки не уйдет. Ну, не сможет он бросить ее, родную и любимую, он в последний момент одумается. Обнаружив, что не одумался, женщина может переживать это гораздо болезненнее, чем ей представлялось. Еще одна иллюзорная надежда бывает на то, что ушедший муж, увидев ее с ребенком, растает и вернется назад. Соскучится. Оценит ее мужество. Вряд ли. Принимая подобное решение, нужно очень ясно отдавать себе отчет, что это действительно конец отношений.

Третий вариант – попытаться убедить своего мужа. Найти аргументы. Рассеять его страхи. Вдохновить, заинтересовать его. Мы всегда просим женщин, чтобы они предложили своему мужу или другу прийти к нам в детский дом, поговорить. Разговор

со специалистами ни к чему не обязывает. Любой мужчина может позволить себе вникнуть в проблему, собрать информацию, узнать мнение людей, профессионально разбирающихся в проблеме. Если он, взвесив все и обдумав, по-прежнему против, что ж, он имеет на это право.

Часто «несогласным» мужчинам не хватает именно здравого, обстоятельного обсуждения проблемы, понимания своего места и роли в предстоящем деле. Мы, специалисты детского дома, не пытаемся ни в чем убедить ни мужчин, ни женщин. Мы просто подробно и понятно рассказываем о наших целях и задачах. О том, что мы ищем хорошие семьи для детей. О том, что далеко не каждая семья может принять ребенка из детского дома. О том, что это не только тяжелый труд и большая ответственность, но и большая радость для семьи.

Иногда семья откладывает принятие решения, иногда люди идут к подобному решению годами. Это нормально. Главное, чтобы все делалось по согласию, чтобы ребенок пришел в семью, где его действительно ждут.

А бывает ли наоборот? Муж хочет приемного ребенка, а жена не хочет? Бывает, хотя мы в нашем детском доме сталкиваемся с такими ситуациями гораздо реже. Однажды на собеседование пришел довольно молодой мужчина, назвавшийся Михаилом. Он сказал, что они с женой очень хотят ребенка, но, поскольку жена плохо себя чувствует, он сам посещает организации и собирает нужную информацию.

В разговоре выяснилось, что Михаил безумно любит свою жену, очень заботится о ней. Жена слабенькая, болезненная, не работает, по дому почти ничего не может делать, не хватает сил. Родить ребенка не может, врачи запрещают. Михаил готов сделать для нее все что угодно, лишь бы она была счастлива. Похоже было на то, что если бы он мог родить, то с радостью взял бы на себя этот труд. Подобная любовь вызывает только уважение.

Социальный работник подробно объяснил Михаилу, как ему нужно действовать дальше. Остановила одна фраза, сказанная им уже в конце разговора: «Если моей жене окажется все это

в тягость, вы ведь возьмете ребенка назад?» Ребенок был еще одной «игрушкой», которую Михаил собрался подарить своей любимой беспомощной жене.

Более сложная ситуация возникла, когда в нашу Службу по устройству детей обратился Василий, успешный и уверенный в себе мужчина. «Я собираюсь взять приемного ребенка, – отрубил он, – а моя жена против. Поговорите с ней!» Идея взять приемного ребенка появилась у Василия недавно. Он верил в то, что обязательно нужно делать добро. Он хотел делать его, не откладывая.

Сотрудники службы согласились поговорить с женой Василия. Лена не просто так была «против». Ей приходилось не сладко. Трое маленьких детей, работа по дому, больной отец Василия, уход за которым тоже лежал на Лениных плечах. Мысль о том, чтобы взвалить на себя еще и заботы о приемном ребенке, приводила ее в ужас. Василий понимал, что его жене нелегко, но, поскольку сам тяжело и много работал, считал, что это нормально. Устраивать ребенка в эту семью не представлялось возможным.

После нескольких бесед с психологом Василий согласился отложить свою идею на будущее. Через некоторое время Лена позвонила и сказала, что ждет еще одного ребенка. Они с Василием вместе решили, что, когда их дети подрастут, они обязательно возьмут приемного ребенка.

Три элемента мотивации

И все-таки – зачем? Социальный работник нашей Службы Вита однажды сказала: «Люди берут детей, чтобы быть счастливыми». Мы устраиваем детей в семьи. Дети вырастают, создают свои семьи. Рожают детей. Жизнь продолжается.

А зачем взваливают на себя бремя, порой непосильное? Надя и Борис взяли в свою семью Вадика, четырехлетнего сорванца. Первые два месяца оказались сплошным кошмаром. Вадик постоянно пытался ударить их родную трехлетнюю дочку. Однажды Вадик заехал в глаз дворнику, который сердобольно нахло-

нился к мальчику, ласково глядя по голове. В детском саду воспитатели первый месяц еле справлялись с «террором». Возмущенные родители, боясь за своих детей, осуждали Надю. «Что, святой захотелось стать? – с издевкой кричала ей мама мальчика, с которым Вадик накануне подрался. – Зачем тебе это отродье? Сдай его назад, и побыстрей, пока он нас всех не покалечил!»

«Понимаете, – пыталась объяснить Надя, – он пока маленький, и его, конечно, можно запереть в интернате. Но ведь он вырастет. Взрослый Вадик, которого никто не научил жить по-другому, выйдет на улицу, агрессивный и несчастный. Сейчас у него есть шанс. Потом шанса не будет ни у него, ни у нас с вами». Надя хотела, чтобы ее выросшая дочь жила в обществе, где не нужно бояться несчастных и агрессивных сирот, ставших взрослыми. Ну и, конечно же, Надя и вся ее семья очень любили Вадика.

Если говорить о мотивации, для успешного воспитания приемного ребенка необходимы три составляющие. Первая – это потребность, нужда в ребенке. Что-то, что будет поддерживать в трудную минуту, внутренняя опора. Когда в голове зазвучит вопрос: «Ну, зачем мне это надо было? Я больше не могу!» – душа ответит: «Я знаю, зачем это нужно». Нужда в ребенке – не обязательно нехватка чего-либо. Многие семьи берут детей от «избытка» – сил, любви, когда есть нужда не меньшая – отдать. Первый элемент – «Мне это нужно».

Вторая составляющая – желание помочь ребенку. Понимание, что это другой человек, который не просто впишется в нашу жизнь, но подарит нам свою. Способность принять его с его характером, прошлым, с его собственным будущим. Готовность помочь не только «бедному сиротке», но и «маленькому кошмару». Второй элемент – «Ему это нужно».

Наконец, третья составляющая, без которой не стоит братья за воспитание приемного ребенка. Нужно очень хорошо отдавать себе отчет, что взять ребенка – легко. А вот растить его, воспитывать а потом отпустить – трудно. Третий элемент мотивации – это не просто желание «взять» ребенка, а желание его вырастить.

глава 4 «Какого ребенка вы хотите?», или Почему приходят за одним, а забирают другого ребенка

Идеальный ребенок

Когда люди приходят на первое собеседование в наш детский дом, социальные работники Службы по устройству детей в семью обязательно спрашивают: «А какого ребенка вы хотите?». Тщательно записывают все пожелания к будущему ребенку, или, выражаясь языком специалистов, «запрос». Еще социальные работники стараются выяснить, почему семья хочет взять именно такого ребенка.

Разговаривая с семьей, социальный работник помнит о тех реальных детях, которые живут в детском доме и ждут маму-папу. Мы должны найти семью для каждого из них. Мы понимаем, что «идеальных» семей не бывает, и мы работаем с реальными хорошими людьми – с теми, что к нам приходят и хотят взять детей. Но и семьям предстоит понять, что «идеального» ребенка не существует.

Тем не менее при первом разговоре запрос многих семей очень далек от реальности. «Мы хотим девочку, от трех до пяти лет, славянской внешности, здоровую» – такую фразу произносит приблизительно шестьдесят процентов семей, пришедших за ребенком.

– А почему вы хотите именно девочку? – Социальный работник старается разобраться вместе с семьей, какие ожидания стоят за тем или иным запросом.

– Вы знаете, у нас же нет опыта воспитания. Девочки все-таки спокойнее. (Милые, наивные будущие родители «спокойных» девочек!)

– А почему от трех до пяти?

– Ну, нам же будет проще, если ребенок маленький. Маленькому ребенку легче помочь, он не будет помнить прошлого. Ну, и потом, после трех ребенок уже «виден», со здоровьем уже понятно... Но не старше пяти, чтобы к школе успеть подготовиться.

Иногда еще объясняют, что трехлетний ребенок – это «чистый лист», на котором «мы напишем, что захотим». (Кстати, если представления о детях настолько далеки от реальности, рекомендую пойти до ближайшей детской площадки и понаблюдать за «чистыми листами» хотя бы полчаса.)

«А почему славянской внешности?» – каверзный вопрос. Чаще не знают, как ответить. Только однажды на моей памяти женщина честно сказала: «К другим национальностям у нас плохо относятся. Мы – две одинокие женщины (взрослая дочка и мама), мы беззащитны перед людской злобой». Забавно, но они взяли мальчика с ярко выраженными «неславянскими» чертами лица. Наверное, им просто нужно было сказать о своих страхах.

Обязательно спрашивают, как будущие родители относятся к здоровью приемного ребенка.

– В детских домах особо здоровых детей в общем-то нет. Откуда им быть здоровыми, вы же понимаете, что они сюда попали не от хорошей жизни, – обычно предупреждает семью социальный работник.

– Конечно, понимаем. Но, знаете, если что-то очень серьезное, мы просто не потянем. – На «абсолютном» здоровье редко кто настаивает, но слова «хотим здорового» произносят почти все.

Откуда берется этот образ «идеального ребенка» – «девочка, трех лет, приятной внешности, со светлыми волосами, без проблем со здоровьем, со спокойным характером»? Из голливудского кино о детях-сиротах? Да нет, политкорректные американцы показывают детей, мягко говоря, разных. Может быть, это идеал «маленькой славянки»? Тоже нет. В других странах так же – поначалу многие будущие родители хотят такого же «ангелочка».

«А что в этом странного? – скажете вы. – Никто же не хочет больного и некрасивого ребенка». Когда ждут, что родится свой,

тоже хотят, чтобы он был умный, красивый, послушный. Вопрос в том, насколько жестко люди держатся за свои представления о будущем ребенке. Недавно пришла одна пара, которая сказала так: «Вы же спросили, кого мы хотим. А кого мы возьмем на самом деле, мы и сами не знаем». Труднее приходится тем, кто ждет, что идеал воплотится в плоть и кровь. Они так и бродят по детским домам, разыскивая «того самого».

Рисуя «портрет» будущего ребенка, люди на самом деле «прорисовывают» свои собственные надежды, «стирают» воображаемым ластиком свои страхи. Хотим, чтобы у ребенка был покладистый характер – рисуем милую внешность. «Маленькая, спокойная девочка» – так и видишь послушную, радостную «куколку» в бантиках. Ну и, конечно, за кукольной внешностью должно скрываться отличное здоровье. Куклы же не болеют.

Иногда люди говорят: «Нам не так важно, как ребенок выглядит, но мы хотим, чтобы сердце екнуло». Тоже нормальное желание. Хочется ведь, чтобы симпатия возникла, искорка какая-то вспыхнула. Оно и екнуло, обязательно. Когда вы будете готовы.

Конечно, далеко не все будущие приемные родители хотят «эту девочку». Люди приходят за мальчиками и девочками, за младенцами и за школьниками. Хотят взять двоих детей. Забирают домой ребенка-инвалида, про которого была специальная передача по телевизору. Люди хотят помогать детям. В конце концов, все «неидеальные» детишки находят своих обычных, «неидеальных» приемных родителей. «Мы никогда и не хотели никакую девочку, – говорят родители, полгода назад пришедшие за «куколкой», – мы всегда мечтали о таком, как наш Вася».

Маленькие детки – маленькие бедки...

«Нам бы поменьше “бедок”», – робко просят будущие родители, боясь показаться черствыми, бездушными эгоистами. «В каждом возрасте – свои», – робеют в ответ социальные работники, понимая, что совсем без «бедок» – ну никак...

«Ребенок – лицо в возрасте до 18 лет», – гласит закон. Теоретически, взять в семью можно ребенка от 0 до 18 лет. Всем известно, как ведут себя дети в определенном возрасте. Младенцы писают в пеленки и громко плачут по ночам. Дошколята играют в куклы и машинки. Школьники делают уроки. Подростки слушают музыку. Юноши «обдумывают жите».

Желая взять ребенка того или иного возраста, люди обычно имеют определенные ожидания. «Хочу четырехлетнего, чтобы не возиться с памперсами и горшками», – вполне резонно объясняет женщина. Не исключено, с детдомовским ребенком этого возраста – придется повозиться. «Дайте мне семилетнего, у меня под окнами очень хороший колледж с углубленным изучением иностранных языков», – требует другая. Она же не ожидает, что, возможно, семилетнему еще придется буквы учить.

Чем жестче ваши ожидания от определенного возраста, тем больше вероятности «попасть впросак». Во-первых, каждый ребенок уникален. Даже у самого благополучного «домашнего» ребенка могут быть свои, индивидуальные несовпадения со «средней возрастной нормой».

Например, мальчик в 15 лет продолжает собирать оловянных солдатиков – «играет, как пятилетний». Что за этим стоит? Один родитель с гордостью решит, что в семье растет будущий коллекционер, любитель и знаток истории. А другой, увы, побоявшись, что ребенок ведет себя «как умственно отсталый», выбросит солдатиков в окошко. В каком из родителей вы узнали себя? Вот возьмете вы ребенка желанного возраста, а у него будут индивидуальные особенности. Как вы себя поведете?

«Какой-то он у меня не по возрасту рассудительный, – говорила Галя, приемная мама четырехлетнего Юрочки, – так все по полочкам разложит: “это хорошо”, ”это не очень хорошо”. Я сама и в пятнадцать лет так не рассуждала!» Гале бы радоваться, ребенок умный оказался! А она скорее недовольна: «Так кто же из нас умнее?»

Во-вторых, у детей из детского дома достаточно часто случаются несовпадения «реального» возраста и «календарного».

Пятилетний ребенок развит, как трехлетний. А трехлетний может знать разные «слова», неожиданные для такого малыша. Школьники-«детдомовцы» беспомощнее в повседневной жизни, чем их сверстники того же возраста «на воле». 10-летний Андриша, с трех лет скитавшийся по детским домам, не знал, что такое аптека, боялся ездить на троллейбусе. Просто не понимал, как туда заходить и что там внутри нужно делать. А дети из неблагополучных семей порой куда взрослее некоторых «взрослых».

11-летний Игорек, придя жить в приемную семью, тут же попытался взвалить на себя все заботы по хозяйству. В своей кровной семье, где родители пили, ему пришлось заботиться о младших братьях и новорожденной сестре. Дети выжили благодаря Игорю. Поняв, что дальше сам не справится, он, как взрослый, пришел в отдел опеки и попросил о помощи.

«Вот здорово, – скажет семья, желающая взять ребенка «самостоятельнее». – Давайте нам такого же. Хозяйственный, ответственный, разумный мальчик». Только помните, пожалуйста, что он не позволит обращаться с собой, как с ребенком. С какой стати? И не «подпустит» к себе близко, не откроет свою душу, пока не убедится, что вам стоит доверять. В общем, все по-взрослому.

Вы берете четырехлетнего ребенка из детского дома, и начинаете учить с ним буквы. А он ничего не понимает. Он «нормальный»? Нормальный. Просто он еще как бы «двухлетний». Наберитесь терпения, он наверстает два «недостающих» года достаточно быстро. Вы хотите «малышовых» радостей? «Малышовую» любовь и нежность даст вам и восьмилетний. Детишки из детского дома, дорвавшись до ласки, не знают удержу. «Она все время обнимает меня и целует, – делилась приемная мама 12-летней Нади, – как-то уж слишком!» Погодите, ребеночек «отцелует» вас вволю и вернется к своей возрастной «норме» поведения. Дайте ему время восполнить то, чего так долго недоставало.

Третья причина, по которой можно «промахнуться» с возрастом ребенка, кроется в вас самих. Выбирая «оптимальный»

возраст, люди иногда попросту идут на поводу собственных страхов. Страхи есть всегда и у всех. Они естественны в ситуации, когда слишком многое в жизни должно измениться. Плохо, если страхи, вернее попытка их избежать, становятся единственным критерием выбора ребенка.

Слишком маленький – нехорошо, ведь «у маленьких еще не проявилась наследственность». Вдруг у него «проявится» какая-нибудь неизлечимая болезнь? Нет, маленького брать не будем. Возьмем-ка ребеночка побольше. Но тогда он будет «помнить прошлое». Нет, большого тоже брать не будем. А можно такого – не маленького, не большого? А то страшно очень. Такого, чтобы «все уже проявилось, но чтобы ничего не помнил». Вот откуда трехлетний «идеал» берется!

Конечно, это все иллюзии. Трехлетний ребенок, да и двухлетний, – уже личность. И память у него есть, и характер в три года уже «дай боже». А болезни, к сожалению, в любом возрасте случаются. Но так приятно думать, что «все схвачено»!

Разумеется, многие люди называют трехлетний возраст потому, что просто хотят взять маленького ребенка. Абсолютно нормальное, здоровое желание. Но такие люди возьмут и двухлетнего, и пятилетнего ребенка. А иногда и восьмилетний вдруг «тронет сердце». А вот если запрос очень жесткий, «только трех лет, и никак иначе»? Стоит подумать еще и еще. От своих страхов то не убежишь...

«Парни не плачут»

«Хотим девочку, потому что они спокойные». «Мой муж хочет только мальчика». Разумеется, есть «женское» поведение, есть «мужское» поведение. «Гендерные стереотипы», как говорят ученые. Если долго наблюдать за большим количеством девочек и потом сравнить их поведение с поведением большого количества мальчиков, то можно увидеть вполне определенные различия. Если сравнивать отдельно взятых мальчика и девочку,

то полученный результат может обескуражить. Девочки, конечно, играют в куклы, но некоторые предпочитают футбол. Мальчики, конечно, «не плачут, как девчонки», но некоторые любят мерить мамины бусы.

Валя с Артуром пришли к нам «за девочкой». Вернее, Артур был не против мальчика, но главной в семье была Валя, которая так и сияла, описывая свою будущую дочку: «Ну, вы представляете, девочка! Это же можно платица такие красивые купить, сейчас в магазинах такую красоту продают!» Сама Валя, 48-летняя ухоженная, очень интересная блондинка, явно понимала толк «в платицах».

Валя с Артуром взяли пятилетнюю Маришу, голубоглазую, беленькую и хорошенькую. «Это не ребенок, это ужас какой-то!» – восклицала первое время Валя в каждом разговоре. Про платица пришлось забыть. Хотя магазины Валя с Маришей посещали регулярно – чтобы купить девочке новые штаны вместо порванных старых. Мариша лазила везде – через заборы, на чердак, в каминную трубу. Она, как заправский мальчишка, тащила в дом палки, железки и всякий прочий милый ребячьему сердцу «мусор».

Валя с Артуром любят детей. Они всегда хотели, чтобы детей было много. Наладив жизнь с буйной Маришей, они снова пришли в детский дом – за мальчиком. «Мальчику у нас скучно не будет, – объясняла Валя, – если уж Маришка – такой сорванец, пусть вместе играют». Однако семилетний Николаша, вместо того чтобы радостно кидать камнями в забор на пару с сестричкой, уселся за книжки.

«Он такой тихий, вдумчивый мальчик, – не зная, радоваться ей или огорчаться, рассказывала Валя. – Маришка тоже ласковая, но она так – прибежит, обнимет, сожмет, поцелует: “Мамочка, мамусенька” – и усвистает куда-то. А Николашка сядет рядом со мной, уместится, книжку откроет, и сидим с ним рядом. До-о-олго сидеть может. Наряды со мной выбирать любит. Хотя мне теперь не до нарядов, времени нет... – Валя задумывается, мысленно представляя детей. – Они у меня такие, как

бы это сказать, “наоборот”. Маришка как мальчишка, а Николаша не то чтобы как девчонка... Впрочем, Артур, муж мой, тоже такой, книжный... Спокойный мужчина. Ну, Николаша такой же будет».

Артур и Валя блестяще справились с теми сюрпризами, которые приготовила им жизнь. «Девчачьи» радости, о которых так мечталось вначале, оказались не так уж важны. Конечно, они могли бы сказать, что жизнь обманула их ожидания: «тихая девочка в красивом платьице» оказалась мифом, который развеялся, как дым. Но ведь сколько ожиданий сбылось! Настоящие, непридуманные дети пришли в дом. Есть о ком заботиться, кому отдать любовь, заботу, ласку и нежность.

Иногда свое желание взять девочку люди объясняют отсутствием опыта воспитания. «Девочки тихие, девочки послушные, с девочкой проще справиться», – тешит себя надеждой семья, не уверенная в своих воспитательских способностях. С вопросом, что «девочки бывают разные», мы, вроде, разобрались. Давайте предположим, что девочка попадет действительно «тихая». Это ведь не значит, что проблем не будет вообще. Будут трудности в обучении, будут долгие часы, потраченные на «вдалбливание» таблицы умножения. Будут слезы, капризы, истерики. Будет что-то, что она делает «не так». Не так, как вам хочется, как вы считаете единственно правильным.

«Ну, как она расчесывает волосы! – возмущалась одна мамочка, с трудом мирящаяся с мыслью, что девочка «не такая, какая она сама была в этом возрасте». – Она же просто водит расческой вокруг головы! Она даже в зеркало на себя глядеть не хочет! Я в ее возрасте уже любую прическу могла себе сделать». Девочка, кстати, была тихая, послушная и очень старалась понравиться приемной маме.

Кстати, достаточно часто желание взять девочку проистекает из собственного детского опыта, из воспоминаний о своей маме. «Девочки ближе к маме, – с мечтательной улыбкой говорила Лена, погружившись в воспоминания, – я все-все ей рассказывала». С одной стороны, здорово, что есть опыт близких,

теплых отношений с родителями. С другой стороны, вас может сильно подвести ожидание увидеть в приемной дочке «себя маленькую». Она точно будет совсем другая.

Еще один пример «про девочку». Вернее, про то, что желания и ожидания семьи могут оказаться жесткими «тисками» для будущего ребенка. К нам пришла одна юная женщина, очень милая. «Я хочу девочку, маленькую», – робко сказала она. Одна из причин, почему ей хочется именно девочку, прозвучала так: «Понимаете, у меня дома очень много мягких игрушек. Целая комната». Она оглянула помещение, в котором мы находились, и сделала широкий жест рукой. «Вот всю эту комнату можно заполнить», – уверенно произнесла она, и мне стало не по себе. Бедная маленькая девочка, которая получит такое «богатство»! Будет вынуждена жить, окруженная горами пыльных мягких игрушек. И что будет делать приемная мамочка, если девочка вдруг захочет машинку?

«Мы возьмем только мальчика! Они с папой машиной заниматься будут, футбол смотреть», – обычно говорят семьи, в которых папа любит всякие «мужские» занятия. Борис и Аня пришли «за мальчиком», когда их собственный сын вырос, женился и уехал жить в другую страну. «Я очень семейный человек, – рассказывал Борис. – Некоторые мужики с друзьями там любят, туда-сюда, а я вот с работы – домой, и все отлично... Сын, Мишка, уже взрослый был, а все тоже домой спешил, мы с ним много общались, разговаривали. Нет, вы не подумайте, – спохватился Борис, – я ему не навязывался, я же понимаю, парень молодой...» Пока Борис говорил, Аня притихла, видимо, вспоминая сына. «Когда Мишка уехал, – продолжал Борис, – так пусто стало. Мы потужили немного, да и пришли к вам. Хотим мальчика взять, не очень маленького».

В ситуации Бориса и Ани есть свои «подводные камни». Возможно, они невольно ждут «продолжения», надеются, что с приемным ребенком повторится все то же самое – долгие душевные разговоры, духовная близость. На самом деле приемный ребенок будет совсем другим, даже если Борис и Аня найдут «похожего».

Им еще предстоит разобраться в своих чувствах и ожиданиях. Действительно ли они хотят воспитать приемного ребенка, помочь маленькому человеку, уникальному и неповторимому, обрести любовь и заботу? Или больше надеются найти замену уехавшему сыну, вернуть «для себя» тихие радости прошлого?

Иногда мальчика хотят взять, потому что «девочка уже есть». Желание семьи взять ребенка другого пола вполне понятно. Многим родителям хочется иметь и мальчика, и девочку. К сожалению, иногда препятствием становится пресловутый «квартирный вопрос». Неродные братья и сестры противоположного пола не должны жить в одной комнате. Семья, пришедшая за братиком для дочки, с разочарованием узнает, что в комнату к этой самой дочке они смогут подселить только приемную девочку. А девочка «у них уже есть». Казалось бы, нет – так нет. Однако желание взять приемного ребенка уже проникло глубоко в сердце, созрело, вся семья уже привыкла к мысли, что будет еще кто-то – приемный. Вот и решай – не то отказываться от намерения, не то еще девочку брать. Проблема!

«Я бы взяла мальчика, но я одинокая женщина и вряд ли справлюсь», – объясняют будущие приемные мамы. Со своей стороны, специалисты предпочтут устроить мальчика в семью, где есть и папа, и мама. С третьей стороны, половина семей, которые приходят за детьми, – это семьи незамужних женщин. На всех мальчиков, которых нужно устроить в семью, так называемых «полных» семей не напасешься. Да и практика показывает, что незамужние женщины прекрасно справляются с воспитанием сыновей. По крайней мере, не хуже, чем замужние.

Кстати, иногда именно женщина горой стоит за то, чтобы взять мальчика. «Понимаете, я с женщинами не очень умею строить отношения, – делилась Ира, – у меня и с мамой отношения были так себе. Подруги у меня есть, конечно, но мы не так уж доверяем друг другу. Все время как будто соревнуемся, что ли... Если я возьму девочку, то буду воспринимать ее, как конкурентку, как соперницу. Она будет расти, я буду стареть. Я и сейчас уже на молоденьких девчонок смотреть не могу, завидую им

очень. Мои-то лучшие годы позади. Так что я мальчика взять хочу. Мальчики лучше к мамам относятся. Сын моей подруги женился уже, а все равно ей каждый день звонит».

Не факт, что будущий сын Ирины будет звонить ей каждый день. Но у Ирины есть большое преимущество – она понимает свои собственные проблемы, честно оценивает саму себя. Не каждая женщина осмелится сказать, что вид молодых девчонок вызывает зависть! Умение взглянуть на себя со стороны, реально оценить свои слабые места – большое подспорье в деле воспитания, особенно приемных детей!

Так почему же в «идеальном запросе» чаще фигурирует именно девочка? Ну, ждем, ждем мы от девочек, что они будут «тихие, послушные». Абсолютно нормальное родительское желание – иметь послушного ребенка. Но все-таки, чего хочется больше? Девочку? Или «чтобы была тихая, чтобы нам было с ней легко»? Это же совсем разные вещи...

Похож – не похож

«Мы хотим ребенка славянской внешности», – говорят будущие приемные родители, лелея надежду, что ребенок окажется похожим на них самих. Мы, братья-славяне, все друг на друга немножко похожи. А зачем, собственно, нужно, чтобы был похож? Ну, если ребенка усыновляют, меняют ему имя и фамилию, хранят «тайну усыновления», тогда понятно – сходство сыгрывает не последнюю роль. А если берут ребенка-школьника и вовсе не делают секрета из того, что он приемный? Все равно сходство приятно. Почему? Да потому, что похожий – значит «наш», «свой», «такой же, как мы».

Семье и приемному ребенку еще предстоит долгий и нелегкий путь привыкания друг к другу, адаптации. Они не так быстро почувствуют любовь и привязанность, не сразу начнут доверять друг другу. Но так хочется иметь маленькую «гарантию», что отношения в конце концов сложатся, и ребенок станет на

самом деле «своим». Гарантии, к сожалению, нет. Хотите, чтобы ребенок стал «вашим», станьте сами – «его». Пока он на вас не похож, но очень скоро сам начнет выискивать сходство, будет вам подражать.

Вряд ли вам будут «подбирать похожего». Подбирать ребенка «по форме ушей», конечно, можно. Практика показывает, что это – не главное. Вообще, сходство людей – вещь крайне загадочная. Все, наверное, слышали про то, что любящие супруги, которые долго живут вместе, становятся похожими друг на друга? Это правда. С приемными детьми и родителями происходит то же самое. Абсолютно «другой» ребенок, живущий в любящей семье, становится похожим на своих близких. Не то черты лица у всех меняются, не то восприятие окружающих...

Нина и Олег взяли пятилетнего Борьку, когда их собственной дочке Ирише было четыре года. Иришка беленькая, голубоглазая девочка, определенно славянского типа. Борька, которого родила молдавская женщина, имел ярко выраженную внешность «карпатского горца». Два года спустя Нина рассказывала, сама не совсем понимая, что произошло: «Меня тут недавно спросили: “У вас близнецы, да?” Дети рядом стояли. Я сама на них уставилась, думаю, может, Борька побелел или Иришка потемнела? Да вроде нет... Черты лица у них, действительно, кое-какие похожи – ямочка на подбородке, лоб высокий... Выражение лица – вот что изменилось. И у того, и, кстати, у другой. Да я думаю, и у нас с мужем лица другие стали, – помолчав, прибавила Нина, – в душе-то многое изменилось».

У нас в детском доме висит очень много фотографий – семьи со своими приемными детьми. Люди часто удивляются: «Дети так похожи на родителей, вы что, специально их подбираете?» Никогда в жизни. Просто они хотят быть похожими. «Наш Васенька – вылитый дедушка!» – с гордостью говорят родители, и как вы думаете, какого дедушку они имеют в виду? Конечно, «своего». Только не нужно нетерпеливо ждать и пристально вглядываться в ребеночка по утрам: «Мне кажется, что со вчерашнего вечера он еще немножечко изменился...» Просто любите

его. А когда он действительно станет на вас похож, вам это будет уже совсем неважно – вы и так знаете, что это ваш, любимый ребенок.

А как же быть, если нет никаких шансов, что ребенок станет на вас похож? У нас есть семья, в которой живет темнокожая девочка, уже девушка. Настоящая негритяночка – кудрявая, рослая, улыбчивая. Ее приемная мама Аня – простая русская женщина, русая и курносая. Приемный папа Витя – светлый шатен. Глядя на них, испытываешь какое-то странное чувство. Умом понимаешь, что Аня не могла родить этого ребенка. При этом не возникает никакого сомнения, что они – родные! Родные – не значит обязательно похожие. Даже не обязательно «одной крови». Просто – родные.

Без проблем со здоровьем...

«Мы хотим взять ребенка без серьезных проблем со здоровьем», – говорят практически все семьи, пришедшие к нам в первый раз. «Ну, уж это не нуждается в объяснениях», – скажете вы. Тем не менее вопросы есть. Если бы все дети в детских домах были идеально или, по крайней мере, как пишут в медицинских картах, «практически» здоровы, то вопросов бы не возникало.

К сожалению, «практически здоровых» детей в детских домах очень мало. А семью хочется найти для каждого. И вам, несмотря на все страхи, хочется все-таки взять ребенка, пусть и не «абсолютно» здорового. Вот и приходится семьям получать «начальную подготовку», чтобы понять, какие болезни действительно страшные, а какие – так, пройдут со временем.

Конечно, каждого будущего родителя пугает «букет» диагнозов, записанных в медицинской карте ребенка. Поди разберись, что там серьезно, а что нет. Кроме того, медицинская карта не всегда отражает реальное состояние здоровья ребенка.

Ангела, приятная женщина 42 лет, прошла у нас подготовку, а за ребенком пошла в другой детский дом – все наши дети

уже были устроены в семьи, а новеньких к нам не переводили. В том детском доме ей предложили познакомиться с четырехлетней Ирочкой. «У нее столько болезней, – сомневалась Анжела, – как же я справлюсь с таким ребенком». Тем не менее знакомство шло своим чередом, и девочка наконец переехала к Анжеле домой. Началась беготня по врачам.

«Как же так, – недоумевала Анжела, – диагноз “пупочная грыжа” не подтвердился, “хронический тонзиллит” – тоже. Куда же врачи смотрели?» В поликлинике вместо миопического астигматизма обнаружили врожденную дальность зрения, а выправление плоскостопия Анжела отложила до лучших времен. Но больше всего ее радовало то, что психоневролог отказался ставить Ирочку на учет, не найдя к этому оснований. «А ведь в карте было написано – “гиперактивный, гипервозбудимый, гипертормозный ребенок”», – облегченно вздохнула Анжела, избежав напасти. Характер у Ирочки, надо сказать, был не сахар, но характер – это же не диагноз.

Порой бывает наоборот. В карте диагноза не было, а врач в районной поликлинике обнаруживает неполадки со здоровьем. Что ж, и обычные родители не застрахованы от того, что ребеночку рано или поздно понадобится медицинская помощь. Особого разговора заслуживает другой разворот. «Почему меня не предупредили, что у ребенка психические отклонения?» – часто вопрошают испуганные приемные родители, обнаружив, что ребенок ведет себя самым неожиданным образом. Здесь могут быть два варианта.

Бывает действительно так, что врачи «недоговаривают». «Забывают» предупредить, и семья оказывается с больным ребенком на руках и без всякой помощи. Несколько лет назад к нам пришла немолодая супружеская пара. Они рассказали такую историю. Год назад они потеряли взрослого сына. Горе было нестерпимым, и они усыновили трехлетнего мальчика. Через некоторое время у мальчика начались эпилептические припадки. «Как же они могли дать нам такого больного ребенка?» – с застывшим лицом повторяла Тамара.

Она лежала с мальчиком в больнице. Муж Тамары, Игорь, очень привязался к мальчику. Но у него почти не было времени заниматься приемным сыном. «Он приходил после работы и гулял с Мишей. При нем припадков не было, и он не понимал, как мне тяжело», – пыталась Тамара объяснить то, что произошло дальше.

Не выдержав нагрузки, она подала документы на разусыновление. «Я прошла через чистилище, – рассказывала Тамара. – Судья просто размазала меня по стенке. Никто не хотел понять, как мне было тяжело». После того, как супруги отдали ребенка назад в детский дом, им стало еще хуже. Чувство вины, раскаяние, тревога за малыша обрушились на них. Желанное облегчение не наступило. Им хотелось вернуть ребенка. К сожалению, это оказалось невозможным.

Тамаре как человеку, отменившему усыновление, ребенка дать не могли. Игорь без Тамары тоже не мог забрать малыша. «Позвольте нам взять другого ребенка», – просили Тамара и Игорь, придя к нам в детский дом. Им предложили ходить на тренинг для приемных родителей. Пройдя занятия, супруги во многом разобрались. «Я многое поняла, – сказала Тамара. – Знаете, мне ведь было так тяжело еще и потому, что я была абсолютно не готова к трудностям и болезням. Если бы я брала ребенка после такой подготовки, я бы его, скорее всего, не бросила».

Игорь сказал: «Я понял, что на самом деле не хочу никакого другого ребенка, я продолжаю любить Мишу». Пожилой дядька сидел и плакал. Они решили навещать мальчика и помогать ему так, как им разрешат. «Может быть, когда-нибудь найдется семья для Миши. Мы им расскажем, что это не страшно. И будем помогать», – сказали супруги на прощанье.

Бывает, что за словами «у ребенка психиатрия, а нас не предупредили» стоит нечто совсем иное. Во-первых, в период адаптации, или, проще говоря, привыкания семьи и ребенка друг к другу, даже самый тихий ребенок может вести себя ужасно. Приемные родители, которые берут ребеночка, не пройдя никакой подготовки, не интересуясь заранее, какие трудности их

ждут, оказываются в очень неприятной ситуации. Им действительно кажется, что «подсунули психиатрического».

«Она меня совсем не слушается, – жаловалась строгая женщина средних лет, приемная мама трехлетней Оли. – Я ей говорю, чтобы шла обедать, а она не идет. Как вы думаете, у нее все в порядке?»

«А есть шанс на то, что он станет нормальным?» – искренне интересовался новоиспеченный приемный папа четырехлетнего Славика. Славик отбивался руками и ногами, когда ему пытались поставить горчичники. «Буйный», – подумали испуганные папа и мама. Получив консультацию и поняв, что ребенок абсолютно нормален, родители вздыхают с облегчением и спешат назад пестовать свое пока еще непонятное и не очень любимое чадо. Любовь придет постепенно, и так же постепенно уйдут страхи.

А бывает, к сожалению, и так, что «ненормальное» поведение ребенка в семье, о котором «не предупредили», спровоцировано самими членами семьи. Слишком жесткие требования к ребенку, резкие окрики, длинные и непонятные нотации могут вызвать реакцию отторжения. Один ребенок в такой ситуации замкнется, а другой выдаст «ответ». Не нарочно, просто он почувствует себя очень плохо. Люди же по-разному выражают отрицательные эмоции. Вот и ребенок – разобьет что-нибудь, закричит, бросит со всей силы игрушку. Ему поначалу сложно понять новые правила, порядки в семье. Слишком много новой информации на него обрушивается. А если к этому прибавляется недоброежелательность, строгость и тихие, но слышные ребенку сожаления, что «взяли не того», он действительно может «психануть».

Страх взять нездорового ребенка иногда оказывается личным страхом будущего родителя перед какой-нибудь болезнью. Некоторые боятся кожных заболеваний, некоторые, например, астмы. У нас в детском доме была девочка, которой требовалась операция на сердце. Одна будущая приемная мама отказалась наотрез: «Это очень серьезно, я не справлюсь, – объяснила она, – я боюсь больниц и врачей. После операции нужен будет уход,

а я не смогу». Другая женщина согласилась на удивление легко. «Сейчас так развита медицина, больницы оборудованы. Главное, чтобы уход хороший после операции был, а ухаживать я готова», – подтвердила она. У них с дочкой давно все в порядке.

Достаточно часто за пожеланием взять ребенка «без проблем со здоровьем» стоит страх так называемой «наследственности». Почему «так называемой»? Да потому что на самом деле чаще имеют в виду не наследственность как таковую, а последствия того нездорового образа жизни, который могли вести кровные родители ребенка.

Если кровная мама пила во время беременности, то это могло отразиться на развитии плода. Болезни мамы, побои, которые она получала во время беременности, неправильное питание – все это, конечно, сказывается на ребеночке. Генетические, по-настоящему наследственные заболевания очень редки и никак не связаны с неблагополучием семьи. А вот «наследие» пьющей матери – это действительно вызывает страх у будущих приемных родителей. Последствия действительно бывают. Но они «спрятаны» не очень глубоко. Обычно есть приблизительный прогноз развития ребенка. А если все-таки беспокойно на душе? Подумайте, вас действительно настораживает что-то конкретное? Или вам просто очень страшно...

Так что же, нет детей «без проблем со здоровьем»? Ну, есть, наверное. Кстати, здоровье ребенка не всегда напрямую зависит от здоровья пьющей матери. Конечно, хочется, чтобы ребенок был здоров. Нормальное человеческое желание. Он тоже, наверное, хочет, чтобы его приемные папа и мама не болели. А что будет, если вы заболеете? Наверное, вам будет легче, если он вас пожалеет. И не бросит...

С точностью «до наоборот»...

Хотели девочку – взяли мальчика. Или наоборот. Хотели «абсолютно» здорового – взяли «с букетом заболеваний». Это уже

становится понятным. Пришли за одним – увели трех. Такое тоже бывает. А как с возрастом? Пришли за дошкольником – взяли подростка. Пришли за подростком – взяли младенца. Неужели и такое бывает? Бывает.

Ольга и Володя, 29 лет, пришли к нам «за подростком». Они были полны решимости «помочь мальчику лет двенадцати-тринадцати». Хорошее намерение, и нам бы только радоваться – не так уж много людей изъявляют желание взять ребенка постарше. Но из разговора с Олей и Володей сложилось впечатление, что они не совсем верно оценивают ситуацию.

«Мы будем ему другом, – объясняла Ольга, – будем читать вместе книжки и обсуждать прочитанное. Будем ходить в театр, на выставки». «Двенадцать лет – сознательный возраст, – вторил ей Володя, – парень уже большой будет, сам себя обслужит и нам поможет. Я в этом возрасте уже ужин для всей семьи мог приготовить, помогал родителям. Он из школы придет, уроки сам сделает, по хозяйству что-нибудь. А в выходные будем вместе в походы ходить».

Конечно, с подростком проще решать бытовые вопросы. Но в этом возрасте начинаются совсем другие проблемы – ребенок становится взрослым. У кого есть подросток в семье, тот знает – окружающим приходится несладко. Если семья хочет избежать «пеленок» и настроена решать подростковые проблемы – тогда вперед! Если семья ищет «спокойной жизни» – ожидает, что рядом будет жить эдакий спокойный и умный юный друг и собеседник – увы! – мечты вряд ли сбудутся.

О чем не подумали Оля с Володей: детдомовские дети, как никто, нуждаются именно в родительской любви и принятии. Хоть в двенадцать лет, хоть в пятнадцать, но им хочется почувствовать себя маленькими, любимыми. Позволить себе побыть беззащитными. Хорошо, конечно, иметь старших друзей, когда твои папа-мама «на месте». Поругают, похвалят, повоспитывают. Можно взрослому другу «на равных» пожаловаться, что «вот, предки совсем заели». У детдомовского подростка «товарищей» – полон дом. Ему бы родителей...

Оля с Володей в конце концов изменили свое решение. «Получается, что мы больше хотели получить, чем отдать, – признали они. – Мы думали больше о себе. Думали, вот заполучим такого “друга”, и он же еще и благодарен нам будет. В глазах друзей мы будем героями. И своим родителям докажем, что мы уже взрослые, самостоятельные люди, способные совершать такие благородные поступки». «Вы знаете, – продолжила Ольга, – нам было очень непросто, когда мы все это про себя поняли». Оля с Володей взяли совсем маленького ребенка. Все у них хорошо.

Бывает наоборот. Валентина пришла в детский дом за маленькой девочкой. Той самой «голубоглазой блондинкой». Приятная, спокойная женщина, очень сдержанная. С мужем давно в разводе, трое сыновей. Сыновья взрослые, все работают, сама Валентина тоже работает. Все бы хорошо, но вот по возрасту Валентина подходила маленькой девочке скорее в бабушки, чем в мамы. «Понимаете, – объясняли Валентине социальные работники, – вам сейчас шестьдесят лет. Ребенка нужно растить, пока ему восемнадцать не исполнится, а то и дольше, если он учится. Когда у вашей девочки начнется подростковый период, вам будет за семьдесят. Вам будет очень, очень тяжело».

Конечно, Валентина думала о будущем. Она понимала, что будет стареть, а девочка будет взрослеть. В мечтах о будущем ей представлялось, что сыновья примут горячее участие в воспитании сестренки. «Они у меня очень хорошие, ответственные, – объясняла Валентина, – они обязательно будут помогать». Помогать-то будут, но ведь нельзя же вменить им в обязанность растить приемного ребенка просто потому, что их мама так захотела. Это серьезное, ответственное решение, и каждый человек принимает его для себя сам. Тем более молодые мужчины, у которых могут быть свои личные планы.

Валентина поняла, что она, конечно, может рассчитывать на поддержку сыновей. Но она не может требовать, чтобы они полностью взяли на себя воспитание девочки в случае, если сама Валентина заболит, не будет справляться – возраст ведь возьмет свое.

Что еще Валентина оценила не совсем верно – это свои физические возможности. Жизнь с трехлетним ребенком требует высокой физической активности. Два раза в день гулять – это два раза одеться, два раза раздеться, туда-сюда по лестнице. А бегают трехлетние знаете как быстро? А на велосипеде? Играть с трехлетним ребенком – на полу сидеть надо. А в 60 лет на пол садиться уже не очень хочется. Подумала Валентина, подумала и решила взять девочку постарше. Решение принимали всей семьей, сыновья согласились с тем, что у них появится сестричка. В их дом пришла жить 14-летняя Катя. «Все так хорошо получилось, – говорит Валентина, – у меня теперь есть дочка».

Ребенок «специального назначения»

Пришла пара. Милые, интеллигентные люди.

– Мы хотим взять девочку восьми лет, веселую и дружелюбную.

– А почему вы хотите взять именно такую девочку?

– У нас своя дочка восьми лет. Она очень замкнутая. В классе с ней никто не дружит. Мы хотим, чтобы у нее была подружка. Даже не просто подружка, а кто-то, кто будет ей помогать, понимаете? Ну, веселая такая девочка, активная, она игры будет всякие придумывать, дружить будет с ребятами, а они уже потом с нашей дочкой тоже подружатся.

– А если у девочек отношения не сложатся? Или приемная девочка не захочет развлекать вашу дочку?

– Ну, нам надо такую, чтобы сложились отношения. У нас же есть психологи, они могут нам помочь, подобрать ребенка.

Можно, я не буду это комментировать?

Впрочем, вдруг кто-то не понял, что в этой ситуации меня так расстраивает. Хотят взять не ребенка – хотят исполнителя определенной функции. Нужен «развлекатель дочки». Не сможет «развлечь» – найдут другую. То, что это живой ребенок, у которого есть чувства, мысли... Да, Впрочем, если люди этого не понимают, то вряд ли объяснишь.

Иногда люди заблуждаются совершенно искренне. К нам обратилась дама, которая хотела найти мальчика четырех лет. «У меня свой ребенок четырехлетний, – рассказала она. – Мы часто ходим с ним на аттракционы, мой сын их обожает. Только он боится кататься один, а у меня голова кружится. Вот я и подумала, что мы могли бы иногда брать с собой четырехлетнего мальчика. Я хочу помочь ребенку из детского дома, вы понимаете», – настойчиво прибавила она, почувствовав, что что-то не так. На вопрос, в чем же тут помощь, она искренне удивилась: «Как, ну, их же никто не катает на аттракционах! Он будет нас ждать, для него это будет праздник».

Вопрос, понимает ли она последствия того, что четырехлетний ребенок «будет ее ждать», поверг ее в искреннее изумление. Разговор был долгим. Рассказ о том, что ребенок четырех лет привязывается моментально, стал для этой женщины открытием. Ей не приходило в голову, что, сходяв с ней и ее сынишкой в парк, ребенок будет ждать ее и в следующие выходные, причем ждать будет всю неделю, буквально глядя в окошко. А не дождавшись, почувствует, что его в очередной раз бросили. Он же не понимает, что «в жизни все непросто», и эта тетя, такая замечательная, вовсе и не собиралась брать его насовсем. «Вы будете приходить каждую неделю?» – спросили ее. «Ну, нет, конечно, каждую неделю я не смогу. Я хотела так, иногда...»

«Так что же, не надо пытаться помочь детям из детского дома? Не надо устраивать им праздники?» – спросите вы. Надо, конечно. Только взвесьте свои силы, надолго ли вас хватит? Будете ли вы приходить к этому ребенку каждую неделю или хотя бы через неделю? Возьмете ли его на каникулы? Как объясните, почему не хотите брать его насовсем? Если хочется просто устроить праздник, пригласите лучше сразу несколько детишек – троих, четверых. У них не возникнет иллюзий, что «их выбрали». Да вместе и веселее. И пожалуйста, не подбирайте ребенка «под аттракцион».

Однажды к нам на собеседование пришли очень интеллигентные пожилые супруги. Муж – известный пианист, жена –

домохозяйка. Обоим за шестьдесят. Говорила в основном она, муж сидел молча и только иногда улыбался. Очень приятная, хорошо воспитанная пара.

– У нас никогда не было детей, – говорила жена, – мы долго были не готовы к тому, чтобы так усложнить свою жизнь. А когда спохватились, оказалось, что уже слишком поздно заводить своих детей. Подумав еще какое-то время, мы пришли к мысли, что неплохо было бы взять юную воспитанницу из детского дома.

– И какого возраста девочку вы хотите взять? – задал дежурный вопрос социальный работник.

– Лет шестнадцати.

Какая удача! Ну, 14-летних еще готовы брать. А вот 16-летних обычно уже в семью не устроишь.

– А почему шестнадцатилетнюю?

Тут выяснилось, что представления милой пары о воспитаннице-сиротке целиком почерпнуты из классической литературы. Скромная, застенчивая девушка, целые дни проводящая в неспешных домашних занятиях. Будущей подопечной вменялось в обязанности вязать, поливать цветы, вычесывать хозяйкиного (извините, вырвалось) пекинеса и быть благодарной слушательницей ее поучительных историй.

– Раньше еще кружево плели, – подала провокационную реплику сотрудница Службы, изо всех сил сохраняя вдумчивое выражение лица.

– А что, они у вас в детском доме кружево плетут? – обрадовалась милая дама.

Увы, нет.

Рассказ о наших девочках-подростках им не понравился. Ничего плохого мы не говорили. Просто рассказали о радостях и горестях наших девчонок. О том, чем они живут, чем увлекаются. Чем им можно помочь и чего от них ждать бесполезно. О том, какие они у нас умницы и красавицы. О том, какие они противные вредины, как все нормальные девчонки-подростки. Рассказали об опыте других семей. Милая пара больше у нас не появлялась.

Разные случаи бывают. Недавно приходила дама – бывшая актриса. Она хотела взять мальчика-подростка, чтобы был «мужчина в доме». Не подумайте ничего плохого. Просто хотела, чтобы был человек, который будет оберегать ее от житейских неурядиц; делать текущий, а в дальнейшем и капитальный ремонт. Даже образование ему запланировала – строительный институт. «Второе высшее образование, – сказала она, – пусть какое угодно получает. А первое – обязательное строительное». Кстати, эта дама оказалась вполне здравомыслящей. Пройдя тренинг, она поняла, что, прежде чем рассчитывать на ремонты, в мальчишку нужно вложить столько сил, сколько она вряд ли потянет.

Однажды к нам заглянула симпатичная пара – муж и жена около сорока лет. Простые такие, добродушные. «Мы видели вашу девочку по телевизору, Настеньку. Хотим ее взять к нам. Можно?». За несколько дней до этого, действительно, была передача, в которой показали 16-летнюю Настю. «А почему вы так захотели взять Настю?» Супруги долго мялись, рассказывали о своем доме, о хозяйстве. Потом признались, что через месяц ждут сына из армии. Волнуются, как бы не загулял. Увидев Настю, они поняли – вот оно, решение проблемы. Надо взять ему невесту. Сиротка из детского дома – что может быть лучше! Девочка хорошая, скромная, без особых запросов. Мы им посоветовали прежде с сыном поговорить. Разумеется, с задней мыслью о том, что сын вряд ли обрадуется подобному «повороту судьбы». Больше они не появлялись.

Реальный ребенок

У каждого из них есть своя история. Может быть, совсем коротенькая, но – своя. Жизнь, что была до встречи с вами. Родня, которая не смогла или не захотела его растить. Когда-нибудь вы с ним об этом поговорите.

Каждый из них – живой человек. Человек, с которым судьба обошлась круто. У него испортился характер, и здоровье остав-

ляет желать лучшего. Ребенку очень нужен кто-то, кто примет его таким, какой он есть.

Они растут в казенных учреждениях. Пока их ищут, выбирают, пока оформляют документы, они успевают подрасти. Вопреки всему, они развиваются и становятся личностями. Когда-нибудь вы будете им гордиться.

Так какого ребенка вы хотите? Наверное, самого замечательного. Любимого. Красивого, умного и доброго. Не переживайте, он таким и будет. Самым лучшим на свете – вашим ребенком.

глава 5 «Откуда у вас ребенок?», или Нужно ли скрывать происхождение приемного ребенка от него самого и от других людей

Говорить – не говорить?

Люди, приходящие в наш детский дом за ребенком, часто спрашивают: «А какая у него будет фамилия?» На наш ответ, что фамилия у него будет своя собственная (к усыновлению «наши» семьи переходят позже, если захотят), неизбежно задают следующий вопрос: «А как же мы объясним в школе (детском саду, поликлинике и т.п.), что у нас разные фамилии?» Сами же на свой вопрос и отвечают: «Сейчас такие семьи бывают, дети от разных браков, у всех фамилии разные... Никто и внимания не обратит». А вот следующий вопрос беспокоит будущих родителей гораздо больше: «И что, нам придется везде объяснять, что ребенок из детского дома?»

Кого-то волнует, как его семья будет выглядеть в глазах окружающих, ведь общественное мнение далеко не всегда благосклонно к «приемышам» и к тем, кто их «понабрал». Кто-то больше беспокоится за ребенка, «ведь все будут знать, что он детдомовский». Будущие родители, еще не взяв ребенка и даже не познакомившись с ним, решают вопрос о том, как же их новая и не совсем обычная семья будет разбираться с тем, что ребенок – приемный.

А с этим вопросом, действительно, нужно разобраться заранее. Соседи реагируют на изменение ситуации гораздо быстрее, чем вы успеваете что-то сообразить. Вот вы первый раз

пригласили ребенка в свой дом. Нет, девочка еще не переезжает к вам, пока вы просто пригласили ее в гости на выходные. «Какая хорошенькая! – умильно восклицает соседка, стоящая у подъезда. – Это кто же у нас такая?» Ребенок поднимает голову и смотрит вам в глаза. Ей тоже очень интересно, «кто же она такая?». «Это... м-м... моя племянница», – выпаливаете вы, чувствуя себя идиоткой и предательницей одновременно.

«А кто такая племянница?» – спрашивает вас ребенок, едва переступив порог вашего дома. Вот и поди объясни ей теперь, что вы просто постеснялись сказать, что она из детского дома. «Этого надо стесняться?» – спросит или подумает ребенок, выслушав ваши правдивые объяснения. «Нужно ли этого стесняться?» – ищут ответ на вопрос будущие приемные родители.

Ответы на этот вопрос бывают разные. Кто-то идет радикальным путем. «Нет никакого такого вопроса, – утверждают приверженцы тайны усыновления, – ребенок наш, и все. Имитация беременности, новорожденный младенец, суд, новое свидетельство о рождении, законодательно охраняемая тайна, молчание всех посвященных “до гробовой доски” – все очень просто, и ничего никому объяснять не надо». Очень многие искренне считают, что это самый лучший путь, по которому может пойти семья, взявшая приемного ребенка. В этой главе мы разберем, какие существуют риски при хранении «тайны усыновления» и с какими последствиями порой приходится сталкиваться семьям, принявшим подобное решение.

Некоторые семьи принимают менее категоричные решения. Усыновить – да, пусть ребенок будет как бы «нашим», носит нашу фамилию и пользуется всеми юридическими правами члена семьи. А вот правду мы скрывать не будем, зачем усложнять жизнь ребенка «страшными тайнами», да и себе создавать сложности, всю жизнь боясь «разоблачения».

«Мы взяли мальчика в возрасте полугода. Мы не собираемся скрывать, что он приемный сын, у нас во дворе так много “добрых” тетенок! В каком возрасте и в каких выражениях лучше сказать ребенку о том, что он приемный?» – спрашивает мо-

лодая пара. В этой главе мы поговорим о том, как разговаривать с ребенком на эту тему.

Многие будущие родители не планируют усыновлять ребенка, а выбирают другую форму семейного устройства – опеку, патронат, приемную семью. Фамилия у ребенка при этом остается своя собственная, в свидетельстве о рождении в графе «отец» и «мать» указаны люди, к вам отношения не имеющие. В детском саду и школе придется что-то говорить. «Может быть, не нужно говорить всем? А сказать только директору?» – беспокоятся будущие папы и мамы. Конечно, к таким разговорам нужно быть хорошо подготовленными. Как говорить с окружающими о приемном ребенке, какие правила нужно соблюдать, что вам поможет и что помешает, – все это мы обсудим чуть ниже.

Все больше людей принимают в свои семьи детей постарше, школьников. Помимо обычных волнений, связанных с новой школой, прибавляются еще все вопросы по теме «приемный ребенок». Что говорить соседям, в школе, как говорить с самим ребенком о том, что он приемный, – все это нужно обдумать заранее. Как сам ребенок будет себя чувствовать среди «домашних» одноклассников, не будут ли его дразнить и преследовать? И наконец, самое главное – как вы можете помочь ребенку в его непростой ситуации. Как помочь ему, ничего не скрывая и не прячась от собственной судьбы, научиться уважать самого себя и ощущать себя полноправным и достойным членом общества?

Это вопросы, на которые будущий приемный родитель должен ответить до принятия ребенка в семью. Ведь от вашего отношения к ситуации, от вашей уверенности будет зависеть то, как ваш ребенок будет относиться к самому себе.

Тайна усыновления. Последствия «разоблачения»

«Недавно мы усыновили мальчика, поменяли ему фамилию. Теперь очень боимся, вдруг правда выплывет наружу и какая-нибудь “добрая” тетя расскажет ему, что он не родной. Как нам

быть?» – это строки из письма. Тайна усыновления – одна из наиболее популярных тем, волнующих будущих приемных родителей.

Тайна усыновления в нашей стране охраняется законом. Почему же из такого простого и благородного дела, как усыновление, надо делать тайну? Иногда люди очень хотят иметь ребенка, но не могут родить своего. Им не хочется посвящать других людей во все обстоятельства. Пусть все считают, что это их собственный ребенок.

«Да его просто затравят, – объясняют будущие усыновители, искренне желающие скрыть правду о рождении ребенка, – а в нас все пальцем тыкать будут». Да и самим будущим родителям так иногда важно считать ребенка полностью «своим», что они стараются вычеркнуть прошлое даже из своей собственной памяти. Не говоря уже о том, чтобы рассказывать что-то ребенку. «Во-первых, он не поймет, – аргументируют сторонники «тайны усыновления» свою позицию, – во-вторых, будет спрашивать про “другую маму”. В-третьих, расскажет все кому-нибудь. Нет уж, мы ему ничего не скажем».

Пока ребенок маленький, наверное, проще так. Он же «ничего не понимает». А потом, когда он вырастет? Об этом часто не думают, считая, что если никто не проболтается, то проблемам просто неоткуда взяться. Наверное, бывают случаи, когда тайна остается тайной. К специалистам порой обращаются за консультацией, когда «тайна» себя не оправдывает и наступают серьезные и очень неприятные последствия. Иногда замалчивание правды заводит людей в жизненный тупик.

Лена росла в любящей, хорошей семье. «У нас всегда были хорошие отношения. У меня было счастливое детство. Не помню, когда появилось это ощущение, что как будто что-то не так», – рассказывала она, уже будучи взрослой 30-летней женщиной.

Однажды Лена, еще учась в школе, без спросу и без особой цели перебирала старые документы, спрятанные на антресолях. Найдя старое свидетельство о рождении, она не очень сильно удивилась. «Там были другие имя и фамилия, но я сразу поняла,

что это мое свидетельство. Я как будто всегда знала, что меня усыновили, – говорила Лена без особых эмоций, – обрывки фраз, какие-то слова, молчание, шепот, взгляды – все сложилось воедино».

Лена рассказывала спокойно, казалось, что ее не очень волнует эта тема. «Я ничего не сказала маме о своей находке, а зачем? Она начала бы плакать, объяснять что-то. Я просто знала, что они мне не родные. Иногда они шептались о чем-то, и мне всегда казалось, что они шепчутся обо мне. Было такое ощущение, что в семье есть позорная тайна, и я в этом виновата», – прибавила Лена, усмехнувшись. Похоже, что она привыкла не показывать своих истинных чувств, выбрав для защиты легкую иронию.

Лена закончила школу, получила диплом в институте. Как только это стало возможным, она стала жить самостоятельно. «Когда мне было двадцать шесть лет, – продолжила Лена, – я решила поговорить с мамой. Мы сидели на кухне, и я сказала, что знаю о том, что они меня усыновили. Мама помолчала, как будто решая что-то про себя. Потом сказала: “Ну и хорошо”, – и чем-то занялась. Я поняла, что мы больше не будем об этом разговаривать». – Лена говорила бесстрастно, глаза смотрели холодно.

«У меня есть друг, – неожиданно сказала Лена, – мы хотим пожениться. Он не понимает, почему я не знакомлю его с родителями. А я как представляю, что мы придем в гости, и они с этими своими милыми улыбками и ему будут врать». – Лена передернулась. «Что мне делать? – как-то по-детски беспомощно вдруг спросила она. – Я не хочу ему врать в таком важном деле, а сказать правду я тоже не могу. Получится, что я предам их, – она судорожно сглотнула и с трудом выговорила: – Родителей».

К сожалению, приемным родителям зачастую даже не приходит в голову, как тяжела для детей ситуация неправды. «Почему мое рождение – это тайна?» – не могла понять Лена-подросток. «Наверное, это что-то позорное, – отвечала она самой себе, – наверное, в этом есть моя вина». Дети часто приписывают себе

вину за то, что происходит в семье. «Но мы ведь и хотим убедить ребенка от этой тяжести! – восклицают люди, горой стоящие за «тайну». – Мы хотим, чтобы он ничего не узнал и жил спокойно!» Жизнь берет свое. Все тайное становится явным.

Для Лены тяжелее всего было то, что родители не хотели поговорить с ней откровенно. Ее не столько волновал факт, что она приемная, сколько отсутствие доверия со стороны родителей. Лена, человек по натуре спокойный, загнала свое горе «внутрь». Ошибки и страхи приемных родителей обернулись проблемами в ее личной жизни. Бывает по-другому. Иногда повзрослевший ребенок очень бурно и трагично принимает известие о том, что он не родной.

На прием пришла пожилая женщина. «Мы удочерили Катеньку шестнадцать лет назад, – сказала она, – моя дочь с мужем удочерили, а я – бабушка. Теперь у нас такие проблемы, я просто в отчаянии». Бабушка рассказала, что все было хорошо у них в семье, девочка росла умницей. Немножко избалованная, но «это наша вина, – сказала бабушка, – все время ее жалко было, я все старалась за нее сделать». Жили как обычная семья, все любили друг друга, никому и не приходило в голову делиться какими-то «тайнами».

«Мы сами даже забыли, что Катенька родилась не в нашей семье, – говорила бабушка, – наш, родной ребенок. Зачем нужно ворошить прошлое? Да там и “прошлого”-то было – одна неделя, мы же ее практически новорожденную взяли».

Две недели назад Катя пришла от подружки очень задумчивая. «Я подумала – заболела, – рассказывала бабушка. – Мне и в голову ничего такого не приходило». Неделю Катя ходила как в воду опущенная, а потом исчезла. Трое взрослых сходили с ума, пока не раздался звонок от мамы той самой подружки. «Катя у нас, – сказала она, – я должна с вами поговорить. Только не говорите Кате», – попросила она, явно сама запутавшись в происхождении.

История была несложной. Мир тесен. Новорожденная Катя шестнадцать лет назад была оставлена в районном роддоме,

откуда ее и забрала семья. У людей хорошая память, и кто-то запомнил и семью, и фамилию. Семья жила в уверенности, что прошлое не возвращается. А рядом жили люди, для которых не было никакого секрета в том, что девочка в семье – удочеренная.

«У меня соседка в гостях была, – торопливо объясняла подружкина мама, – и они все вместе разговаривали. Я была на кухне, а когда пришла в комнату, поняла, что произошло что-то неприятное. Соседка сразу ушла, Катя с дочкой еще долго шушукались. Мне показалось, что Катя не то злится, не то плачет. Потом только дочка рассказала, что эта соседка с Катей разговорилась. Катя в один день с ее сыном родилась, в том же роддоме. Слово за слово, и вдруг как-то так сошлось, что Катя – та самая девочка, которую в роддоме оставили, а потом ее сразу забрали. Соседка даже фамилию помнила».

Катя появилась у них снова через некоторое время. «На нее было страшно смотреть, – сказала мама подружки, – она вся черная была». «Ненавижу их, ненавижу, – шипела Катя сквозь зубы, – они мне не родные!» Катя отказалась идти домой, сказала, что, если ей не разрешат здесь остаться, она пойдет и выбросится из окна. Она потребовала, чтобы никто не сообщал ее семье, где она находится. «Я, получается, предаю Катю, – пыталась оправдаться эта женщина, вовлеченная в чужую трагедию, – но мне так за нее страшно!»

Мы долго разговаривали с Катиной бабушкой. Именно то, что девочка так бурно и так открыто переживала трагичное для нее известие, давало надежду на скорое выздоровление. Она не прятала свои чувства. Да и семья, поняв, в чем корень зла, была готова к откровенным разговорам и объяснениям. Скрывали-то правду о рождении девочки даже не из страха, а по просту считая, что так и надо, что делают это во благо ребенка.

Давайте попробуем понять, какие чувства испытала Катя, неожиданно узнав от постороннего человека о том, что она удочеренный ребенок. Ее мир, такой простой и понятный, перевернулся. Любящие, родные люди, самые близкие, вдруг оказались не теми, кем она их считала. Чужими? Неродными?

В русском языке слово «родной» имеет два значения. Одно значение – «кровный родственник». Второе значение – «близкий, любимый». Узнав, что она неродная по крови, Катя решила, что теперь не может быть близкой и любимой. Она как будто потеряла в одночасье всех, кого любила. Она запуталась, растерялась, испугалась. Ее слова о «ненависти» были криком отчаяния. Часто повзрослевшие дети в такой ситуации считают, что их предали. Получается, что много лет от них скрывали такую важную информацию. Как теперь доверять людям, которые так долго обманывали? Можно ли вообще доверять кому-нибудь?

Катина семья оказалась в непростой ситуации. Им предстояли долгие и откровенные разговоры с Катей. Им предстояло рассказать Кате все с самого начала. О том, как они хотели ребенка. Как не смогли родить. Как приняли решение о том, что будут усыновлять. Мама с папой рассказывали Кате о том, как обрадовались, узнав, что есть девочка, которую они назовут своей дочкой, о том, что сразу полюбили ее и стали считать своим, родным ребенком. Бабушка вспоминала Катино детство, ее болезни, ее капризы – так, как бабушки вспоминают детство своих внуков.

«Ну и хорошо, – может сказать кто-то, – пришло время, и рассказали. Какая разница, раньше или позже. Даже лучше, что позже». К сожалению, это не так. Ситуация не разрешилась так просто. Пока Катя бурно переживала известие, она успела наговорить своим близким много обидных и, с их точки зрения, несправедливых вещей. Слова о ненависти больно их зацепили. «Как же так, – говорили они, – мы отдали ей всю душу. Мы же не виноваты в том, что все так получилось. Она могла бы нас понять».

Слово «неблагодарная» не прозвучало вслух, но Катя в какой-то момент почувствовала, что ее как будто в чем-то обвиняют. Кроме того, Катиной семье было очень обидно, что она стала искать поддержку и понимание у чужих людей. «Почему она ушла к подружке? – с горечью спрашивал Катин папа. – Теперь эти люди знают, что происходит в нашей семье. Мы выглядим глупо и некрасиво, как будто мы враги своей дочери». Ему при-

шлось приложить немало душевных усилий, чтобы понять Катину боль и растерянность.

Кате легче было разговаривать с чужими людьми именно потому, что она чувствовала боль, стыд и растерянность, и в ответ ей нужно было спокойное понимание и утешение. Она не сразу пошла на контакт со своей семьей, не сразу захотела разговаривать. Умом она поняла, что ее близкие поступали так из лучших побуждений. Но ее мир рухнул, а рухнувший мир не восстановишь в одночасье. Невозможно мгновенно вернуться к былой беззаботности, вновь почувствовать легкость и доверие.

В Катиной семье все наладилось. Они поняли друг друга и со временем простили. Правда, выводы из ситуации у всех оказались разными. Для бабушки произошедшее осталось «злым роком», трагичным стечением обстоятельств. Она обвиняла во всем ту соседку, которая «распустила язык». Катин папа долго вникал в суть случившегося, разговаривал со специалистами. «Если бы у меня раньше была правильная информация, – сказал он, – я бы обязательно говорил с Катей обо всем с самого детства. Она бы знала, что, хотя не мы ее родили, мы ее очень любим, она ведь наша дочка. В этом нет ничего стыдного. Стыдно должно быть тем, кто детей бросает».

Катина мама тоже во всем разобралась, но такой решимости, как у папы, у нее не было. «Даже не знаю, как бы я поступила, – говорила она. – Конечно, правильно говорить ребенку правду. Но ведь когда она обнимает тебя и говорит “мама, мама”, попробуй скажи, что была еще какая-то другая мама. Язык ведь не повернется. Хотя то, что мы пережили, – не дай бог никому!»

Сама Катя, помирившись со своими близкими и приняв ситуацию как данность, столкнулась с неожиданной проблемой. «Понимаете, – объясняла она, обратившись по совету бабушки за консультацией и поддержкой, – я теперь не знаю, как общаться со своими друзьями. Каждый раз, когда я произношу слова “мама” или “папа”, у меня возникает такое чувство, что я обманываю своих друзей. У нас не было секретов друг от друга.

То есть я так думала, что у нас нет секретов. То есть их и не было, пока я не узнала...» – Катя замолчала, совсем запутавшись.

«Я должна им все рассказать, но я даже не представляю, как это сделать. Вдруг сказать ни с того ни с сего: “А знаете, мои папа и мама – не родные”. Я боюсь, что заплачу, или вдруг они начнут их осуждать, или... – У Кати действительно навернулись слезы на глаза. – И не предам ли я папу с мамой, рассказывая об этом? А спросить я их боюсь, я как вспомню, как они тогда психовали. Если бы я раньше знала все это, и все бы знали, что это так, и не надо было бы сейчас никому ничего объяснять. Это ведь не стыдно, что меня усыновили, правда?»

«Это ведь не стыдно?» – вот что становится самой большой проблемой для человека, который обнаруживает, что в его жизни есть «страшная тайна», о которой никто не должен знать. Узнав, что тайну его рождения тщательно скрывали, человек начинает думать, что в его судьбе есть что-то постыдное. Значит, и сам он – носитель какого-то «позора», не совсем полноценный, полноправный член общества. Он – тот, кого в тайне усыновили.

«Тайна – позор – клеймо на всю жизнь» – как вы думаете, как себя чувствует человек, вынужденный жить с таким грузом? «Так ведь тетка виновата, – скажет кто-то, – та, которая язык распустила. Не было бы тетки, и все шито-крыто осталось бы!» Ох, тетка, негодница! Может, действительно, не было бы «тетки», и проблем бы никаких не было? Давайте посмотрим...

«Тайна, покрытая мраком»

«Мы с мужем бесплодны. Родственники не поймут и отвернутся, если усыновим. Решили имитировать беременность и взять новорожденного до одного месяца и скрыть правду от будущих бабушек и дедушек» – вот строки из письма молодой пары.

Эти молодые люди ставят перед собой очень сложную, почти невыполнимую задачу – скрыть правду не только от посто-

ронных людей, но и от самых близких. Ведь «бабушки и дедушки» в данном случае – папа и мама каждого из супругов. Мы даже не будем брать в расчет вопрос, хорошо ли будет ребенку в семье, где нет доверия между самыми близкими людьми. Какие же еще трудности могут поджидать молодую пару?

К нам за консультацией обратилась супружеская пара. Их 12-летний сын стал очень плохо себя вести. Он бил одноклассников, грубил учителям, прогуливал и не делал уроки. Домой стал приходить поздно, однажды родителям показалось, что от мальчика пахнет спиртным. «Помогите нам, пожалуйста, – попросили Марина и Коля, – мы не знаем, что нам делать». На удивленный вопрос, при чем же тут детский дом, специалисты которого консультируют только семьи, в которых живут приемные дети, супруги рассказали свою историю.

Марина и Коля знали, что не смогут иметь своих детей. Они познакомились еще в институте и очень любили друг друга. Когда возраст подошел к тридцати годам, супруги решили завести ребенка. Разумеется, усыновить. Они знали, что это непростое, ответственное решение, и были готовы к трудностям. Но главное препятствие ждало их дома.

Они жили вместе с родителями Марины, в большой, хорошей квартире. В ней хватило бы места не одному ребенку. Да вот беда, Маринин отец и слышать не хотел ни о каких приемных детях. Стоило какой-нибудь статье о сиротах попасться ему на глаза или кому-нибудь случайно упомянуть об усыновлении, как он начинал ругаться, понося на чем свет стоит и «это отродье» и «тех идиотов, которые тащат в дом неизвестно кого». Марина и Коля понимали, что даже заикнуться об усыновлении будет невозможно.

«Давай поедem к моим родителям, – предлагал Николай Марине, – там усыновим ребенка. Твои сначала посердят, а потом привыкнут. Твой папа ведь незлой человек». Но Марина боялась остаться без маминой помощи, пойти против отца, да и не хотелось ей менять столицу и привычный уют большой квартиры на чужие углы в маленьком городке. Супруги решили

схитрить и выдать приемного ребенка за своего. Как искали ребенка, как имитировали беременность, как уезжали якобы «в длительную командировку» – долгая история.

Труднее всего было с письмами и телефонными разговорами. Маринина мама очень волновалась о здоровье «беременной» дочки и задавала множество вопросов. Марина выкручивалась, как могла, придумывая правдоподобные ответы. Она даже купила медицинский справочник, чтобы ее слова звучали правдоподобнее. Два месяца спустя после «родов» Марина и Николай триумфально вернулись к родителям, бережно неся на руках заветный «кулечек».

Марина боялась встречи с мамой. Все это время мама жаловалась, что Марина «скрывает от нее что-то», правда, приписывала это проблемам со здоровьем. Теперь Марину ждала череда вопросов о том, как проходили роды, и как она впервые посмотрела на сыночка, и как сердце дрогнуло.

С «дроганьем сердца» дела обстояли плохо. Младенец вызывал жалость, сострадание, поначалу небольшую брезгливость. Любви не было. Марина корила себя всякими словами. «Ты не мать, ты ехидна, – говорила она самой себе, – таким как ты, нельзя давать детей». Она скрывала от Коли свои чувства, изо всех сил изображая радость и умиление, пока однажды Коля не сказал, задумчиво глядя на малыша: «Интересно, это у всех приемных родителей так или только я бесчувственный?»

Теперь они оба знали о том, что любовь к приемному ребенку не «выдается» вместе с постановлением суда об усыновлении. Немного помогла врач из роддома, к которой супруги зашли перед отъездом. Увидев их потерянные лица, она сказала: «Так часто бывает. Не переживайте, любовь придет постепенно. Это ваш ребенок». Марина и Коля стали ждать любви.

К моменту встречи с бабушкой и дедушкой лжи уже было накручено столько, что Марине казалось – она больше не выдержит. Но все было впереди. «Ути-сюси-пуси, какие мы масюсенькие, – завела ритуальную песню бабушка, освобождая мальчишку из пеленок, – ну-ка, ну-ка, на кого мы похожи?» Марина

неожиданно почувствовала припадок злобы. «На мамашу, которая сбежала из роддома», – хотелось крикнуть ей в ответ. Марина взяла себя в руки и покорно начала выискивать в маленьком Мишутке черты сходства с папой, мамой, дедушкой и бабушкой.

К большому облегчению Марины, с дедушкой все обошлось проще. Видимо, он не любил не только детей-сирот, а вообще не испытывал тяги к малышам. Так, взглянул, улыбнулся и ушел к себе. «Как хорошо, что он равнодушен к ребенку, – подумала Марина, которая раньше очень боялась, что ее строгий отец не полюбит малыша, – хоть бы он вообще на него внимания не обращал».

Мишутка рос умненьким, бойким мальчишкой. Бабушка души в нем не чаяла, целиком погрузившись в заботы о внуке. Все шло, как в обычной семье – первые шаги, поломанные игрушки, порванные книжки. Первый лепет, песочница, первые буквы, которые Мишутка с гордостью писал на дедушкиных бумагах. Только вот Марину не оставляла тревога. В каждом замечании о ребенке ей чудился скрытый смысл, намек. «Уши у него не наши, – прикидывала бабушка, в очередной раз рассматривая семейный альбом. – Коля, у твоего папы ведь не такие уши?» Ушки у Мишутки уродились лопушки. «Причуды генетики, – спокойно отвечал Коля, честно глядя теще в глаза, – у моего двоюродного прадедушки такие были».

«В нашей семье так себя не ведут», – воспитывал Мишу дедушка, обычным образом прививая ребенку семейные ценности. «Догадался», – замирала Марина. Догадался или нет – оставалось вопросом. Дедушка больше не ругал «этих усыновителей», а если тема неожиданно возникала, хмурился и уходил к себе. «Бандит растет», – бормотал он, подбирая очередной искореженный паровозик. В душе Марины вспыхивал страх.

Марина и Коля искренне любили Мишу. Доктор не обманула – любовь действительно постепенно пришла. А вместе с любовью пришли и новые страхи. Иногда Марина не могла заснуть всю ночь, думая о той девчонке, которая оставила в роддоме своего новорожденного сыночка. «А вдруг она спохватится, на-

чнет его искать? А вдруг кто-нибудь проболтается? Закон-то закон, но ведь все же люди. Захотят помочь несчастной матери». Иногда на Марину накатывала волна жалости к ней. Но чаще Марина с ужасом представляла себе, как на пороге ее дома появится незнакомая женщина и предъявит права на ее сыночка. Марина стала бояться незнакомых людей, звонков в дверь. Поддерживало то, что тайну они хранили вдвоем с Колей. Хотя Коля считал Марины страхи пустыми фантазиями, убеждал ее в том, что даже если кто-то их разыщет, закон все равно на их стороне.

Подрастая, Миша, как всякий ребенок, стал интересоваться тем, как он «был у мамы в животике». Отвечать на Мишины вопросы было не трудно, Марина прижимала его к себе, они вместе рассматривали детскую энциклопедию. Только сердце ее наполнялось болью. «Этого не было на самом деле, – с горечью думала она. – Я не настоящая мать. Где-то живет та, что его родила. Я ведь и его обманываю, он никогда не узнает свою настоящую историю». Оказалось, что планировать «сохранение тайны усыновления» – это одно, а скрывать правду от любимого человечка, от своего ребенка – это совсем другое.

Миша рос, пошел в школу. Внешне в семье все было благополучно. Николай работал, Марина тоже. На выходные уезжали на дачу, Коля много гулял с сыном. Похоже, он чувствовал себя вполне комфортно – у него хорошая семья, сын, он прилично зарабатывает на интересной работе. Марина тоже радовалась жизни и говорила себе, что ей очень повезло, у нее есть ребенок, муж, ее родители живы и здоровы. Только вот когда накатывала тревога, ей не с кем было поделиться.

Коля со временем стал от нее отмахиваться, говорил, что она слишком мнительная. Отец старел, брюзжал, часто выставлял Мишу из своего кабинета. Возможно, он вел бы себя так с любым ребенком, но Марине все казалось, что он недолюбливает Мишу. Она была почти уверена, что мать давно обо всем догадалась, но боится об этом говорить и старательно скрывает свои переживания. Марина понимала, что каждый член се-

мьи живет как бы по отдельности. «Мы как будто позор какой-то скрываем, – думала Марина, – словно боимся друг друга».

В школе возникли неожиданные проблемы. Миша, словно компенсируя подспудный «обет молчания», прославился в школе как рассказчик самых невероятных историй. Сначала учителя принимали его слова на веру и звонили к ним домой, с тревогой выясняя, как себя чувствуют бабушка с дедушкой. «Нормально чувствуют, – отвечала удивленная Марина, – а в чем дело?» Оказалось, что Миша очень убедительно поведал историю о том, что бабушка с дедушкой попали в автомобильную катастрофу и лежат в реанимации в тяжелом состоянии. В связи с чем он, Миша, дежурил в больнице два дня и поэтому пропустил школу.

Для Марины было новостью то, что ее такой послушный и хороший ребенок пропускает школу, а от его рассказа она испытала шок. Дома был большой скандал, но потом Мишу простили, порешив, что ребенок чего только не придумает, чтобы в школу не ходить. Однако Миша на этом не остановился. Он рассказывал о том, что его семья очень богата и имеет на счетах в банке огромные деньги. Рассказывал о том, что в доме хранятся редкие ценности. Однажды придумал очень правдоподобную историю о том, как они с папой перевернулись в лодке на озере и как он, Миша, тянул до берега бездыханного папу. Все истории были связаны либо со спрятанными ценностями, либо с тем, как Миша спасает своих близких.

Чем взрослее Миша становился, тем острее становились Марины страхи, связанные с наследственностью. «Пока он был маленький, я ничего такого не боялась, – рассказывала Марина, – когда ему исполнилось пять лет, я совсем успокоилась. Здоровый ребенок, развитие в норме. А вот как исполнилось ему одиннадцать, он начал грубить. У меня стали мысли появляться – может, это гены в нем заиграли? От кого он родился, может, его кровный родитель был плохим человеком? И Миша в него пошел? Так ведь бывает?»

Марина не могла ни с кем обсудить свои страхи. Ведь это означало рассказать кому-то, что Миша – приемный ребенок.

«Я иногда представляла себе, что пойду, ну, к психологу какому-нибудь, – делилась Марина, – и вот какие я слова скажу? Что он не родной? Да я это выговорить не смогу – у меня роднее никого на свете нет. – Марина покосилась на Николая, не обиделся ли тот. – Скажу, что он приемный? Тогда нужно было бы всю историю рассказывать, а я сама не могу объяснить, почему все так получилось. Больше боялась, как мы все будем выглядеть в глазах постороннего человека. Сейчас-то мне это не важно. Главное, чтобы Мишеньке помогли и нам всем». – Марина заплакала.

Когда Миша начал по-настоящему грубить, обстановка в семье накалилась. «Не от нас же он этому научился», – думала Марина. – Мы все вежливые, хорошо воспитанные люди. Значит, точно гены». – Марина затосковала. То, что многие мальчишки становятся в подростковом возрасте грубыми, ей как-то не приходило в голову. Семья жила довольно замкнуто, а детей из знакомых семей Марина встречала только в гостях, приодетых и улыбающихся. В Марине боролись два чувства – любовь к Мише и все больше нарастающее ощущение, что это не ее ребенок, чужой, неласковый. «Я ему не нужна, – тоскливо думала Марина, – ему никто не нужен. Он нас бросит так же, как его мать бросила в роддоме».

Однажды, когда Миши долго не было дома, у бабушки случился сердечный приступ, ей вызывали скорую. Когда Миша вернулся, родители набросились на него с упреками. Дед стоял тут же, хмуря брови. В ответ на упреки Миша огрызнулся, скандал разгорелся не на шутку. «Нормальные дети так себя не ведут», – крикнула в сердцах Марина. «У нормальных детей родители нормальные», – выкрикнул в ответ Миша, выбегая из коридора. «Родители...» – недобро усмехнулся дед, поворачиваясь и хлопая дверью. У Марины началась истерика.

Марина с Колей долго разговаривали. Коля любил жену и понял, что запустил ситуацию. Они все обсудили.

– Я был такой же в двенадцать лет, – рассказал Коля к огромному удивлению Марины, ведь она всю жизнь знала мужа как спокойного, рассудительного человека. – Однажды я хлопнул

дверью и ушел из дома, к приятелю, – продолжил Коля, – а еще один раз подрался с отцом, и тут уж он меня выставил. Мать нас долго потом мирила.

– Но почему? – не понимала Марина. – Чего ему не хватает?

– Всего ему хватает, даже с избытком, – терпеливо объяснял Николай, – ты посмотри, как бабка над ним хлопочет. А он ведь взрослый уже, он себя мужчиной чувствует. А мы ему все «Мишутка, Мишутка»!

– А истории эти безумные, а то, что школу прогуливает, а все остальное? – Марина пыталась найти какой-то выход.

– Это хуже, – подтвердил Коля. – Ты знаешь, мне кажется, что это как-то связано с нашей «тайной», – Он усмехнулся: – Посоветоваться бы с кем.

Марина и Николай были готовы разобраться с ситуацией так, как надо. Конечно, они поздно вато спохватились, но не слишком поздно. Миша все-таки был еще ребенком. Это через несколько лет он мог бы по-настоящему хлопнуть дверью, устав от тяжести не своей «тайны», от постоянной тревоги матери, от замкнутости отца. А непонятные нотки сострадания в голосе бабушки? А недоброжелательность деда? «Семья – это такое место, где люди не доверяют друг другу» – с таким внутренним ощущением рос Миша.

Марина и Коля приняли непростое решение – начать говорить правду.

– Он будет нас ненавидеть, – обреченно говорила Марина.

– Это его право, – мрачно отвечал Николай, пряча свой страх за броней мужской сдержанности, – он разберется, он мой сын. Я ему доверяю, – впечатал он свой ответ, делая первый, но решительный шаг по пути доверия и правды.

– Он захочет найти свою мать, – слезы катились по щекам Марины.

– Ты – его мать. – Николай был непреклонен. – Он тебя любит, я знаю. А если он захочет узнать о женщине, которая его родила, мы ему поможем. На это он тоже имеет право.

– А наши родители? – Марина уже сама знала ответ на этот вопрос, ей нужна была только поддержка мужа.

– Они давно все знают. И тебе это прекрасно известно. Им самим легче станет. И потом... – Николай прямо посмотрел в глаза Марине. – Пора становиться взрослыми. Когда мы двенадцать лет назад принимали решение, нам проще было оставаться «детьми». Наверное, пора взрослеть, нам сыну помогать надо.

Марина долго не решалась поговорить со своим отцом. «Не выгонит же он нас всех на улицу», – пыталась она себя подбодрить. Она боялась даже представить себе, что ее отец может сказать Мише, ей хотелось уберечь мальчика от злых слов. Марина сидела на кухне вместе с матерью, когда та неожиданно сказала: «Иди, сходи сейчас, поговори с папой». Марина изумленно вскинула на мать глаза, может быть, она ослышалась. Мать сочувственно кивала, ласково подталкивая Марину к дверям. На ватных ногах та зашла к отцу в кабинет:

– Папа, я хотела с тобой поговорить...

– Да ладно, чего уж там, – постаревший, усталый отец махнул рукой, – наделали дел...

– Пап, ты только Мише не говори ничего плохого, он ведь... – Марина не успела закончить фразу, как отец взвился с былым запалом:

– Ты что, меня идиотом считаешь? Парень извелся весь, я же вижу. Его защитить надо! – Дедушкино привычное недовольство обратилось теперь на тех, кто мог «обидеть» внука.

Марина и Николай начали непростые разговоры с сыном. К их удивлению, поздние приходы домой прекратились почти что сразу. Миша старался этого не показывать, но явно ждал, когда родители позовут его поговорить. Иногда после очередного разговора все разбежались по комнатам в слезах, но обстановка в доме стала определенно легче. «Дышать стало свободнее, – сказала Марина, придя на очередную консультацию. – Знаете, теперь, когда я слышу от Мишки слово “мама”, я чувствую себя так радостно, легко. Ведь он все знает и все равно так меня называет. Значит, я для него и правда – мама!»

Истории бывают разные. Но всегда, в каждой истории, связанной с тайной усыновления, присутствуют моменты, которые

и делают тайну «больной». Тайна – это всегда подозрения, опасения, страхи. Тайна – это недоверие. Недоверие к самым близким. Внутренняя тревога. Угроза разоблачения. Это для тех, кто хранит тайну. Для взрослых.

А для ребенка это оборачивается невозможностью принять себя таким, какой есть. Со своей историей, своими корнями. Ребенок не получает от родителей установку – «с тобой все в порядке». У некоторых детей это влияет на самооценку, они вырастают не очень уверенными в себе людьми.

Отношения родителей и усыновленных детей часто дают трещину в подростковом возрасте ребенка. «Ну, не может наш ребенок так себя вести», – думают родители, искренне считая, что уж они-то сделали для своего чада все самое лучшее, что могли. Тут и начинаются либо страхи перед «генами», либо обвинения в «неблагодарности», тоже «генетической».

При чем же тут тайна усыновления? Ведь в тех семьях, где тайну не хранят, случаются те же самые проблемы! Действительно, проблемы – не от «тайны», хотя ее хранение – дополнительная нагрузка на психику. Плохо то, что вы не сможете обсудить ваши проблемы ни со специалистом, ни с другом. О самом то «страшном» – сказать нельзя будет...

Как говорить с ребенком о кровной семье

Мы уже немножко касались этой темы в главке «Женщина, которая его родила». Можете ли вы не «присваивать» ребенка, не пытаться отсечь и забыть его «темное прошлое»? Сможете ли относиться к его семейной истории с пониманием и принятием? Может быть, даже с гордостью и уважением.

«Я считаю, что ее мама – героиня, – сказала Валя, два года назад взявшая под опеку четырехлетнюю Полю. – Она ее в семнадцать лет родила, а не убила. Я ее за одно это уважаю». Насколько легче будет девочке научиться уважать себя, свою историю, уважать других людей и их судьбы, зная, что ее кровная мама – ге-

роиня! Потому что так считает мама, которая растит ее и любит и которую Поля любит больше всех на свете.

Но как же с этим разобраться? Как разговаривать с ребенком о «другой маме», если одна только мысль о какой-то там женщине вызывает приступ ревности, боли и страха, что на вашу кровиночку кто-то может предъявить права? Хорошо бы подготовиться к этому заранее. Принять тот факт, что ребенка родили не вы. Взрастить в себе благодарность и сострадание к той женщине, которая родить родила, а вот вырастить не смогла. Поверить в свои материнские силы, чтобы не трястись от ревности, услышав слово «мама», обращенное не к вам. Наконец, запомнить правильные слова. Слова любви к ребенку, принятия его судьбы и благодарности к «той женщине». Эти слова ребенок должен услышать именно от вас.

Приемные отцы переживают все это как-то по-другому. Может быть, потому, что вопрос «кто родил?» не стоит для мужчин так остро. А с вопросами наследственности мужчины разбираются обычно сами. Как правило, в решениях мужчин больше осознанной ответственности за принимаемые на себя обязательства.

Итак, как же говорить с ребенком о том, что он рожден не в вашей семье?

«Поговорите» сначала с собой. Да, они бросили ребенка. Да, они вели не самый лучший образ жизни и сами во всем виноваты. Да, они обижали ребенка. Поблагодарите их в душе за то, что они создали этого ребенка. Что они его не убили. Попробуйте найти в своей душе частичку понимания и сострадания к людям, настолько искалеченным душевно, что они отринули свое собственное дитя. Их ведь на самом деле жалко. Они его бросили? Можно посмотреть на вещи по-другому: они подарили этого ребенка миру. Благодаря им у вас есть или будет ребенок. За это им можно сказать спасибо, какими бы они ни были.

Будет гораздо лучше для всех, если ребенок узнает правду о своем происхождении от вас, а не от чужой «тетки», не от «доброжелательных» соседей. Это убережет его от случайной травмы. Многие специалисты считают, что говорить с ребенком нужно

как можно раньше. Если ребенок, которого вы берете, уже подрос и знает, что была другая мама, с ним все равно надо разговаривать. О том, что хотя его родили не вы, вы его любите и считаете родным.

Ребенок относится ко всему так, как относятся его близкие. Если для вас наличие в биографии вашего ребенка кровной матери – просто факт, то и он будет относиться к этому так же равнодушно и без особого интереса. Ну, было и было. Мало ли что у кого было. Что будет, если вы правду скрываете, а ребенок узнал все не от вас, мы уже, кажется, достаточно подробно разобрали. Ничего хорошего не будет.

Когда вы разговариваете с ребенком о его «кровных», не ругайте их. Иногда у приемных родителей не укладывается в голове – как это, говорить только хорошее о людях, которые причиняли вред ребенку. Ведь если мы их не осудим, ребенок не поймет, «что такое хорошо и что такое плохо». Не беспокойтесь, он поймет. Желательно на каких-нибудь других примерах. Рассказывайте ему истории о других людях, выражайте свое отношение к тем или иным их поступкам. Осуждайте поступки, но не его кровных родителей.

Многих беспокоит, какие слова говорить. Если я – мама, то как же называть «ту женщину»? Да, вы – мама и папа. Это ваш родной ребенок. Слово «родной» мы употребляем в значении «близкий, любимый», а о биологической семье ребенка лучше говорить «кровная семья», «кровные родители». Когда вы беседуете с ребенком на эти темы, обязательно говорите, что вы вместе, что вы – одна семья, что вы заботитесь друг о друге.

А «та женщина»? Ну да, это «женщина, которая его родила». Вы ей благодарны и признательны за это. За то, что она произвела на свет вашего ребенка, дала ему жизнь. Может возникнуть разговор о кровном отце ребенка. Что ж, есть мужчина, благодаря которому он появился на свет. Наверняка, у него были какие-то хорошие качества.

А как объяснить ребенку, почему его бросили? Сказать, что мама умерла? «Ну, как же я могу такое сказать, если точно знаю,

что она жива», – говорила Ира, приемная мама двухлетней Карины. Ира усыновила Карину и знала многое о ее кровной семье. «Я с ней уже говорю понемножку о том, что родил ее кто-то другой. Она, правда, отвечает, что я все придумываю» – недоуменно рассказывала Ира. Ира «крутила» ситуацию так и эдак, пытаясь найти слова. Сказать, что мама болела, ей было плохо? Тоже нельзя, ребенок может потребовать, чтобы маму нашли и помогли ей. Ира придумывала все новые истории, но все они выходили фальшивыми и неубедительными.

В конце концов, Ира нашла вариант, который устроил ее больше всего. «Я скажу ей так: тебя родила тетя Валя. А потом она оставила тебя в роддоме и ушла. Почему – никто не знает. А я в это время пришла в роддом, увидела тебя и сразу поняла, что ты моя дочка».

Ира еще не говорила этих слов Карине, она только собирается. Одно она знает точно – ребенок должен знать, что его оставили не потому, что с ним что-то не так. С ним все в порядке. У той женщины были какие-то проблемы. Скорее всего, вся история должна прозвучать как можно более нейтрально. Просто факты биографии. Начало истории с хорошим продолжением.

Какая мама – «настоящая»?

Достаточно часто приемные родители опасаются неразберихи с «несколькими мамами». Поначалу ребенок может называть «мамой» и вас, и «ту» женщину. Анастасия с Андреем взяли из детского дома семилетнюю Аню. Аня очень любила свою кровную маму, с которой жила до шести лет. Мать была лишена родительских прав. Первое время Анастасия часто приходила к нам и рассказывала, как складываются их отношения с Анечкой.

«Мама, а я с мамой еще буду встречаться?» – спрашивала Аня, не видя в своем вопросе ничего странного. Анастасия спокойно отвечала ей, что если Анина мама захочет ее увидеть, и

будет «хорошо себя чувствовать», и эту встречу разрешит отдел опеки, то они с Аней обязательно поедут в детский дом, где Аня и сможет увидеть маму. Аня на какое-то время успокаивалась.

«Мне так ее жалко было, – говорила Анастасия, – и в то же время ревность была сильная. Но нас предупреждали, что так будет первое время». Привязанность Ани к новой семье росла постепенно. «Вчера мы видели свадьбу по телевизору, и Аня мне говорит: “Мама, а когда я буду выходить замуж, ты мне купишь такое же красивое платье?” – рассказывала довольная Анастасия. – Это значит, Аня понимает, что проживет с нами всю жизнь».

Перелом в отношении Ани к новой семье наступил приблизительно через четыре месяца. «Аня рассказала мне свой сон, – поделилась Анастасия, – мне кажется, что она простилась с “той” мамой». Вот что Аня рассказала Анастасии: «Я встретила маму и пошла с ней гулять в парк. Там было темно и прохладно. Мы сели на скамеечку под большим деревом. Мы сидели долго, я замерзла и сказала: “Мама, мне пора домой, меня там ждут. Мама с папой ждут”».

Надо сказать, что «мамой» приемный ребенок может называть не только свою кровную мать или приемную мать, но и совершенно постороннюю женщину. Анжела, взявшая четырехлетнюю Ирочку, через месяц совместной жизни была сама не своя от обиды. Ира буквально «повисла» на сестре Анжелы, которую видела первый раз в жизни, и стала называть ее «мамой». «Вот паршивка, – внутри у Анжелы все просто кипело, – я же ездила к ней в детский дом полгода, я с ней все поликлиники обегала, я душу в нее вкладываю, а она тетку первый раз увидела и здарсьте – “мама”!» Несмотря на внутреннюю бурю чувств, повела себя Анжела правильно. «Ира, твоя мама – я. А это – тетя», – спокойно объяснила она, сделав вид, что не находит ничего обидного, просто ребенок пока не разобрался, кто есть кто.

Почему же ребенок из детского дома может называть «мамой» чужую тетю? Не так просто понять, кто «мама», а кто – нет.

Вот была раньше мама, а теперь ее нет. Была, может быть, «социальная мама» в детском доме. Если у ребенка был печальный опыт – его брали в семью, но он «не подошел», – значит, были еще какие-то «мамы». А теперь вот еще одна тетя. Хочет, чтобы ее «мамой» называли. Обижается. Может, надо всех подряд мамами называть?

Ребенку попросту непонятен «механизм», как посторонняя женщина становится «мамой». Любая тетя может объявить себя «мамой». «Мама» – это та, у которой живешь в доме? Или это та, кто воспитывает? Кто покупает вещи и дарит подарки? А если вдруг совсем чужую тетю назвать «мамой», что будет? Ребенок экспериментирует, пытаясь понять, как же это все «устроено».

Как бы ребенок вас ни называл – это теперь ваш ребенок. Сколько бы «мам» ни было в его жизни, у него нет никого роднее и ближе вас. Только вы его защитите, обнимете, утешите, поймете его чувства. Потому что вы – его мама.

Книга Жизни

Важно не только разговаривать с ребенком о том, как и почему вы встретились. Какие потери пришлось пережить и вам, и ребенку до того, как вы стали одной семьей. Важно сделать что-то для того, чтобы ребенок постепенно учился понимать ценность своей жизни, уникальность своей судьбы. Чтобы он чувствовал себя «не хуже других». Один из способов – делать для ребенка своего рода архив. То, что называют Книгой Жизни.

Ваш ребенок еще не живет вместе с вами. Вы пока только его навещаете. Сделайте фотографии детского дома или дома ребенка, из которого он переедет к вам. Сфотографируйте ребенка с его воспитательницей, с его друзьями. Запишите их имена. Спросите самого ребенка, чьи фотографии ему хочется взять с собой на память. Попросите у воспитателя рисунки ребенка, возьмите их с собой и сохраните. Родители часто хранят первые каракули своих детей.

Если это возможно, найдите и сфотографируйте роддом, где родился ваш ребенок. Ваша задача – сделать жизненную историю ребенка целостной, сгладить разрыв между жизнью «до» и жизнью «после». Когда ребенок вырастет и начнет относиться к ситуации осознанно, у него не должно возникнуть мыслей, что вы признаете только ту часть его жизни, которая началась с вашим появлением в его судьбе. Став взрослым, он будет вам благодарен за то, что вы не «выбросили», не перечеркнули первые, не самые счастливые моменты его биографии.

Когда ребенок наконец переедет к вам, не торопитесь выкладывать перед ним собранные «сокровища». Возможно, он даже не захочет на них смотреть. Не переживайте, все это пригодится позже – когда ребенок начнет взрослеть и задавать себе вопрос «Кто я?» Тут ваш архив окажется неоценим.

Семьи, которые только-только начали новую жизнь с приемным ребенком, могут столкнуться с двумя разными ситуациями. В одном случае ребенок как будто «вцепляется» в свое прошлое, твердит «хочу назад», не расстается с какой-нибудь замусоленной игрушкой или тряпочкой. Будьте терпеливы, не торопитесь возвращать его обратно, решив, что «мы ему не нужны». Он просто очень боится нового. В этом случае фотографии и прочие атрибуты «прошлой жизни» пригодятся вам сразу.

Может быть все наоборот – ребенок и слышать не хочет ни о каких своих бывших подружках и воспитательницах и старательно избегает воспоминаний о том, что было всего месяц назад. Не торопитесь выбрасывать собранный «архив», он еще вам пригодится. Просто ребенок очень боится потерять то, что недавно обрел, и старательно делает вид, что никакой другой жизни и не было. Рано или поздно у него все равно возникнут вопросы о том, что с ним было раньше. Просто будьте готовы на них отвечать.

Надя, приемная мама шестилетнего Вадика, так рассказывала о первых неделях совместной жизни: «Мы вели себя, как японские туристы. Фотографировали практически каждый момент жизни. Вадик за столом, Вадик в кровати. Вадик с папой,

мамой и сестрой. Вадик с папой на прогулке. Десятки, сотни фотографий. Обязательно их печатали, вкладывали в альбом и вместе рассматривали. Зачем? Он чувствовал, что все происходящее очень важно для всех нас, каждый момент новой жизни – бесценен. Он понял, что нам нравится, что теперь мы вместе. Когда мы вместе рассматривали фотографии, он воочию видел, что мы – семья, и ощущал себя членом семьи».

Новая информация в Книге Жизни прибавляется. Доля «прошлого» становится все меньше. Ребенок воочию видит – та часть его жизни, в которой он был одинок и никому не нужен – это очень маленькая часть его жизни. Это не «трагедия всей его жизни». Это просто – некоторый период, и этот период – в прошлом.

Книга Жизни помогает восстановить логику и целостность жизни вашего ребенка. Как ни крути, в его судьбе «порвалась связь времен». Нужно аккуратненько связать все «ниточки», заново сплести «узор». Восстановленная хронология поможет восполнить пробелы. Возможно, в найденных вами именах людей из прошлого, в адресах, в фотографиях ваш подростковый ребенок сможет опознать те смутные образы и воспоминания, которые были с ним все время и значения которых он не понимал. А может быть, вы сами, заполняя Книгу Жизни вашего ребенка, поймете про него что-то очень важное. А может быть, и про себя.

Как разговаривать с другими людьми о ребенке

«Я боюсь, что стану “притчей во языцех”. Соседи станут тыкать в меня пальцем, а моему ребенку не дадут прохода», – высказывают свои опасения одни. «Мне глубоко наплевать на то, что подумают окружающие», – гордо заявляют другие. «Не могли бы вы помочь нам и подсказать, как разговаривать с другими людьми о том, что ребенок приемный?» – просят третьи.

Кто же эти «другие», с которыми так уж необходимо разговаривать о том, что ребенок – приемный? Ну, во-первых, родные. Мы даже не будем обсуждать вопрос о том, что все члены

семьи, живущие в одной квартире, должны иметь согласие в этом вопросе, ждать и хотеть приемного ребенка. А вот как быть с более дальними родственниками? Или близкими, но живущими не с вами? Кто-то говорит им заранее, уверенный в поддержке и понимании. Кто-то ничего не рассказывает даже тогда, когда ребенок уже живет в семье.

«Моя сестра в принципе знала, что я хочу взять ребенка, – делилась Марианна, – но она ничего не спрашивала, а я ничего не говорила. Она приехала в гости, увидела Олежку и спросила: “А это кто такой?” Я ей сказала, что это Олежка, мой сын. Она не нашлась, что ответить, хотя была не очень-то довольна». У Марианны с сестрой явно не самые теплые отношения. С одной стороны, Марианна поступила очень правильно, сразу расставив точки над «и», уверенно объявив Олежку своим сыном. Она пресекла возможные пересуды. С другой стороны, она знала недоброжелательный настрой сестры. Ей стоило поговорить с ней заранее. Ведь Олег мог услышать о себе что-то неприятное, если бы тетка оказалась менее сдержанной.

Невозможно дать один рецепт, который подойдет ко всем ситуациям. Как говорить, в какой момент, какие слова. Главное – чтобы ваши разногласия с близкими не «пали на голову» ребенка. К Ирине и Павлу, взявшему пятилетнюю Верочку, приехала в гости тетя Павла. Она знала, что в семье пополнение, но была настроена весьма скептически. Ирина с Павлом долго думали, как лучше поступить, но решили, что деваться некуда – тетка ведь. «Ну-ка, ну-ка, посмотрим на ваше приобретение», – громко сказала она, входя в комнату. Верочка смотрела на тету исподлобья. Слово «приобретение» она не знала, но недоброжелательность в голосе тети почувствовала. «А что, родители у нее, конечно, алкоголики? – «шептала» тетя на всю комнату. – Небось, больную какую-нибудь подсунули?»

Супруги сделали несколько неуверенных попыток отвлечь тету, хотя уже поняли, что полумерами тут не обойдешься. Через полчаса Павел решил. «Тетя, вам лучше уйти», – сказал он. «В каком смысле уйти? – не поняла разошедшаяся тетка. – Куда?»

«Из нашего дома. – Павлу было очень трудно, но он понимал, что по-другому нельзя. – Мы не можем позволить, чтобы нашего ребенка обижали». «Это чем же я ее обидела? – Тетя посмотрела на Павла и осеклась. – Ноги моей в вашем доме больше не будет». Она быстро собралась и открыла дверь. «Тетя, ты дура», – с облегчением крикнула ей вслед Верочка. Супруги переглянулись – ребенка еще воспитывать и воспитывать.

Пожалуй, Ирине и Павлу стоило заранее поговорить с тетей. Не просто информировать о том, что в семье появился ребенок. А подчеркнуть, что теперь это – их ребенок. Сказать, что считают Веру дочкой, любят ее и несут за нее полную ответственность. Считают себя ее родителями. Даже самые недоброжелательные люди вряд ли рискнут говорить плохо о ребенке в присутствии его родителей! А еще тетю следовало предупредить, что все вопросы о ребенке она может задать вам по телефону или как-то еще, но обязательно так, чтобы ребенок не присутствовал. Нельзя обсуждать при ребенке его самого, якобы «он не слышит». Даже если он не слышит слов, все равно поймет, что это про него, почувствует недоброе отношение и равнодушное любопытство.

Тяжелее пришлось Анне, которая приехала в гости к собственной маме с приемной дочкой Катей. Катя расшалилась, начала бегать и кричать. Случайно она опрокинула столик, на котором стояла красивая ваза. «Чего я только не наслушалась от матери, – сдерживая слезы, рассказывала Анна, – и про себя, и про Катеньку, и про всех детей из детского дома. Нам с Катей пришлось уйти».

Анна не могла порвать отношения с матерью. «Я подождала, пока успокоюсь, даже постаралась понять ее чувства, – делалась Анна, – потом позвонила ей и сказала, что не могу позволить, чтобы ребенок подвергался оскорблениям. Поэтому вместе с Катей я не буду к ней больше приезжать. А если ей понадобится моя помощь – пусть звонит». Твердые «рамки», поставленные Анной, помогли наладить ситуацию. Бабушка поняла, что если она не хочет потерять дочь, то не должна плохо говорить о своей новой внучке.

Это печально, но многие люди, взявшие приемного ребенка, рассказывают о том, что с кем-то из родных, близких или просто знакомых их пути разошлись. Много лет назад Галина взяла в нашем детском доме четырехлетнего мальчика, Алешку. Ребенок был гиперактивный, на месте не мог сидеть ни минуты. «Я сама очень активная, – рассказывала Галина, – я гулять люблю, в гости ездить. У меня десятки друзей. Конечно, я везде брала с собой Алешку. Некоторые из моих знакомых, познакомившись с ним, стали приглашать меня в гости так: “Ты приезжай, только его с собой не бери”. Я человек прямой, – продолжала Галина, – я им сразу говорила, что оставлять мне Алешку не с кем, да я и не хочу. Примут ли они нас двоих?» Многие отказывались.

«Вы жалеете, что взяли Алешку?» – спросили Галину. «Почему жалею? – Она сначала не поняла. – Из-за того, что в гости меньше приглашают? А что мне эти люди? Сегодня они есть, а завтра их нет. А с Алешкой мы теперь родные!»

Родных и близких проще поделить на тех, кто «понимает», и тех, кто «не понимает». Один очень бескомпромиссный мужчина, будущий приемный папа, обсудив тему приемного ребенка со всеми своими близкими, сказал так: «Мы теперь точно знаем, кто настоящий друг». Не каждому годится такой подход, но в любом случае с близкими мы можем выбирать, как и сколько общаться.

Помимо близких, есть еще и «дальние». Посторонние люди, с которыми вам придется общаться по поводу приемного ребенка независимо от вашего желания. Врач в поликлинике, директор и воспитатели в детском саду, школа, различные официальные инстанции. Конечно, от вас зависит не все, но очень многое. Столкнуться здесь возможно и с недоброжелательным отношением, да и просто с обидным равнодушием. А можно встретить уважение и понимание.

«В первой школе, куда я пришла устраивать Ваню, – рассказывала Людмила, недавно ставшая приемной мамой, – мне директор так и сказала, не хочу, мол, чтобы тут детдомовские учи-

лись. Я знала, что имею право устроить ребенка в любую государственную школу, но решила не связываться. Они же все равно Ваньке жизни не дадут. А он мальчик вспыльчивый».

Людмила вздохнула, вспоминая Ванины «фокусы», потом продолжила: «В другой школе директор нормально отнеслась. Сказала, что у них уже учится мальчик из детского дома, обычный мальчик». Решили, что в классе говорить не будут. «Вы не беспокойтесь, – поддержала Людмилу директор, – фамилии сейчас у многих разные. Ваш ребенок, и все тут. Врать не нужно, а то он может оказаться в сложной ситуации, вдруг что-то рассказать придется».

Что и как говорить другим людям о вашем приемном ребенке, зависит от ситуации. Рассказывать просто так – вот, мол, ребенок из детского дома, – конечно, не стоит. Для людей посторонних его история может стать просто пищей для пересудов. Но иногда необходимо сказать, что ребенок жил в казенном учреждении, чтобы объяснить причины его «странного» поведения, отсутствие бытовых навыков, неумение вести себя в некоторых ситуациях.

Катерина взяла из детского дома пятилетнюю Настю. На работе она взяла отпуск на месяц. Этот месяц «новенькие» мама и дочка провели очень славно: ходили гулять, играли, смотрели мультики – словом, привыкали друг к другу. Катерина подыскала для Насти хороший детский садик. Отпуск закончился, Катерина пошла на работу, а Настя – в детский сад. Катерина оставляла там Настю со спокойной душой. Ей удалось сделать так, что никто не заподозрил, что Настя – ребенок из детского дома.

Вечером, забирая Настю из детского сада, Катерина почувствовала, что что-то не так. «А вы раньше отдавали ребенка в детский сад?» – спросила Катерину подошедшая воспитательница. Катерина растерялась. Сказать «отдавала»? Детский дом, конечно, похож на детский сад, но вдруг начнут выяснять подробности? Сказать «не отдавала»? Но на домашнего ребенка Настя тоже пока не очень-то похожа.

«А в чем дело?» – спросила Катерина. От растерянности ее вопрос прозвучал резко и сердито. «А в том дело, – воспитательница, которая до этого, видимо, старалась сдержаться, рассердилась в ответ, – что ребенок проплакал весь день. Она так убивалась, кричала: “Мама меня отдала, мама меня не любит!” Вам бы нужно пока водить ее на полдня!» «Я должна ходить на работу», – ответила Катерина. Она с трудом удерживала слезы и говорила взвинченным, неприятным тоном. «Истеричка, – услышала она шепот за спиной, – ребенка жалко».

У Катерины не было опыта воспитания, не было друзей с детьми. Она не знала, что многие дети тяжело привыкают к детскому саду и часто плачут, впервые оставшись даже с самыми ласковыми воспитательницами. Она не подумала и о том, что для Насти это будет двойным ударом. Ведь она, только-только привыкшая к тому, что мама всегда рядом, снова очутилась в группе детей, как будто «в детском доме».

Все эти проблемы были решаемыми, попроси Катерина помощи у воспитателей. В ее случае просто необходимо было поставить воспитательницу в известность, что ребенок только что взят из детского дома, и попросить у нее помощи. Разумеется, предварительно убедившись, что эта воспитательница – в принципе добрый человек, любит детей и способна испытывать сострадание.

Катерина, к сожалению, запустила ситуацию. Из самых лучших побуждений скрыв в детском саду правду, она заставила окружающих думать, что она сама – бессердечная, жестокая мать. Во-первых, безжалостно бросает ребенка в детском саду, не обращая внимания на его слезы. Во-вторых, так плохо воспитала ребенка, что тот не умеет ни делиться игрушками, ни вести себя за столом. Маленькая Настя, чувствуя себя брошенной, плакала целыми днями, злилась, ломала игрушки. На рассказы воспитателей Катерина отмахивалась, не хотела обсуждать происходящее. Она просто не знала, как теперь признаваться в том, что Настя – «детдомовская». А воспитатели считали ее равнодушной эгоисткой.

Катерине посоветовали честно поговорить с воспитателем, и объяснить ситуацию. Лучше поздно, чем никогда. Разговор принес свои плоды. Воспитатели поняли, что она не «та мать, что довела ребенка до такого состояния». Они смогли вместе обсудить, как себя вести с Настенькой, как ей помочь. Катерина смогла договориться на работе – там она раньше тоже боялась сказать о том, что у нее приемный ребенок, – и стала забирать дочку с половины дня.

Дома Катерина стала больше разговаривать с Настей, объяснять ей, почему не может целый день сидеть с ней дома. Пятилетний ребенок способен очень многое понять. Теперь Настя с гордостью шла в детский сад, ведь она «помогала маме зарабатывать деньги, чтобы потом поехать на море». Вечерами Катерина с Настей сшили игрушечного мишку в подарок воспитательнице.

Решить, что говорить другим людям, когда и сколько, очень просто. Критерий тут один – это должно быть в интересах ребенка. Если ваше молчание ухудшает ситуацию для ребенка, значит нужно справиться со своими «неловкостями» и дать специалистам необходимую информацию. В разговорах с другими людьми о приемном ребенке тоже есть несколько правил.

Прежде всего, опять-таки, правильная установка. То, что вы растите приемного ребенка – ваше личное дело. Вы не обязаны никому объяснять, почему вы это делаете, не должны ни перед кем оправдываться. Если кто-то имеет отрицательное мнение на этот счет, он имеет на это право. Но лучше, если этот кто-то оставит свое мнение при себе.

Ребенок должен чувствовать себя защищенным. Вы – его семья, и вы его защита. Вы взяли на себя ответственность за этого ребенка. Он должен знать, чувствовать, что он – ваш перед лицом всего мира. В случае конфликта между ребенком и кем-то еще вы должны быть на стороне ребенка. А ругать его, воспитывать и вместе искать способы примирения вы будете потом, дома.

Иногда необходимо информировать других людей об определенных обстоятельствах жизни ребенка. В основном это ка-

сается специалистов – врачей, воспитателей, учителей. Любые разговоры с соседями, как правило, приносят больше вреда, чем пользы (если, конечно, эти соседи не являются вашими близкими и проверенными друзьями). Вас будет обсуждать «весь двор».

Некоторые считают, что, посвящая соседей в подробности тяжелой биографии ребенка, они вызовут к нему сочувствие и, в случае чего, смогут рассчитывать на снисходительное отношение к плохому поведению ребенка. Не обольщайтесь. «Жалостливые» соседки могут вмиг превратиться в разъяренных фурий. Кстати, «весь двор» будет обсуждать вас в любом случае.

Хотят ли дети это обсуждать

«Он просто это знает, и все. Мы ничего особо не обсуждали», – говорит Ирина, в семье которой уже десять лет живет Митя. Когда четырехлетнего Митю забирали домой из больницы, он хорошо помнил свою кровную маму. «Когда он ко мне попривык, стал рассказывать про свою прошлую жизнь, – вспоминает Ирина, – как ему было плохо, как мама его бросала, запирали. Я его просто слушала и жалела, плакала. Так мы все и обсуждали. Он спрашивал, не брошу ли я его, не стану ли запираю в пустой комнате. Я его качала, говорила что люблю его. Даже пока сама так не чувствовала, все равно говорила. Ему очень надо было это услышать».

Наталья и Сергей очень боялись говорить своей Олечке о том, что она приемный ребенок. Она пришла в их семью трехлетней, и им казалось, что она ничего не помнит. Когда девочке исполнилось пять лет, они наконец решились. Наталья собрала все душевные силы и поговорила с Олечкой о том, что были другие люди в ее жизни, но они не смогли ее воспитывать. Вот теперь они, мама и папа, которые так ее любят, будут растить свою родную девочку. Все, что полагается сказать.

Олечка долго ходила задумчивая. Потом пришла к маме и сказала: «Мама, я теперь знаю, кто был тот, страшный». Оказывается,

Олечка кое-что помнила. Из прошлого всплывали какие-то смутные темные пугающие фигуры. Олечка не понимала, что это – воспоминания, что они в прошлом и эти люди больше не вернутся. Разговор помог отделить ей реальность от «страшилок», почувствовать, что теперь настоящие, родные папа и мама ее защищают.

Подобные разговоры очень нужны детям, чтобы отделить прошлое от настоящего, страшное от радостного. Ребенок не то чтобы хочет обсуждать, что к чему. Он просто хочет, чтобы его непонятный и порой пугающий мир сложился в ясную и понятную картинку. Вы говорите ребенку нужные слова и тем самым подтверждаете свою ответственность, убеждаете его в том, что вы не так просто появились в его жизни. Объясняя ему, что вот – было прошлое, не очень радостное, а теперь – настоящее, за которое вы лично несете ответственность, вы помогаете ребенку восстановить порванные связи. Ему становится понятна логика его жизни, причины и следствия. Он начинает понимать, почему все так происходило и на что он может рассчитывать в будущем.

Детям иногда очень сложно «утрясти» всю информацию. Марина, приняв в свою семью маленькую Майю, часто рассказывала ей о том, где и как Майечка родилась, показывала фотографии. Дети любят подобные разговоры, Майечка просила снова и снова «поговорить». Марина в каждом разговоре подчеркивала, что родила Майечку не она, и они часто вспоминали, как встретились в первый раз, как познакомились – Майе тогда было шесть лет.

«Сейчас мне смешно вспоминать, а тогда я просто не знала, что делать, – делилась Марина, – Майя упорно меня спрашивала: “Мама, а какого цвета у меня была коляска?” Я каждый раз снова и снова подробно ей объясняла, что не знаю этого, ведь мы познакомились гораздо позже. Майя кивала и снова спрашивала: “А какого цвета у меня была коляска?”». Марина перепробовала все, что могла. Наконец, однажды она сказала: «Коляска у тебя была розовая», и Майя тут же успокоилась. «На-

верное, у нее картинка не складывалась. Никакой логики в этом нет, но вот нужно ей это было услышать, и все», – сказала Марина.

«Мама, расскажи, как ты меня родила», – упорно просила шестилетняя Аня свою приемную маму Свету. «Анечка, я тебя не рожала, ты же знаешь, – пыталась быть справедливой Светлана, – тебя родила другая женщина». «Неправда, – отвечала Аня очень серьезно, обиженно надувая губы, – я же сама помню, как была у тебя в животе. И как ты меня кормила грудью, помню», – отчаянно прибавляла Анечка, стараясь утвердить свою собственную правду жизни.

«Как же так, – спросите вы, – получается, ребенок не хочет знать никакую правду?» Чего хотела на самом деле маленькая Аня? Конечно, Аня прекрасно знала, что был «кто-то еще». Шестилетний, да и трехлетний ребенок не может ничего «забыть». А вот найти «почву под ногами», поверить в то, что теперь в его жизни все хорошо, ребенок – может. Именно этого и добивалась маленькая Анечка – обрести уверенность, почувствовать принадлежность. Услышать еще раз, что мама ее любит. Любила всегда. Еще до того, как они познакомились.

Когда ребенок уверен в том, что с ним все в порядке, он с легкостью справляется с самыми неожиданными ситуациями. Паша, приемный сын Олега и Натальи, пошел в первый класс. Паша рос в семье с двухлетнего возраста, знал о том, что жил когда-то в доме ребенка. К сожалению, учительница, узнав о ситуации Паши, повела себя некорректно. Она вызвала мальчика к доске, объявила классу о том, что он приемный ребенок, и попросила его рассказать о том, как живет его семья. «Не обижают тебя приемные родители?» – с напускной заботой задала она вопрос. Паша, самоуверенный рыжий «перец», окруженный дома заботой и любовью родителей и трех приемных братьев, был абсолютно уверен в том, что уж у него-то все лучше всех.

«У меня папа и мама – супер, – поведал он классу, – они меня любят и покупают мне все, что я захочу. А еще у меня были другие папа и мама, они тоже были очень хорошие люди. И они

меня тоже очень любили. Жизнь по-разному складывается, – гордо продолжил Паша, глядя в лицо ошеломленной учительнице, – они не смогли меня воспитывать. Поэтому у всех только одни родители, а у меня – и такие, и такие!»

Эта история получила неожиданное продолжение. Позже выяснилось, что кое-кто из детей, придя домой, стал сетовать, что вот есть такие счастливые мальчики, у которых родителей больше, чем у других.

К нам в детский дом приходит очень много людей, которые хотят взять детей. В ходе подготовки мы работаем с семейными историями. Часто оказывается, что кто-то в семье либо сам был приемным ребенком, либо кто-то из предков или родственников воспитывал приемных детей. Люди всегда говорят об этом с гордостью. Это как знак отличия – семья, которая способна воспитать не только своих, но и принятых детей.

Взрослые люди рассказывают о том, насколько легче им было справляться с жизненными трудностями, зная правду о себе и своей семье. «Я ведь мог погибнуть, – сказал Георгий, успешный, многодетный мужчина средних лет, – но добрые люди меня спасли. А потом меня усыновили. Значит, моя жизнь действительно нужна этому миру. Я всегда жил с этой мыслью, и мне это всегда помогало».

глава 6 Кровные родственники ребенка, или Как принять тот факт, что у ребенка есть привязанности

У него кто-то есть

Вы знакомитесь с ребенком в детском доме. Вы устали от одиночества и радостно предвкушаете, что наконец-то в вашей жизни появится человек, который станет вам родным и близким. Вы мечтаете, как дадите этому ребенку все то, чего он был лишен – ласку, нежность, любовь и заботу. И вдруг выясняется, что все не так. Есть какие-то люди, к которым ребенок испытывает привязанность, может быть, даже любит их. Кровные родственники ребенка. Вы не можете понять, как же вам теперь быть? Нужны ли вы ребенку, у которого, оказывается, есть близкие?

Позвонила женщина, попросила совета. Рассказала, что некоторое время назад у нее началось знакомство с девочкой в одном детском доме. Мама девочки лишена родительских прав. Есть бабушка, которая вроде бы не возражает против того, чтобы ребенок жил в новой семье. «Понимаете, девочка все время звонит бабушке. Бабушка для нее близкий человек, – рассказывала Марина Ивановна, – она даже при мне как-то звонила, я пришла, а она побежала к телефону, набрала бабушкин номер и стала ей хвастаться, что мы идем в парк».

Знакомство Марины Ивановны с восьмилетней Лерой продолжалось уже два месяца, они встречались почти каждые выходные. Марина начала понемножку привязываться к девочке, но настроение ее менялось от раза к разу. Если Лера бабушке не звонила, то «все было хорошо». Если же звонок был, то Марина мрачнела: «Понимаете, Лера после этих звонков какая-то чужая

становится. Я вот и думаю, ну зачем я ей нужна? У нее же бабушка есть! А я ей кто?»

Разговор с Мариной Ивановной продолжался долго. Ее захлестывала самая настоящая ревность. Как же так, в жизни девочки уже появилась она – хорошая, благополучная женщина, которая, может быть, даже когда-нибудь возьмет Леру к себе домой жить. А неблагодарная девчонка вместо того, чтобы ждать ее день-деньской и скучать, продолжает цепляться за какую-то непонятную бабушку, которая и воспитать-то ее толком не может. «Я как представляю, что мы будем вместе жить, а она все будет звонить своей бабушке, так у меня все внутри переворачивается, – чуть не плакала Марина. – Я этого не выдержу».

«Нужны ли мы ребенку, у которого кто-то есть?» – такой вопрос достаточно часто встает перед будущими приемными родителями. «А если нужны, то зачем? – пытаются они разобраться в ситуации. – Если ребенок любит кого-то еще, то нами он, что, просто пользуется?»

Галина, 45-летняя разведенная женщина, проходила у нас подготовку, а с ребенком познакомилась в другом детском доме. В гости на выходные к ней стала приезжать 10-летняя Ириша. «Она уже стала называть меня мамой, и все у нас было хорошо, но тут вдруг неизвестно откуда появилась Иришина тетя. – Галина так переживала, что с трудом находила слова. – Эта тетя и не думает брать девочку насовсем, она просто появляется, когда ей вздумается, и забирает Иришу в гости. После этих встреч Ира сама не своя, меня не слушается, грубить начала».

Галина чувствовала, что появление такой «родни» разрушает отношения, которые только-только начали складываться. «У нас все так хорошо начиналось, – рассказывала она, – я Иришу забирала, мы ходили куда-нибудь. Иногда я ей подарочек покупала, не очень дорогой, нельзя же ребенка баловать. Дома немало уроки делали, занимались. Я порядок люблю, и Ира все делала как надо, посуду мыла. А эта тетка, она же только все портит. – Галина говорила спокойно, но чувствовалось, что внутри у нее все кипит. – Она ей подарков навалит, плачет там над

ней: “Ах ты, бедная сиротка”. Что ж она ее к себе не берет, сиротку-то?»

Галина помолчала, потом сказала о наболевшем: «Вот как получается, что я каждые выходные приезжаю, забочусь о ней, дочкой уже готова считать. А тетя эта раз в три месяца появляется, на ребенка ей наплевать, а Ириша скорее к ней поедет, чем ко мне?» Галине было очень больно чувствовать себя кем-то второстепенным для ребенка. «Как же мне быть? Прекратить знакомство? Но я к ней так привязалась, я не хочу с Иришей расставаться. А если продолжать, то как относиться к этой тете? Она что, так и будет мешать нам всю жизнь?» – снова и снова Галина задавала себе эти вопросы.

Кровные родственники в жизни ребенка – тема непростая. Вы «все понимаете» и разумно соглашаетесь с тем, что приемному ребенку нужно помнить о своих «корнях». А что делать, если эти «корни» вдруг появляются «живьем»? Часто бывает так, как в ситуациях Галины и Марины Ивановны. Вы знакомитесь с ребенком и вдруг узнаете, что в его жизни есть человек для него важный, которого ребенок, может быть, даже любит. Это неожиданно ранит, хотя вам говорили, что там «кто-то есть». «Мы хотели помочь обездоленному, лишенному любви ребенку, – недоумевают будущие приемные родители, – а тут какая-то “конкуренция” возникает!»

Поначалу думалось так: «Если ребенок живет в детском доме, он несчастен и обездолен, у него никого нет. Семья заберет ребенка из мрака одиночества и даст ему любовь и заботу». Такая ситуация понятна. Она вызывает сострадание и желание действовать во благо ребенка. Потом все оборачивается совсем по-другому. Галина возмущалась: «Как же так? У кого-то есть “права” на ребенка. Только используются эти права не для того, чтобы помочь, а чтобы другим помешать!»

Что же делать? Бросить все, прекратить знакомство с ребенком, поискать «сироту»? Не всегда возможно все обрвать. Да и не хочется. Ребенок-то уже не чужой, его жалко, по нему скучаешь. Сердце рвется, как он там? Можно ли как-то «разобраться» в такой

ситуации, найти выход? Можно. Давайте попробуем понять, как обстоят дела. Кто такие эти «кровные»? Если это любящие родственники, то почему они не забирают чадо из детского дома?

Что за родственники

Ребенок попал в детский дом. Это значит, что его собственная семья разрушена. По каким-то причинам родные и близкие люди не захотели или не смогли воспитать ребенка. Самые близкие – отец или мать – может, умерли, а может быть, лишены родительских прав. Другие родственники не обязательно оказываются «неблагополучными».

Знакомясь с 11-летним Максимом, Вера и Андрей узнали, что у него есть старшая сестра, взрослая, замужняя, которая принимает активное участие в его жизни. «А почему она не берет его в свою семью?» – поначалу не могли понять супруги.

Сестра Максима, Галя, сама попала в детский дом в восемь лет. Маму лишили родительских прав. Сотрудники детского дома нашли для Гали хорошую семью, в которой она и росла. Выросла, рано вышла замуж, родила ребенка. И тут узнала, что ее мама за это время успела родить ей брата. Какое-то время мать пыталась его растить, но снова не выдержала, запила, и брат так же, как Галя в свое время, оказался в детском доме – в другом городе. Галя разыскала брата, добилась, чтобы его перевели в наш детский дом.

Пока Максиму искали семью, Галя часто к нему приезжала, приглашала к себе. «Она чувствует за него ответственность, и, наверное, захочет быть в курсе его дел. По крайней мере, первое время», – сказали социальные работники Андрею и Вере. Галя сама сожалела о том, что не может взять Максима к себе. Она жила в маленькой двухкомнатной квартире вместе с родителями мужа. «Они меня приняли, как дочку, и очень нам помогают, – объясняла Галя еще в самом начале, видимо, сама переживая от того, что никак не может выполнить свой «сестрин-

ский долг». – Особенно теперь помогают, когда ребенок родился. Получится, что Максима возьму не я, а они, а им и так хватает забот. Я просто не могу просить их взвалить на себя еще и это».

Андрей с Верой поняли, что Галя важна для Максима. Она – тот человек, благодаря которому в его судьбе все изменилось к лучшему. Да и просто – сестра. Тем не менее нельзя сказать, что их сердца были полностью открыты навстречу Гале. Максима они готовы были принять как сына, но вовсе не собирались обзаводиться еще и «дочкой». Да это и не было нужно.

Отношения «сторон» отрегулировали с помощью социального работника, который подсказывал, как поступить. Разумеется, супруги не возражали против общения Максима и Гали и готовы были всячески этому способствовать, привозить Максима на встречи с сестрой. Кроме того, супруги приняли решение о том, что будут приглашать Галю к себе домой. Это решение зависело только от них, они были вовсе не обязаны пускать в свой дом даже родную сестру ребенка. Надо сказать, что Галя не злоупотребляла гостеприимством семьи, ей своих забот хватало. Убедившись, что брат в «надежных руках», она успокоилась, позванивала от случая к случаю. Жизнь вошла в свою колею.

«Ну, сестра – это действительно не страшно! – скажете вы. – Она сама в прошлом несчастный, лишенный семьи ребенок. Понятно, что она не может взять к себе младшенького. А вот почему взрослые, благополучные люди, зная, что их маленький родственник томится в детском доме, не спешат его забрать?»

Перед тем, как начать знакомиться с пятилетней Машей, Николай и Надежда получили о ребенке полную информацию. В том числе они узнали, что девочку время от времени навещает тетя – вполне благополучная, обеспеченная женщина. «А вдруг она захочет забрать Машу, – заволновались супруги, – она же родная тетя, ей могут отдать ребенка». Узнав ситуацию этой тети, Аллы, супруги перестали волноваться за себя. Скорее, начали переживать за тетю.

У Аллы были брат и сестра. Сама она рано ушла из семьи, вышла замуж, родила ребенка, потом второго. Жили в достатке,

муж, старше ее на пятнадцать лет, хорошо обеспечивал семью. Со своими близкими Алла общалась редко. Мама, поболев, умерла, брат уехал жить в другую страну. А со старшей сестрой Алла встречаться не любила, да и не всегда могла. Уж очень «веселую» жизнь та вела. О том, чтобы приглашать ее в гости, и речи не было – муж даже слышать не хотел об «этой шалаве». Сестры виделись время от времени, потом связь прервалась на пять лет. От чужих людей Алла узнала, что сестра умерла. Остался ребенок, девочка. Еще при жизни матери ее изъяли из семьи и поместили в дом малютки.

Узнав страшные новости, Алла кинулась к мужу: «Еду забирать ребенка».

– Ты что, с ума сошла, – остановил ее супруг, – у нас своих двое.

– Это же моя племянница! – Сначала ей показалось, что муж просто не понял. – Я не могу оставить ребенка своей сестры в детском доме!

Алла не ожидала, что встретит такое сопротивление. Она «отмела» все аргументы мужа о недостатке денег, жилплощади, о том, что их собственным детям придется потесниться. Она готова была взять на себя любую нагрузку. Представить себе, что родная кровь будет расти в казенном доме, она не могла даже в страшном сне. Не теряя надежды уговорить мужа, она снова и снова возвращалась к разговору. «Прижатый к стенке», муж выложил настоящую причину отказа:

– Я не желаю, чтобы ребенок этой проститутки, твоей сестры, жил в моей семье. Ты подумала о том, какие у нее гены? Чтобы она наш дом в бордель превратила? Не бывать этому!

– Между прочим, у меня такие же гены, – сказала оскорбленная Алла.

– А отец? Там какая наследственность? Не желаю видеть здесь это отродье! – Потом он прибавил еще, что ребенок может оказаться больным, ведь его мать пила.

Алла стала навещать девочку. Было очень стыдно, ведь ей пришлось объяснять в опеке, почему она, родная благополуч-

ная тетя, просит только разрешение на встречу и не собирается забирать девочку в семью. Дома ей приходилось изворачиваться, она скрывала, что ездит к ребенку. Меньше всего ей хотелось выслушивать, что скажет ее муж.

Девочка подросла, ее перевели из дома малютки в детский дом. Любила ли она свою тетю? Наверное, любила. Дети как-то инстинктивно понимают многие вещи. Маша ни разу не попросила тетю, чтобы та взяла ее домой. Она радовалась, когда тетя приезжает, грустила, когда ее долго не было. Ей очень нравилась сказка про Золушку. «У меня тоже есть тетя – добрая фея, – улыбаясь, говорила она. – Когда я подрасту, она подарит мне хрустальную туфельку».

Однажды социальный работник попросила Аллу задержаться. «Ребенку нужна постоянная семья, – услышала Алла, – есть очень хорошая пара, они уже видели фотографию Маши, знают ее историю и хотят с ней познакомиться». У Аллы внутри что-то оборвалось. Она знала, что детей устраивают в семьи. Умом понимала, что Маше будет лучше в семье, чем в детском доме. Но сейчас она ощущала только огромное, непереносимое чувство потери.

«Пустота, – думала она, – жила, жила, старалась, и что же? Все разрушено». Перед глазами мелькали картинки собственного детства. Вот они с сестрой в песочнице, вот празднуют день рождения. Счастливые, здоровые, смеются. Вот первые «гулянки» сестры, тогда еще веселые, легкие. Сестра, нарядная, стоит перед зеркалом. Собственная свадьба, роды первого ребенка. «Интересно, кто сестру из роддома встречал?» – тупо и не к месту подумала она.

Алла встрепелась. Она сделала для этого ребенка еще не все, что могла. Это ее ответственность – убедиться, что девочка попадет в добрые, заботливые руки. В голове рос список вопросов, которые она просто обязана задать этим людям. Возможно, они не понимают, что к Машеньке нужно относиться очень бережно. Девочка эмоциональная, часто плачет. Что, если их это будет раздражать?

Социальный работник долго и терпеливо объясняла Алле, что будущие приемные родители хорошо подготовлены, пони-

мают состояние и нужды ребенка, лишенного семьи. «Да и мы всегда рядом, всегда проконсультируем, если что», – мягкий голос успокаивал, уносил тревогу. «А как же я? – беспомощно спросила Алла. – Они ведь не позволят мне видиться с Машей?»

В таких ситуациях перед социальным работником стоит важная и деликатная задача. Ребенок не должен потерять то хорошее, что у него уже есть. А есть у него – любовь, привязанность к тете, кровная связь со своей ушедшей матерью. Есть воспоминания тети о семье, о том, какая мама была в детстве. Есть, в конце концов, привычка видеть тетю Аллу, ее забота. С другой стороны, есть новые отношения, которые еще не окрепли. Есть надежды, планы, новые возможности развития. Есть постоянная семья. Задача социального работника – помочь совместить «новое» и «старое». Сделать так, чтобы огромное изменение в жизни ребенка – обретение семьи – прошло по возможности без потерь.

Социальный работник подолгу беседовала и с Надеждой и Николаем, и с Аллой. Она помогла Алле понять, что новая семья – единственная возможность для ребенка не просто встречаться, но и жить с любящими людьми. Говорила с Аллой о том, что Маше будет намного легче, если тетя одобрит ее новую семью и «благословит» девочку на новую жизнь. Надя с Николаем, в свою очередь, поняли, что для девочки важно сохранить привычные отношения, не испытать еще одной потери. Что доверие ребенка к ним будет зависеть и от того, насколько бережно они отнесутся к ее душевным привязанностям.

Надежда и Николай были готовы поддерживать привязанность ребенка, но им не хотелось принимать Аллу у себя дома. «Неужели мы обязаны это делать?» – переживали они. К их большому облегчению, оказалось, что это совершенно не обязательно. Маша может встречаться с тетей в детском доме, родителям нужно будет только ее привезти и потом забрать. Координировать встречи будет социальный работник.

Со временем встречи Маши с тетей Аллой стали реже. Алла понемножку успокоилась. Ее перестала мучить совесть, она поняла, что сделала все, что от нее зависело. Теперь ее жизнь вер-

нулась в привычную колею, хотя пережитое заставило по-новому взглянуть на отношения в своей семье.

Надя и Николай тоже успокоились. Убедившись, что Алла не собирается «отнимать» у них ребенка, они посмотрели на эти отношения другими глазами. Поняли, что участие Аллы в Машинной жизни сыграло благую роль – девочка не была одинока в огромном пугающем мире, ей было с кем поделиться мыслями и переживаниями, и это очень благотворно сказалось на ее развитии. «Я понял, что мне приятно получать приветы от тети Аллы, – сказал Николай год спустя, – потому что она Машку любит. А это так здорово – знать, что судьба твоего ребенка не безразлична еще кому-то. Так спокойнее, что ли».

Забрала бы Алла свою племянницу, если бы это зависело только от нее? Как знать... Люди не всегда могут сделать так, как хотели вначале.

Геннадий Иванович, одинокий мужчина средних лет, знал, что его сестра попивает. Жили в разных квартирах, но виделись часто. Геннадий старался повлиять на сестру, как мог. Уговаривал, ругал. Взывал к ее совести – ведь двое детей растут. Предлагал оплатить лечение. Однажды, вернувшись из трехмесячной командировки, он узнал, что сестра умерла, а дети – в детском доме. «Забрать их оттуда, как можно скорее», – было первой мыслью, пришедшей ему в голову. В опеке сказали, что решение будет принимать комиссия, а пока Геннадий Иванович отправился в детский дом навещать племянников.

Шестилетняя Алена кинулась ему на шею, а 13-летний Владик отвернулся, сжав кулаки. Геннадий сделал вид, что все в порядке, он понимал, как мальчишке нелегко. Завел разговор, предложил пройтись. «Ненавижу тебя, это ты виноват в том, что мама умерла, ты с ней ругался», – выкрикнул мальчик и в слезах выбежал из комнаты. «Я все понимаю, – говорил Геннадий социальному работнику, – горе делает человека несправедливым. Владик постепенно успокоится».

Однако все пошло не так гладко. Комиссия задала Геннадию Ивановичу много вопросов. Где будут дети, пока он на работе?

Как он, одинокий мужчина, сможет справиться с их воспитанием? Самым трудным был вопрос о его командировках. Орнитолог по специальности, Геннадий по полгода проводил «в поле». «Вот это да, – размышлял 45-летний мужчина, – профессию менять на старости лет, что ли?»

Получалось так. Владик и слышать не хотел о переезде к дяде. Сотрудники опеки не могли разрешить Геннадию забрать детей, пока он не найдет работу без командировок. Поиски работы не дали результата. Или «научным работником» с мизерным окладом, или охранником. Деньги тоже небольшие, да и дежурить надо сутками. Ничего не получалось. К тому же подошел срок новой командировки. Геннадий должен был либо ехать, либо увольняться с непонятными перспективами. Он уехал.

Жизнь берет свое. Дети понемногу успокоились. Владик ходил в соседнюю с детским домом школу, с Аленой занимались воспитатели. Семья для детей пока не находилась, все-таки их двое, разного возраста. Маленькую Алену были готовы взять многие, а вот «довесок» в виде брата-подростка никого не устраивал. Геннадий вернулся из командировки, навестил детей. Владик больше не злился на него, скорее обрадовался. «Ты не волнуйся, – сказал ему мальчик на прощанье, как взрослый, – я за Аленой присмотрю. Езди в свои командировки». Вопрос о том, чтобы дети переехали к Геннадию, как-то сам собой «заглох».

Два года он навещал детей по мере возможности. Приносил подарки, сувениры из поездок. Иногда водил в кафе, брал погулять. Чувство вины было, но пряталось где-то в глубине души. Геннадий однажды поймал себя на том, что если бы Владик жил у него дома, он никогда не купил бы ребенку такой дорогой мобильник. «Откупаюсь», – мелькнула мысль, но быстро ушла.

Геннадий был в командировке, когда появилась семья, готовая взять двоих детей разного возраста. Супругам сказали, что у детей есть дядя, к которому они привязаны. Решили подождать его возвращения. Формально, конечно, его согласие не требовалось. А вот его душевное одобрение помогло бы детям

легче «войти» в новые отношения, не чувствовать себя «предателями». Для Геннадия известие стало ударом. «Все понимаю, – говорил он социальному работнику, – благодарен этим людям. Только вот себя последней сволочью чувствую. Детей-то хоть иногда можно будет навещать?»

Геннадию предложили поговорить с племянниками самому. «Такие вот дела, – сказал он, – теперь у вас папа с мамой будут. Вы их слушайтесь, живите с ними в любви и согласии. Я-то, старый дурак, не смог вам помочь». Ему было очень стыдно. Чужие люди забирают детей, а он, родной дядя, не захотел напрягаться. Чувства вины, досады, злости на самого себя переплетались с чувством радости за детей и надеждой, что все у них будет хорошо. «Мамку не забывайте», – торопливо пробормотал он напоследок, виновато оглядываясь на социального работника, не сказал ли чего лишнего.

Социальный работник договорилась с Геннадием, что первое время он будет встречаться с детьми пореже. Приемным родителям поначалу бывает очень трудно, они толком не знают, как найти подход к ребенку. Поэтому чье-то влияние, пусть даже доброжелательное, им скорее помешает. Потом, когда отношения детей и новых родителей установятся, можно и родственникам больше внимания уделять. Геннадий обещал, вернувшись из командировки, позвонить социальному работнику. Тогда и встречу можно будет организовать – здесь же, в детском доме. Так все и сложилось.

Геннадий появлялся не часто, привозил подарки, поздравлял с праздниками. Встречался он только с детьми, новых родителей не видел, но очень их уважал и немного побаивался. Каждый раз передавал, что просит обращаться, если чем помочь нужно будет. Через пару лет, в период острых подростковых конфликтов с Владиком, помощь Геннадия сыграла большую роль. Но это уже рассказ на другую тему.

К истории Геннадия люди относятся по-разному. Кто-то осуждает его за то, что не рискнул поменять работу, не забрал детей из детского дома. Прав он был или не прав, можно спорить до

бесконечности. Осуждать легко, принимать решения – трудно. Геннадий сделал то, что смог.

Конечно, новым родителям не очень приятно сознавать, что в их жизни появляется кто-то посторонний, неожиданный «фактор влияния». Хочется этого избежать. Давайте подумаем еще раз, почему люди, ответственные за ребенка, психологи и социальные работники, настаивают на том, чтобы ребенок мог сохранить «прошлые» отношения? Вряд ли ими руководит желание «отравить» жизнь новой семье. Наверное, есть что-то очень важное для ребенка в том, что не рвутся «ниточки», связывающие с «прошлой» жизнью.

Почему отношения с Геннадием так важны для детей? Он – их родной дядя, брат их матери. Он любил этих детей, как умел. Да, он не забрал их к себе домой. Но и не бросил, не вычеркнул из своей жизни. Дети к нему привязаны, а это значит, что ниточка любви не оборвалась в их душах. Все время пребывания в казенном заведении у них был «свой» человек. Кто-то, кого можно любить, кого они ждали и радовались встречам. Близкий человек, которому они были небезразличны и знали это. Дядя согласился с тем, что детям нужна новая семья, был готов оказывать помощь по мере возможности. «Стушевался» на первых порах знакомства семьи и ребенка. Не исчез из их жизни, не обиделся за то, что дети полюбили кого-то еще. Продолжал помогать. Всем бы такого дядю.

К кому еще из кровных родственников дети чаще всего сохраняют привязанность? Конечно, к бабушкам.

Молодой человек поехал работать на Север. Там он познакомился с местной девушкой, у них случилась любовь. От любви родилось двое детей – девочка и мальчик. В Москву вернулись все вместе. Мать молодого человека была отнюдь не в восторге от такого «поворота». «Незаконная» невестка с очаровательным круглым личиком и раскосыми глазками не вызвала в ней ни малейшей симпатии. Но она все простила сыну, подкошенная страшным известием – на Севере он простудил легкие, болезнь была в запущенном состоянии.

Через некоторое время отец семейства умер. Его пожилая мать слегла, ее разбил инсульт. А молодая мама совсем потеряла себя в большом жестоком городе. Она всего боялась, не знала, где искать работу. Ей казалось, что все над ней смеются. Она запила, и очень быстро «сгорела». Бабушка лежала в больнице, детей забрали в детский дом. Выйдя из больницы, бабушка первым делом кинулась в опеку. «Что мне делать, помогите, – взмолилась она, – кроме этих детей, у меня никого на свете не осталось».

Сотрудники опеки очень сомневались, что старая больная женщина сможет растить двоих детей, но что же было делать? Дети вернулись домой. Бабушке пришлось очень тяжело, но она держалась до последнего, пока не случился второй инсульт. Дети снова переехали в детский дом.

Бабушка была частью их жизни, сколько они себя помнили. Для них было естественно, что она приходит к ним в детский дом, они иногда выбирают к ней в гости. Они понимали, что растить их бабушка не может. Брат и сестра были готовы познакомиться с новой семьей. Социальные работники разговаривали с бабушкой о том, что детям нужна семья. Сколько могла, она сопротивлялась. Слова о том, что детям плохо в детском доме, что им нужно учиться жить обычной жизнью, просто до нее не доходили. Объяснения, что только в семье дети развиваются нормально, получают необходимые социальные навыки, бабушку раздражали. «Это мои дети, – припечатывала она, сердито глядя на социальных работников, – у них есть семья. Я – их семья. Если бы я была здорова, они жили бы со мной».

Шло время, дети жили в детском доме. Потихоньку бабушкино сопротивление сходило на нет. Ей все труднее было приезжать к детям. «Хорошо, давайте сюда эту вашу семью, – радовала она социального работника, – только я сама буду с ними разговаривать». К сожалению, никакая семья не могла ждать годами, пока упрямая бабушка изменит свое мнение. Дети успели подрасти. Сестре Белле исполнилось 12, брату Гоше – 11. Пока нашлись люди, готовые взять двоих детей, прошло еще несколько месяцев.

Первые супруги, которые хотели познакомиться с детьми, с бабушкой не поладили. «Извините, – сказали они, – мы эту сумасшедшую старуху не потянем. Детей мы взять не сможем». Знакомство этих людей с бабушкой состоялось до знакомства с детьми, так что дети не пострадали от отказа.

Все это время социальный работник продолжала работать с бабушкой. Ей объясняли, что семьи берут детей из детского дома не для того, чтобы их обижать, а чтобы любить их и растить. Что детям плохо жить в детском доме. Что сама она, к сожалению, не может дать детям то, в чем они нуждаются – повседневную домашнюю жизнь. Наконец, бабушке очень осторожно давали понять, что время уходит. Еще пару лет – и дети навсегда останутся в детском доме. Чтобы не ранить бабушкины чувства, ей не говорили о том, что неизвестно, сколько сама она протянет. И тогда у детей не останется ни единого близкого в этом мире. Бабушка слушала, потихоньку «сдавалась».

Появилась еще одна семья, которая могла бы взять двух детей-подростков. Когда им рассказали о бабушке, они рассмеялись. «Вы же знаете, Боря – врач, – объяснила жизнерадостная Светлана, – у него таких бабушек – пять штук в день. Он умеет с ними разговаривать». Знакомство прошло гладко. «Чем болели дети?» – деловито спросил Борис. Вопрос оказал магическое действие. Оказалось, что бабушка назубок знала все детские болезни. Она штудировала медицинские справочники, изучала аннотации к лекарствам. Тема болезней и лечения была ее любимым «коньком». «Какой умный мужчина, – сказала она социальному работнику, когда супруги ушли, – я ему доверяю». Дети переехали в семью.

Первое время бабушка звонила почти постоянно. «Я ее голос слышать не могу, – жаловалась Светлана, – просто кричать хочется». Дети не так уж стремились общаться со своей пожилой родственницей. Просить бабушку звонить реже было бесполезно, она только злилась и, наоборот, начинала трезвонить беспрерывно. Борис решил ситуацию по-своему. «Я очень ценю ваше мнение, – сказал он бабушке, – и хочу сам с вами разго-

варивать. Я буду звонить вам два раза в неделю и все очень подробно обсуждать».

Борис выделял на эти разговоры по часу. Час он терпеливо слушал бабушку, поддакивал ей, успокаивал ее страхи, по нескольку раз отвечал на одни и те же вопросы. Потом говорил, что получил от нее очень много важной информации, которую ему нужно тщательно обдумать, и заканчивал разговор, договорившись о точном времени следующего звонка. Телефон ставили на автоответчик. «Два часа в неделю – не такая уж высокая плата за мир в семье», – объяснял Борис. В разговорах с детьми он отзывался о бабушке только уважительно. «Интересно, какими мы будем в этом возрасте, – с юмором замечал он, если кто-то из домашних пытался нападать на «эту старуху». – Дай бог, чтобы наши близкие были к нам милосердны».

Попытка понять

«Так имеют эти родственники права на ребенка или не имеют? – недоумевают порой будущие приемные родители. – И если не имеют, может быть, не нужно так много возиться с этой родней? В конце концов, им же можно просто запретить встречаться с ребенком. Не пускать их в детский дом. А потом новая семья заберет ребенка, увезет его, и дело с концом!»

Формально эти люди прав на ребенка не имеют. Бывают родительские права, которых иногда люди лишаются. А вот «бабушкинских» прав не бывает. Нужно ли «возиться» с этими людьми? В конце концов, они ведь не сделали для ребенка самого главного – не забрали его из детского дома!

Ответ на этот вопрос очень простой – мы возимся не с «этими людьми», а с чувствами ребенка. С чувством привязанности, которое ребенок испытывает к своему родственнику. С чувством «принадлежности», так необходимым каждому человеку. «Я не совсем одинокий, – думает ребенок, – у меня есть дядя. Дядя – брат моей мамы, у меня же была мама. А у мамы и дяди тоже

была мама, моя бабушка. Дядя про нее рассказывал. Вот какая у меня семья большая!»

«Хорошо, – говорят будущие приемные родители, – эти люди сыграли свою позитивную роль. Но теперь-то у ребенка есть кого любить! И он теперь будет принадлежать к нашей семье. И, между прочим, это хорошая, благополучная семья!» Все правильно. Только одно маленькое затруднение – нельзя полюбить и разлюбить «по команде». Ребенок будет продолжать любить своих кровных родственников, пока его душа на это настроена. Да, со временем он все больше будет привязываться к вам, все меньше будет вспоминать о кровной родне. Но это произойдет постепенно, само собой. Если пытаться «помогать», то эффект будет ровно противоположный. Чем больше ребенку говорят «забудь, оставь все это в прошлом», тем судорожнее он вцепляется в свои воспоминания, тем упорнее настаивает на встречах с теми, кого продолжает любить.

А что произойдет, если просто «исключить» эти привязанности? Прекратить встречи, сказать ребенку, что он больше не увидит своих родных? «Ребенок маленький, он быстро успокоится, – считают некоторые, – чего душу травить!» Дети, конечно, гибче и отходчивее, чем взрослые. Ребенок переживет еще одну потерю – их столько уже было. Переживет и даже, может быть, плакать не будет. Просто в очередной раз убедится, что его чувства никому не важны и не интересны, что его мнение никого не интересует. Что он – бессловесная игрушка в руках не очень добрых взрослых.

Если вы так легко готовы «выкинуть» то, что для ребенка дорого, подумайте еще раз, зачем вам все это нужно? Сможете ли вы помочь ребенку, если вам безразличен его внутренний мир, его история? «Но мы хотим ребенка для себя», – говорят некоторые люди, желающие взять ребенка. Что ж, думайте, что выйдет на первый план: «для себя» или «взять ребенка»?

Складывается ситуация, которая, на первый взгляд, кажется неразрешимой. У ребенка, с одной стороны, есть близкий человек, кровный родственник, и это, безусловно, очень хоро-

шо. С другой стороны, этот близкий может помешать ребенку обрести новую семью. Будущие приемные родители, с одной стороны, хотят сделать своего будущего ребенка счастливым. С другой стороны, в их понятие о счастье редко включена идея о «той родне». Дети, со своей стороны, не всегда понимают, что с ними происходит. Хочет ли ребенок с вами знакомиться и переезжать в вашу семью? Как правило, очень хочет. Только ему не приходит в голову, что для этого нужно отказаться от встреч с тетей или с бабушкой. Ребенку непонятно, почему он должен разлюбить знакомую тетю и полюбить незнакомую.

Роль социального работника

В ситуациях, когда у ребенка есть привязанность к кровному родственнику, без грамотной помощи социального работника не обойдешься. Для социального работника главная цель – помочь ребенку. Ребенок есть ребенок. Он же не понимает, кто в его жизни «правильный», а кто «неправильный». Кого «можно» любить, а кого «нельзя». Вот и должен социальный работник так «уговорить» всех, чтобы ребенок ничего не потерял.

Социальный работник должен найти взаимопонимание с кровными родственниками ребенка. Убедиться, что они поняли и, как могли, приняли то, что ребенку нужна постоянная семья. Информировать их о том, что ребенка скоро будут знакомить с новыми родителями, и дать им привыкнуть к этой мысли.

Кровные родственники, навещающие ребенка в детском доме, – это обычные люди. Они не могут или не хотят жить по-другому. Они не находят возможности изменить то, что ребенок из их семьи остается в казенном учреждении. С другой стороны, они не монстры и не злодеи – они по-своему стараются помочь. Чувства их – это обычные человеческие чувства. Симпатия и жалость к ребенку, осторожность к сотрудникам детского дома. Недовольство жизнью.

Беспомощность и задетое самолюбие, усталость и радость встречи переплетаются в их душах, как у каждого живого существа. Какую реакцию вызывает у них мысль о том, что ребенок будет жить в другой семье? Первая реакция – агрессия. Кто-то хочет отнять «их» ребенка, отдать чужим людям. Обостряется чувство вины, ведь в глубине души они понимают, что делают не все, что могли бы. Но вина редко выходит наружу. Как часто бывает у слабых людей, наружу выплескиваются обвинения в адрес всех окружающих. Очень важно, чтобы социальный работник принял «на себя» эту первую реакцию, смог понять, что за агрессией стоит страх потери.

Социальный работник должен вести разговоры с кровными родственниками ребенка до тех пор, пока не получит от них согласие на устройство ребенка в семью. Зачем это делать, если формально согласие родственников не требуется? Чтобы не получалось так, как у Марины и Галины, со случаев которых началась эта глава.

Если пустить ситуацию на самотек, тетя или бабушка, естественно, будут настраивать ребенка против возможных изменений. Они имеют влияние на «своих» детей и будут использовать это влияние, чтобы сохранить «свое». Если же кровные родственники получают от социального работника информацию о том, что происходит, они понемножку успокаиваются. Они могут обсудить все свои страхи и получить квалифицированные ответы. Они знают, что смогут так или иначе поддерживать связь с ребенком, получать определенную долю информации о его жизни.

С другой стороны, социальный работник общается с будущими приемными родителями и, в свою очередь, помогает им справиться с неизбежными страхами.

Самый главный страх, что кровные родственники будут их «преследовать» и «влиять» на ребенка. Будущие родители успокаиваются, когда узнают о том, что никто не будет приезжать к ним «в гости», никакие родственники не будут знать их адрес. Встречи, если это необходимо, будут проходить на территории детско-

го дома. Они даже не должны сами знакомиться с «родственниками». Связь поддерживается через социального работника.

Для будущих родителей, конечно, большим подспорьем становится то, что рядом есть профессионально подкованный, опытный социальный работник. Тем не менее это не делает их ситуацию абсолютно простой и безоблачной. Им все равно придется найти в себе некий «баланс», выработать собственное, неболезненное отношение к происходящему. Если каждый раз, отвозя ребенка на встречу с «кровными», вы будете чувствовать себя глубоко несчастными, «загнанными в угол», вы долго не протянете. Как же помочь самим себе? Как принять свою ревность, «отпустить» обиду на то, что ребенок любит не только вас?

Наверное, только сострадание, сочувствие к ребенку могут вам помочь. Вам трудно, а ребенку еще труднее. Каково это – потерять все и вся, маму, папу, дом. Сохранить осколки, воспоминания, редкие встречи с одним-двумя родственниками, которые проявляют хоть какой-то интерес. И вдруг узнать, что и это у тебя забирают. Сулят новое счастье, вот только наступит ли оно? Да и плату за это счастье что-то высокую требуют...

«Хорошо, – скажете вы, – мы действительно хотим помочь ребенку. Мы готовы считаться с его чувствами. Предположим, нам говорят, что у ребенка кто-то есть. Что нам делать дальше?»

Дальше действуем по плану. Шаг первый – согласиться с тем, что привязанность к кровным родственникам – важная часть жизни ребенка. Согласились? Хорошо. Это даст вам душевные силы и понимание. Переходим ко второму шагу. Этот конкретный родственник сыграл позитивную роль в жизни вашего ребенка. Попросите социального работника рассказать вам об этом человеке все хорошее, что он знает. Это нужно для того, чтобы вам самим было легче помочь ребенку сохранять привязанность. Чтобы уменьшить собственные муки ревности. Чтобы с благодарностью отнестись к людям, которые поддерживали вашего ребенка, чем могли, в тяжелый для него период.

Если социальный работник говорит, что нужны встречи, переходите к третьему шагу. Обсудите периодичность этих встреч,

порядок взаимодействия. Вы сами не обязаны встречаться с родней ребенка. Они не становятся вашими родственниками. Вы им ничего не должны. Единственное обязательство, которое вы на себя берете, – способствовать встречам ребенка с человеком, к которому он испытывает привязанность.

А что же тогда происходило у Марины Ивановны и Галины, с рассказа о которых началась эта глава? Давайте посмотрим со всех четырех сторон – кровные родственники, ребенок, социальный работник, будущие приемные родители.

Кровные родственники вели себя так, как могли. Продолжали встречаться с детьми, привозили им подарки. Бабушка больше интересовалась делами внучки, поддерживала с ней плотную связь. Тетя реже появлялась, больше, по-видимому, «откупалась». Ничего предосудительного или неожиданного в их поведении не было. О том, что в жизни девочек грядут перемены, их, возможно, предупредили. Хотя в случае с тетей это неочевидно. Но вопрос не проработали, и ни тетя, ни бабушка не сочли нужным менять свое поведение или сокращать свое влияние на ребенка.

Ребенок и в том, и в другом случае вел себя абсолютно адекватно. То, что Лера часто звонила бабушке и делилась с ней своими переживаниями, говорит только в пользу девочки. Нормальный ребенок, адаптированный к отношениям со взрослыми. Радоваться надо, что девочка умеет рассказать о том, что происходит в ее жизни, поделиться своими чувствами. Девочка, по всей видимости, эмоциональная, отзывчивая. Хорошая девочка.

Ириша, другой ребенок, тоже вела себя вполне адекватно. Приспосабливалась к требованиям новой мамы, старалась. Почему предпочла поехать к тете? Наверное, долго не видела, соскучилась. Да и подарки любой нормальный ребенок любит. Особенно детдомовский ребенок.

Социальный работник и в том, и в другом случае явно «недоработал». Период знакомства с ребенком – период очень сложный, уязвимый. С Мариной Ивановной нужно было поговорить

о роли бабушки в жизни девочки. И конечно, сотрудники детского дома обязаны были уделить гораздо больше внимания намерениям самой Марины Ивановны. Обсудить сроки, когда ребенок переедет в семью. Марина не делилась с девочкой своими планами. Ребенок понятия не имел о том, что эта тетя собирается в будущем стать ее «мамой». С какой же стати девочка должна была предавать бабушку? Чтобы чужой тете стало спокойней на душе? Да девочка понятия не имела о том, что тетя переживает.

Во втором случае (с Галиной) социальный работник должен был обсудить с каждой женщиной – и с Галиной, и с Ириной тетей – их намерения. Поставить Галину в известность, что иногда девочку будет забирать тетя. Поставить тетю в известность, что для ребенка нашлась семья и что теперь нельзя забирать ребенка, когда захочется, нужно согласовывать планы. Составить план перехода ребенка в семью и определить возможность встреч с кровной родственницей.

А что же сами будущие мамы? Марина Ивановна, судя по всему, оказалась не очень готова к тому, чтобы строить новые отношения. Ей больше хотелось сначала «получить» от ребенка какие-то подтверждения любви, привязанности. Она хотела, чтобы девочка сначала отказалась от всего, что имела. Только после этого Марина готова была думать о том, брать или не брать девочку в свою семью. Даже если бы у ребенка не было никакой бабушки, вряд ли бы отношения сложились. Марина продолжала бы «высматривать», любит ее ребенок или нет, все равно страдала бы и была недовольна тем, что ее «плохо любят».

Галина с большим пониманием относилась к чувствам ребенка, вполне успешно строила новые отношения. Тем не менее она оказалась не готова к тому, что ребенок хочет встречаться с кем-то еще. Может быть, просто потому, что ее не предупредили, не подготовили. Она столкнулась с проблемой внезапно и не смогла сразу справиться со своими чувствами. Обида на девочку вползла в ее сердце. Но она оказалась вполне способна переступить через сиюминутные чувства и двигаться дальше.

Справляться со своими чувствами

Даже если вы «все понимаете», вам не всегда будет легко справиться с собственными чувствами. Иногда отношения ребенка даже с самой безобидной родней может вызывать бурю не самых приятных эмоций.

«Мне было так тяжело, пока я все мечтала о том, как было бы хорошо, если бы Васькины “родственнички” исчезли», – рассказывала Ольга, три года назад ставшая приемной мамой семилетнему Васе. Родители Васи умерли, а вот бабушка с дедушкой поначалу играли в его жизни важную роль.

После смерти матери они пытались растить ребенка, как могли. Сами они попивали, попрошайничали, рылись по помойкам, собирали бутылки. Ребенок был им обузой, но ведь свой внук, бросить его им даже в голову не приходило. Ему давали лучший кусок, старались одеть потеплее. Иногда наливали винца, «чтобы спал крепче». Поскольку Вася не знал никакой другой жизни, его семья казалась ему вполне обычной, жизнь – простой и понятной. Попав в детский дом, Васька скучал по бабушке с дедушкой. Они его часто навещали. Только вот не всегда им разрешали встречу – если они были выпивши, их не пускали.

Бабушка с дедушкой знали, что для Васи ищут семью. Они вроде радовались за Ваську, даже просили социального работника «найти ему чего-нибудь получше». Только вот бабушка все плакала, опасаясь, что новая семья будет не очень-то рада знакомству с ними и что им запретят видеть внука. Решение о том, нужны ли встречи с кровными родственниками, обычно принимают, исходя из потребности ребенка видеть этих людей. Вася был сильно привязан к дедушке и бабушке, очень за них переживал, особенно за дедушку. «Старый балбес, – повторял он бабушкины слова, – выпьет да заснет в снегу. Замерзнет еще». Васе нужна была семья, не возражающая против встреч с кровными родственниками.

Ольга против встреч с кровными родственниками не возражала. Она получила полную информацию о кровной семье

Васи. Она понимала, что бабушка с дедушкой не будут пытаться забрать Васю обратно. Она узнала историю Васи, ее душа была полна сочувствия и к нему, и к бабушке с дедушкой.

«Морально я была готова, – делилась Ольга, – но действительность меня подкосила. Привезла Ваську, оставила его социальному работнику, а в комнату мельком заглянула, из любопытства. Они были такие грязные! И от них так пахло! Мне просто плохо стало при мысли, что Васька их обнимать будет, целовать. Его же потом с порошком оттирать придется! А если вши, а если заразу какую подцепит? Они же там чай пить вместе будут!»

Час пролетел быстро, за размышлениями о том, как отмыкать ребенка. Однако, встретив Васю после свидания с бабушкой и дедушкой, Ольга поняла, что гигиена – это не самая большая проблема. Вася был нахмурен, плечи поникли, он судорожно перебирал руками край свитера. Взглянув на Ольгу исподлобья, он отвернулся и вдруг стал повторять: «Г...вно, г...вно...» – монотонно, без перерыва и без остановки. У Ольги началась паника.

Посидев пять минут рядом с Васей, продолжавшим монотонно бубнить, Ольга немного пришла в себя и вспомнила уроки, которые она усвоила во время подготовки. «Он просто не может справиться со своими чувствами, – подумала она, – ему очень тяжело. Он и меня любит, и к ним привязан. Ему мучительно больно от того, что его мир раскололся на две половины. И в каждой половине – любимые люди. И никогда-никогда эти половины не соединятся».

«Как же ему трудно, не каждый взрослый такое выдержит». – Ольга взглянула на Васю уже не паникуя, а как сильный человек, готовый прийти на помощь ребенку. Кроме того, Ольга обратила внимание, что Вася спокойно стоял с ней рядом, никуда не убегал, его голос становился все тише, голова все ниже опускалась. Ее молчаливое присутствие помогало мальчику справляться с нахлынувшими чувствами. «Он не мне говорил это слово. – Ольга осторожно попыталась взять Васю за руку. – Он просто не знал, как все это назвать. Никто не знает».

Несмотря на то, что Ольга все понимала и сострадала Васе, эти встречи были для нее тяжелым испытанием. «Я иногда мечтала о том, чтобы бабушка с дедушкой исчезли из нашей жизни. Потом кляла себя за то, что, получается, желаю им смерти, ведь никаким другим образом они исчезнуть не могут. Иногда я, наоборот, начинала их так сильно жалеть, что впору было бежать к ним и забирать к себе, кормить и согревать. Я говорила себе, что я черствая и жестокая, и сама себя уговаривала, что это не так». В таком «раздрае» Ольга провела два года.

Со временем, надо сказать, встречи стали реже. Бабушка с дедушкой, привыкшие к тому, что с Васей все в порядке, все реже стали просить о встрече. Сам Вася, занятый учебной и спортивной секцией, погрузился в обычную для школьника жизнь. Его привязанность к Ольге окрепла, они пережили первые кризисы и зажили более или менее спокойно, насколько спокойно может жить семья, состоящая из незамужней мамы и подрастающего мальчишки.

Постепенно Ольга выбралась из своего эмоционального сумбура. Она разложила все «по полочкам», и ситуация перестала быть такой невыносимой. «Первое, с чем я разобралась, это мои обязательства по отношению к родственникам ребенка. Вернее, их полное и абсолютное отсутствие. Я поняла, что, взяв ребенка, я вовсе не обязана заботиться о его родне, – делилась Ольга решениями, к которым она пришла. – Я могу им сопереживать, но лечить их и содержать – это не моя забота. Тем более что они меня и не думали ни о чем просить. В конце концов, они жили той жизнью, которую сами выбрали. Если бы не Васька, так у них вообще никаких проблем бы не было».

Когда Ольга перестала «грузиться», она по-другому взглянула на ситуацию. «Я поняла, – продолжала Ольга, – что Ваське важен сам факт, что у него есть бабушка и дедушка. Ему нужно просто знать, что они живы, помнят его и любят. Это дает ему чувство уверенности, ощущение, что “все в порядке”. Кроме того, бабушка и дедушка – это люди, которые помнят его кровных мать и отца. Когда-нибудь, я знаю, он начнет расспрашивать о них».

Связь с бабушкой и дедушкой поддерживали через социального работника. Это создавало некий защитный барьер, снимало страхи. «Как хорошо знать, что есть человек, который понимает ситуацию и в случае чего поможет. По крайней мере, если бабушка или дедушка заболеют, мы с Васькой будем знать, в какую больницу поехать навещать. Ему важно сохранять связь, быть в курсе».

Помочь ребенку сохранить хорошее

Если у ребенка, которого вы хотите взять в свою семью, есть привязанность, вы, наверное, сможете это понять и принять. Есть так есть, что же поделаешь. Нужно смириться и делать какие-то неизбежные шаги. А вот помогать ему сохранять эту привязанность – зачем? Если он сам хочет забыть, так? может быть, не мешать ему избавляться от тяжелого «наследия прошлого»? Тем не менее ребенку может потребоваться ваша помощь. Ваши мудрость и терпение. Да и привязанности могут оказаться такими, что даже самые хорошие отношения в новой семье их не заменят.

В нашем детском доме жила девочка, мама которой умерла. Папы в ее жизни не было уже давно, а если и был когда-то, воспоминания о нем были не самыми приятными. Когда мама умерла, сиротами остались брат и сестра – 10-летняя Наташа и 17-летний Алексей. Алеша пошел в армию, а Наташа переехала в детский дом.

Брат и сестра переписывались. «Я не пойду жить ни в какую семью, – сказала Наташа, – когда брат вернется из армии, он меня заберет к себе». Наташа жила этой мыслью. Все, что происходило в ее жизни помимо переписки с братом и ожидания его возвращения, Наташу не очень интересовало. Она плохо училась в школе, избегала походов в театр, поездок на экскурсии. При каждом удобном случае девочка забивалась в уголок и уплывала в мечтах в иную, придуманную жизнь. Жизнь, в которой все было хорошо, – мама была жива, и они с братом, радостно смеясь, крепко держались за руки.

Алексей вернулся из армии. Он пришел в детский дом, встретился с Наташей. Поговорил с детским социальным работником, подтвердил, что собирается забрать Наташу из детского дома. «Только не сразу, – замялся он, – мне ведь на работу устроиться надо, с квартирой разобраться...»

Сотрудники детского дома все понимали и не осуждали его. Молодой парень, нужно в жизни устраиваться. Не очень-то верилось, что он действительно заберет Наташу. Наташа терпеливо ждала. Алеша первое время приходил часто, они подолгу обсуждали свою будущую совместную жизнь. Потом визиты стали реже. «С работы не отпускают», – объяснял Алексей. Потом в его жизни появилась девушка.

Наташе было уже 13 лет. С ней не раз заговаривали о том, что она может пожить в семье у хороших людей, которые готовы принять ее, как родную. «Я не предаю брата, – упорно твердила Наташа, и неслышно добавляла: – И маму тоже». Некоторое время спустя Алексей позвонил в детский дом и сказал, что он женится, переезжает жить к жене в область и видется с Наташей в ближайшее время не сможет. Ему предложили прийти и самому поговорить с сестрой.

Наташа сильно горевала, замкнулась, наполучала в школе двоек. Потом пришла к социальному работнику и сказала: «Найдите мне семью. Только такую, чтобы там мужчин не было». Семья нашлась быстро. Одинокая женщина, потерявшая некоторое время назад и мужа, и сына. Сын погиб внезапно, а муж умер, не перенеся горя. Возраст Ирины Петровны приближался к шестидесяти, и она хотела помочь девочке-подростку.

Через некоторое время Ирина рассказывала: «Большой соблазн был сказать Наташке, мол, все, забудь ты этого предателя, своего братца. Потому что мне-то, в моей жизни, разве этот брат нужен? Только чего бы я добилась? На всю жизнь остался бы в ее душе рубец, что ее бросили, предали. Она уже начала переносить свою обиду на других людей, мне же рассказали, как она просила семью “без мужчин”». Мудрая Ирина Петровна не стала переубеждать Наташу в том, что ее брат плохой. Она

просто говорила о нем с девочкой, расспрашивала. По-доброму, с участием и интересом, как будто у нее не вызывало сомнений, что брат – самый близкий и нужный Наташе человек.

Поначалу та отмалчивалась, огрызалась. Потом понемножку оттаяла, стала рассказывать новой маме, как они с братом дружили, случаи смешные вспоминала. Ирина Петровна узнала адрес Алексея, когда у него день рождения, и однажды, без малейшего сомнения в голосе, предложила девочке написать брату поздравление. Сначала Наташа изумилась, потом надулась, обида вернулась к ней, она пробормотала, что «никто ей адреса не оставлял». «Вот тебе адрес, – сказала ей Ирина, – ты напиши поподробнее, ему же интересно, как мы живем».

Наташа долго мучилась над письмом, заканчивали его вместе. Ирина Петровна понимала, что Алексею трудно сделать первый шаг, ведь он обидел Наташу, он виноват и боится, что натолкнется на осуждение. Да и сомнения его наверняка не оставляют, он ведь молоденький еще, нужен ли он сестре в ее новой, благополучной жизни.

«Я когда приняла решение брать ребенка, представляла себе такую брошенную сиротку, – говорила Ирина Петровна. – Воображала, что вот, появляюсь я, такая заботливая, сострадательная. Что ребенок, отвергнутый и униженный, обретет во мне опору, силу, защиту. А потом я поняла, что ребенок, да вообще человек, должен обрести силу и опору в себе самом. Что толку, что она будет прятаться за мою спину, лелея свои обиды? Проживет всю жизнь бобылкой, осуждая “этих предателей”? Я могу научить ее прощать, быть милосердной, не закрывать свою душу. Научить ее ценить своих родных, поддерживать связи. Брат ее жив, а пока человек жив, всегда есть надежда».

Ирина Петровна действительно научила Наташу очень важному в жизни. Справившись в первую очередь со своей собственной ревностью, она помогла Наташе восстановить мир в душе, обрести легкость и радость жизни, способность прощать и любить.

Иногда поддержка привязанности ребенка, сохранение контактов с кровной семьей – это просто рутинная задача. Привезти

ребенка на свидание с кем-то из его родни, подождать, пока он общается, вернуться назад. Быть готовым поговорить с ребенком о его чувствах, если ему будет нужно. Выразить доверие, одобрение, проявить сдержанность. Просто быть рядом.

Когда Анна знакомилась с пятилетним Вовой, она знала, что у него есть мама, с которой он регулярно встречается. Мама родила Вову без мужа, родственников у нее практически не было, все умерли. Она сама болела, у нее был психиатрический диагноз. Она вполне могла заботиться о ребенке и вела себя как обычная мама, но периодически у нее случались обострения, и ей нужно было ложиться в больницу. Поэтому ребенок практически сразу оказался в детском учреждении, а мать была ограничена в родительских правах. В доме ребенка Вова прожил до четырех лет. Усыновить его было нельзя, да и мама приезжала раз в месяц. В четыре с небольшим года Вову перевели в наш детский дом.

Анна пришла к нам, потому что очень хотела сыночка. Провела подготовку, собрала документы, настроилась на то, что впереди ждет много трудностей, и готова была с ними справляться. Она близко к сердцу приняла историю Вовы и его мамы. Позже она рассказывала: «Я подумала, что если я его не возьму, то он так и останется в детском доме. Все будут бояться его брать из-за диагноза матери. Так это же у матери, а не у него диагноз! Или ревновать будут. А он не виноват, что такая беда в его жизни случилась».

Вова пришел в семью Анны. Мальчик как мальчик, пошел в школу, учился на четверки. Все, как в обычных семьях. Вова называл Анну мамой. То, что в его жизни есть еще одна мама, похоже, его не смущало. «В школе мы, конечно, ничего такого не рассказываем, зачем давать пищу для сплетен. Для всех я – Вовкина мама. А между собой мы можем об этом поговорить, – объясняла Анна, – внутри семьи это не тайна и не трагедия, просто такие вот обстоятельства нашей жизни».

Сама Анна называла «ту маму» Ниной. Неожиданно она заметила, что в разговорах с ней Вова тоже говорит «Нина». «Мы

часто с Вовой разговариваем о жизни, о его матери, о том, какую роль обстоятельства играют в жизни человека, и как нужно относиться к трудностям», – рассказывала Анна. Вове тогда было лет восемь, но Анна не боялась обсуждать с ним «взрослые» вопросы. «Он очень ответственный мальчик, – с гордостью говорила она, – серьезный такой. Любит ли он свою кровную мать? Я даже не знаю, он сам никогда не говорит про нее “люблю”».

Раз в месяц Анна с Вовой собирались и ехали в детский дом, на свидание к его матери. Пока Вова общался, Анна читала книжку или заходила поговорить с кем-нибудь из специалистов. С детским психологом – так, на всякий случай. Или с педагогом – обсудить Вовкины успехи в школе. А иногда и самой хотелось со «взрослым» психологом словом перемолвиться – жизнь ведь не только из воспитания детей состоит.

«Мне иногда кажется, – говорила Анна, – что он ездит на эти встречи, как на работу. Потому что так надо». Встречи Вовы с кровной мамой всегда проходили очень спокойно. Сам он рассказывал, что она расспрашивает его про школу, и он подробно объясняет, что они проходят на уроках. Про Анну она никогда не спрашивает, только о том, хорошо ли мальчик себя чувствует, всего ли ему хватает. «Похоже, что у них нет особой эмоциональной близости, – говорила Анна, – но я даже рада, что он так ответственно подходит к этим отношениям. Знаете, я иногда думаю... – Анна даже запнулась, так непросто ей было об этом сказать. – ...что меня он тоже никогда не бросит, что бы ни случилось. Потому что человек он такой – преданный».

Анна смогла вести себя так, чтобы действительно помогать своему сыну справляться с ситуацией. Во-первых, она приняла вещи такими, какие они есть. Жизнь поставила задачу – надо эту задачу выполнять. Есть у ребенка мама – маму из жизни не вычеркнешь. Во-вторых, справилась со своими чувствами. Разумеется, ей не очень-то нравилась Вовкина мама. Да и поездки время отнимают. И Вовку жалко – живет в какой-то двойственной ситуации. Что ж, не все в жизни радует, долг есть долг. Да

и ситуацию Анна смогла обернуть в свою пользу. Дорога располагает к разговорам, они с Вовкой успевали поговорить о разных важных вещах. Со специалистами встречаться – специально не поедешь, а так заодно и консультацию получит, на душе спокойней станет.

В-третьих, Анна понимала, что ее главная задача – помогать Вове. Помогать не так, чтобы оградить его от всех волнений, вычеркнуть из его жизни «ненужных» людей. А так помогать, чтобы он умел жить в трудной ситуации. Был уверен в себе. В-четвертых, Анна была готова к тому, что у Вовки могут возникать негативные чувства, в том числе направленные на нее. В глубине души ему было не так легко. Иногда он не справлялся, и негативные эмоции вырывались наружу, больно ранив Анну. Она умела понять и простить «обиду».

И наконец, она умела просто радоваться жизни. Радоваться тому, что они с Вовкой живы, здоровы, любят друг друга. Что приходит новый день и приносит свои заботы. Анна умела быть благодарной судьбе за то, что у нее появился сыночек, и за то, что она ему нужна.

«Кого ты больше любишь, деточка?»

Кстати, о кровных мамах и папах. До сих пор мы вели речь в основном о тетях, бабушках и прочих сестрах. Которые к тому же не имеют намерений забрать ребенка в свою семью. А что делать в том случае, если появится кровный родственник, предьявляющий на ребенка права? Если тетя или бабушка захотят взять ребенка под опеку? Или родители, лишённые родительских прав, захотят эти права восстановить? Ребенка что, отдадут им? У кого больше прав?

Возьмут ли тетя или бабушка ребенка под опеку, должны знать сотрудники того учреждения, где содержится ребенок. Если кровные родственники проявляют подобные намерения, то знакомить ребенка с новой семьей нельзя.

Случаи, когда отец или мать хотели восстановиться в родительских правах и забрать назад своего ребенка, уже живущего в новой семье, случались в нашей практике довольно редко. Наша социальная служба хорошо работает, и намерения кровных родственников обычно известны заранее. Но иногда возникали ситуации, при которых будущие приемные родители сознательно шли на риск. Принимали в свою семью ребенка, перспективы которого непонятны. Забирали ребенка из детского дома, понимая, что привяжутся к нему, что всю жизнь, сложись все не в их пользу, будет болеть сердце. Неужели кто-то решается на такое, зная, что все может в одночасье оборваться?

Решаются на это, понимая, что ребенку в таких ситуациях – хуже всех. И что кто-то должен помочь ему, оказавшемуся «между двух огней».

Наталья, 40-летняя мать семейства, обратилась в наш детский дом, уже будучи знакомой с Алисой, 10-летней девочкой из неблагополучной семьи. Алиса училась в одном классе с Гешей, сыном Натальи. «Я приходила за Гешей на продленку, и там была Алиса. – Наталья объясняла по порядку, каким образом Алиса появилась в ее жизни. – Она такая ласковая девочка, подходила ко мне, обнимала. Иногда мы с ней разговаривали. Мне ее почему-то всегда жалко было. А однажды разговорились с учительницей, и та сказала, что у Алисы отец сильно пьет, иногда и руку на нее поднимает, а мама ее умерла. Алиса сидит на продленке допоздна, домой идти не хочет».

Наталья попросила разрешения брать девочку на выходные. «С Гешей они подружились, он, по-моему, даже рад был, что мамина энергия направилась на кого-то еще. – Наталья весело улыбнулась. – С Алисой ведь заниматься надо было очень много, уроки делать, стихи мы учили». Алиса с неохотой возвращалась домой, к отцу, очень ждала, когда Наталья ее снова заберет.

Отец Алисы спивался. Он все чаще засыпал пьяный прямо на улице. Ходил грязный, в рваной одежде. У Алисы время от времени появлялись синяки. «Упала», – коротко объясняла она, пряча глаза. Каждый раз, когда Наталья приводила девочку на-

зад к отцу, у нее сжималось сердце. «Там такая вонь стояла, вы себе не представляете. – Наталья морщилась при одном воспоминании. – Перегар, грязь застарелая, унитаза невымытый. Однажды Алиса на пороге вцепилась в меня, “не уходи” говорит и плачет. Отец ее отдирает стал, на меня кричать, чтобы я убиралась. Меня истерика всю ночь была».

Наталья мучилась от бессилия, не понимая, что же ей делать. Ситуация разрешилась внезапно. Разбуженные ночью пьяными криками за стеной, соседи Алисиного отца вызвали милицию. Обнаружив ребенка в обществе нескольких пьяных мужчин, девочку срочно забрали и поместили в детский дом. Отца Алисы ожидал суд по лишению родительских прав. Быстро собрав необходимые документы, Наталья получила разрешение на то, чтобы Алиса жила у нее, а не в детском доме. У нее самой не было сомнений в том, принимать ли девочку в свою семью. «Она уже – член нашей семьи, – говорила Наталья, – мы все ее любим – и я, и муж, и Геша».

В жизни Натальи начался самый трудный, мучительный период. Судебные заседания постоянно откладывались. Алису должны были вызвать в суд и спросить, с кем она хочет жить. «Самое трудное для меня – не пытаться на нее влиять, – рассказывала Наталья, приходя к нам за поддержкой и консультацией, – иногда просто язык прикусываю, так хочется сказать, что вот, мол, отец плохой, а мы хорошие. Только ведь отца-то она раньше любила, его так просто из жизни не выкинешь. Если я сейчас на нее надавлю, она потом меня проклянет».

10-летняя девочка оказалась в невозможной, невыносимой для ребенка ситуации выбора. «С кем же она хочет жить?» – маленькая Алиса искала ответ на этот вопрос. Поначалу ответ казался простым – конечно, там, где любят, где не страшно, тепло, сытно и светло – у мамы Наташи, с новым папой и братом Гешей. Но ситуация начала меняться.

К Алисиному отцу приехали родственники, которые, наконец, спохватились, что в их семье происходит трагедия. Отца протрезвили, подлечили, отмыли и одели. За ним постоянно

стала приглядывать сестра. Она же и ходила с ним в опеку получать разрешения на встречи с дочкой. Алиса стала встречаться с отцом.

«Поначалу я даже обрадовалась, – делилась Наталья, – хорошо ведь, что у ребенка отец не алкоголик, а приличный гражданин. Для нее очень хорошо, что она отцу не безразлична. Алиса поначалу уходила на встречи с отцом с опаской, а приходила веселая. Потом Наталья почувствовала, что что-то не так. Девочка приходила, скорее, не веселая, а взвинченная какая-то. Приносила сумки с подарками. Дорогие, красивые вещи. «Вывалит все на стол: “Видишь, как отец меня любит!” – и смотрит, ждет, что я скажу. – Наталья даже бледнела от негодования. – А что тут скажешь. Конечно, ребенку в таких вещах трудно разобраться».

Отец особо не церемонился, пойдя наиболее простым путем. Он задаривал Алису, убеждал ее в том, что только родной отец может любить, что «эта тетка» ее бросит. Напрямую говорил ей: «На суде скажи, что хочешь жить со мной. Знаешь, какие подарки я тебе дарить буду!»

Больше всего Наталью огорчало то, что девочка вдруг оказалась в роли «вершителя судеб». От нее как будто зависело, кто окажется «хорошим», а кто «плохим». Кто «выиграет», а кто «проиграет». «Такое бремя непосильно для детской души», – говорила Наталья. Алиса стала нервной, агрессивной, у нее испортились оценки в школе. Единственное, что Наталья могла сделать в этой ситуации, – не пытаться перетягивать Алису «на свою сторону».

«Я, наоборот, стараюсь поговорить с ней о ее чувствах. Я пытаюсь ей объяснить, что даже если она пойдет жить к отцу, я не перестану ее любить, и она всегда сможет вернуться к нам, если захочет». – Наталья не верила в то, что изменения, произошедшие с отцом Алисы, долго продержатся. Новую дату суда Наталья ждала и с надеждой, и с ужасом. А суд все откладывался и откладывался.

Что же поддерживало Наталью в такой невыносимой ситуации? Понимание, что Алисе еще труднее – каково делать выбор

между людьми, которых любишь! Мысль о том, что, кроме нее, девочке не на кого больше опереться. Конечно, проще всего пожалеть себя, оттолкнуть ребенка, сказав, что вот, мы тебя спасли, а ты снова хочешь в ту грязь вернуться. Но Наталья понимала, что если она начнет жалеть себя, то тем самым предаст Алису.

Наталью поддерживала любовь ее близких, мужа и сына. Наконец, Наталье, по ее словам, очень помогли консультации в детском доме. Она приходила к знакомому психологу, рассказывала, что у нее происходит. На этих встречах она могла и поплакать, и пожаловаться, и посетовать на несправедливость – словом, сделать все то, что она не могла себе позволить в обычной жизни. Вместе со специалистом Наталья разбирала, как ей лучше разговаривать с Алисой, что говорить нельзя, а что нужно сказать обязательно, чтобы помочь девочке. Детский социальный работник, который отвечал за Алису, давал Наталье информацию о том, как идут дела, консультировал по юридическим вопросам, это тоже помогало Наталье, уже с формальной стороны.

Суд все же лишил Алисиного отца родительских прав. Алиса осталась в семье Натальи. «Когда закончилась эта “борьба”, на меня нахлынула такая жалость к ее отцу, – рассказывала Наталья, чуть не плача, – конечно, он бы не смог воспитывать Алису. Но как же это страшно – из-за собственного безволия лишиться дочери».

А если бы суд решил по-другому? Если бы отца Алисы не лишили родительских прав? Как Наталья смогла бы все это пережить? Когда Наталья приходила на консультации к психологу, все варианты развития событий они проговаривали. Наталья понимала, что ситуация может повернуть не в ее «пользу». Собственно говоря, она с самого начала шла на это. «Если бы Алиса снова оказалась у отца, у меня душа бы за нее болела, – пыталась разобраться в своих чувствах Наталья, – я-то ладно, я переживу как-нибудь. А вот как там она – я бы каждую ночь психовала, представляя, что там с ней могло бы случиться. Я ведь не верила в то, что ее отец образумится».

А как бы сложилась жизнь Алисы, если бы она не встретила Наталью? После того, как она попала в детский дом, состоялся бы суд. Возможно, отца все равно лишили бы родительских прав. Алиса осталась бы в детском доме. Ждать, тосковать, вспоминать о том, что у нее когда-то была семья, нормальная жизнь. Раскрашивать эту жизнь в своем воображении теплыми и светлыми красками. А может быть, отца бы не лишили родительских прав, и Алиса вернулась домой. Что было бы дальше? Кто знает...

Можно ли помочь кровной маме?

Пьющий папа редко вызывает сочувствие у тех, кто смотрит на ситуацию со стороны. С неблагополучной матерью все не так просто. С одной стороны, она пренебрегает ребенком, подвергая опасности его здоровье, а иногда и жизнь. С другой стороны, все-таки – мама. Мама, которая так нужна своему ребенку.

Восьмилетняя Верочка попала в детский дом потому, что ее мама тяжело заболела. Простудилась, заснув на снегу в состоянии сильного алкогольного опьянения. Соседи, которые видели, как маму Верочки забирает скорая помощь, сказали, что в квартире остался ребенок. Мама пила давно, и маленькой Вере было не привыкать оставаться в квартире одной целыми сутками, без еды и часто без света – электричество выключали за неуплату.

Первое время в детском доме она ела только хлеб – вся остальная еда была непривычной. «Скорее бы мама выздоровела, – грустно говорила Верочка воспитателям, – я так соскучилась, так хочу домой». На вопросы о том, не боялась ли она оставаться одна, Верочка честно отвечала, что боялась. «Но ведь мама уходила на работу, – серьезно объясняла Вера, – я ведь большая девочка, я должна маме помогать».

Семилетнюю Надю забрали из семьи, в которой не прекращались пьяные драки. У мамы был друг, которого девочка называла папой. Попав в детский дом, Надя не отходила от теле-

фона, набирая знакомые номера и умоляя тех, кто брал трубку, передать ее маме, как Надя ее ждет. С тоской и нежностью Надя снова и снова рассказывала о том, как мама ее любит, какая она красивая и веселая, как много у них дома бывает гостей.

«Моя мама – лучше всех. Я так по ней скучаю, так хочу домой», – часто восклицала Надя. На осторожные расспросы о том, не боится ли она возвращаться домой, ведь там часто были чужие люди и они не всегда хорошо себя вели, Надя отвечала, что дома все было в порядке, и взрослые дяди просто играли, а во все не дрались. «Никто никого не обижал, – упрямо твердила Надя, – а меня вообще никто обидеть не посмеет. Меня папа защитит».

Ребенка забирают из кровной семьи потому, что оставаться там небезопасно для его жизни и здоровья. Только ведь это взрослые люди понимают, что оставаться там нельзя. А ребенок-то этого не понимает. Он жил в своей семье и любил своих близких. «А если ребенка в кровной семье обижали, – спросите вы, – и ребенок их боялся?» Может быть, боялся. Но и любил. Любить своих близких – свойство нормальной, здоровой человеческой психики. Даже если эти близкие совершают не самые хорошие поступки. Даже если они совершают эти поступки по отношению к тому, кто любит.

Верочка и Аня скучали по дому, по своим семьям. Мамы не смогли сделать шаг, так нужный их детям, и начать жить по-другому. А дети продолжали верить, что мама придет. Ждать, считать дни. Рассказывать о том, какая мама хорошая. Словом, любить.

Что же делать в такой ситуации? Ждать, когда любовь умрет в душе ребенка? Или знакомить с новой семьей, невзирая на чувство, которое ребенок испытывает к своей кровной матери, живущей вдали от него? «Нельзя ли как-то помочь таким мамам? – спрашивают люди, понявшие, какую боль испытывают дети, разлученные со своей семьей. – Может быть, получив помощь, эти женщины смогли бы изменить свою жизнь и вернуть своих детей?»

Попытки работать с неблагополучными семьями действительно делаются. В тех случаях, когда ситуация кажется не совсем безнадежной. В нашем детском доме работает служба «Кровная семья», в задачу которой входит помощь тем мамам, которые хотят, чтобы им помогли.

У трехлетнего Антона были хорошие, любящие папа и мама. Они работали, мама училась на вечернем отделении института. Обычная семья. Однажды пришла беда. Папа Антона попал в автокатастрофу. Травмы были серьезные, и лечение предстояло долгое. Мама Света поначалу держалась мужественно. Она продолжала работать, ездила в больницу к мужу. В институте, правда, пришлось оформить академический отпуск. Хуже стало, когда заболела Светина мама. Маленького Антона теперь не с кем было оставлять. Да и денег требовалось все больше – лекарства, процедуры не всегда удавалось получить бесплатно.

Света буквально разрывалась на части, сбивалась с ног, недосыпала. Все чаще накатывала непреодолимая усталость. Хотелось только одного – все бросить, забыться бесконечным сном. Все чаще из глубины души подкатывало холодное равнодушие – к мужу, к сыну, к матери. Светлана чувствовала, что ей как будто безразлично, что будет со всеми ими.

Однажды поздно вечером в квартиру позвонила соседка, попросила чего-нибудь съестного, если найдется. «Чего такая смурная? – участливо спросила она Свету. – Пойдем к нам, посидим». «Сидели» до утра. Свете было так хорошо, все заботы отступили, в душе царил легкая радость, ей хотелось смеяться. Потом пришло блаженное забытие.

С тех пор понеслось. Однажды, придя домой после трехдневного отсутствия, Света обнаружила, что дома никого нет – ни Антона, ни его бабушки. У бабушки случился сердечный приступ, она вызвала врача, но ехать в больницу категорически отказывалась. «Ребенок один останется, – с трудом говорила она, – сирота он». Антон оказался в детском доме.

На Свету будто ушат холодной воды вылили. Все, что она хотела, – вернуть ребенка. Наспех приведя себя в порядок, она

побежала в опеку: «Где Антон, я заберу его домой!» Опухшее лицо, черные круги под глазами. Помятое платье, обломанные ногти. Света не отдавала себе отчета, насколько она изменилась за последнее время. Инспектор выдала ей разрешение на посещение детского дома.

Социальный работник долго разговаривала со Светой. Света выразила настойчивое желание сделать все возможное, чтобы Антон к ней вернулся. «Помогите мне, пожалуйста, – просила она, – я смогу все изменить». Социальные работники собирали информацию, беседовали с бабушкой, встретились в больнице со Светиным мужем. Было принято решение проводить работу по оказанию помощи семье.

Антошка все это время жил в детском доме. Он привык к воспитателям, освоился и чувствовал себя вполне уверенно. Мама приходила часто, а когда папа поправился, они стали приходить вдвоем. Мама смогла забрать его не так скоро. Она была ограничена в родительских правах, и ей предстояло немало сделать, чтобы вернуть свой статус матери.

Восстановить разрушенный образ жизни – нелегко. Света приняла участие в программе для пьющих людей, которая помогает освободиться от зависимости. «Сама программа не помогает, – объясняли социальные работники службы “Кровная семья”, – помогает только желание вылечиться». У Светы это желание было. Она смогла устроиться на работу, ходить туда регулярно, и работать на совесть.

Антон скучал по маме, но не тосковал. Мама приходила часто, приносила что-нибудь вкусненькое, они проводили вместе несколько часов. Антон, скорее, чувствовал себя как в детском саду. Пожалуй, он даже испытывал некоторое превосходство перед другими детьми – у него есть мама, она к нему все время приходит, и скоро он поедет домой.

Летом Антон поехал на месяц на море, а еще месяц жил в семье, где, кроме него, было несколько детей. Мама Света грустила без него, но понимала, что летом ребенку нужно уехать из города. Год ушел у Светы на то, чтобы восстановиться в ро-

дительских правах, наладить свою жизнь. Антон вернулся к маме.

Часто ли так бывает? К сожалению, редко. Иногда, как в случае Светы, факт, что ребенок оказался в детском доме, становится для матери в прямом смысле отрезвляющим. Она как будто с ужасом смотрит в пропасть, что разверзлась перед ней, осознает, до чего она дошла, и резко поворачивает свою жизнь в другом направлении. Печально, но гораздо чаще кровные мамы продолжают скатываться в эту пропасть. Безвольные, несчастные существа окончательно опускают руки и спиваются. Ребенка забрали, ничто не держит, а на себя давно наплевать.

Что же делать ребенку, чья мама не стала бороться за него и за себя? Проклясть ее, забыть? Жить и чувствовать, что его предали? Наполнить свою душу разъедающими чувствами гнева, злости, ненависти? Дети – здоровые, чистые существа. Их души зачастую изранены, но готовы исцелиться. Ребенок бережет в своем сердце любовь к маме, сколько может. На сколько хватает силенок. К той маме, которая его любила. Или могла бы любить. К маме, которая могла бы быть самой лучшей на свете. Ребенок хранит в своей душе крупички добрых воспоминаний, обрывки светлых дней, почти правдивые истории о том, как хорошо было с мамой. Это – его сокровища. Ничего дороже у него в жизни нет.

Полюбит ли он вас? Конечно, полюбит. Только не нужно говорить ребенку: «Забудь все, что было раньше!» Будьте с ним бережны. Полюбите его таким, какой он есть. Отнеситесь с уважением к тому, что ребенок пережил, и к тому, что он смог сохранить. Когда-нибудь он поделится с вами своими сокровищами.

А как все складывалось дальше у Верочки и Нади? Верочкину маму лишили родительских прав. Ее уже лишали один раз родительских прав, 14-летняя сестра Верочки жила в интернате. Пока Вера жила в детском доме, мама навещала ее два раза. Ей сказали, что для Верочки ищут семью. «Еще не хватало, – возмущалась она, – мало того, ребенка отняли, так еще другим людям отдают». Правда, после этого она перестала появляться. Че-

рез некоторое время социальный работник, которая пыталась поддерживать с ней связь, узнала, что та снова беременна.

Веру взяла семья с детьми. «Вера часто мне рассказывала, как они с матерью жили, – говорила приемная мама Ольга, – мне казалось, что я сама там была. Сидела в темноте всю ночь, отламывала по кусочку от батона, боялась почему-то подойти к окну и посмотреть, не идет ли мама». Вера выговаривалась, выплескивая из себя страхи, отчаяние, детскую обиду. Она чувствовала, что новая мама готова принять все ее чувства, и не боялась говорить о том, как им с той мамой было иногда хорошо.

Приемным родителям не всегда легко слушать рассказы ребенка о том, что он был счастлив в кровной семье. Потому что и ревность появляется, и чувство вины, «может быть, мы лишили ребенка семьи, отняли у родной матери?» Постепенно воспоминания уходили в прошлое, разговоры все чаще перескакивали на то, что занимало Верочку прямо сейчас. «Мамочка, ты моя самая хорошая, самая любимая, – прижималась она к приемной маме, – ты ведь не оставишь меня одну?» Не оставляйте ее одну. Голос крови молчал, когда мама бросала испуганного ребенка. Может быть, голос сострадания и принятия окажется громче?

А что произошло с Надей? У Нади есть любящие папа, мама Анастасия и два брата. А от прошлой жизни остались воспоминания. Иногда она мысленно возвращается – туда. «Поговори со мной, мама», – просит она Анастасию. Конечно, мама с ней поговорит. Всегда, когда дочке нужно. Ведь мама – это та, кто все понимает.

Жизнь продолжается

Трудно принять прошлое ребенка. Понять его боль, страх и потери. Трудно принять его любовь – не к вам, его привязанность – к чужим. Чувства человеческие непросты, переплетение судеб порой совершенно непредсказуемо. Нет рецептов на все

случаи жизни. Есть один рецепт, универсальный – в каждой непредсказуемой ситуации стараться помочь ребенку.

Если вам, взрослому и закаленному жизнью человеку, плохо, то каково же ребенку? Если вы не справляетесь со своими чувствами, то чего ждать от маленького человечка? Если перед вами стоит вопрос «Что же делать?» – делайте так, чтобы вашему ребенку стало немного легче.

Семнадцатилетняя Надя и шестилетняя Лариса потеряли маму. Мама пила, пил и дедушка, мамин отец. Девчонок, как могла, растила бабушка. Бабушка, в общем-то, тоже попивала, страдала от разных болезней. Она сама попросила забрать детей, «потому что пропадут». Девочки оказались в нашем детском доме.

Все «наши» дети знают, что им рано или поздно найдут семью. Надя пришла в нашу Службу по устройству «серьезно поговорить». «Мне самой семья не нужна. Я взрослый человек, – сказала крепенькая, уверенная в себе Надя. – Я сейчас учусь, потом работать пойду. Лариске вы семью обязательно найдите, ей очень нужна семья. А я когда-нибудь ее к себе заберу, когда у меня все устроится». Старшая сестра относилась к младшей по-матерински, заботилась о ней, старалась воспитывать. Когда Наде исполнилось восемнадцать, она стала жить самостоятельно.

Семья, которая познакомилась с Ларисой, поначалу отнеслась к Наде настороженно. «Сама еще ребенок, а учит меня, как воспитывать детей», – немного раздраженно делилась новая Ларисина мама. Постепенно все утряслось. Надя с семьей Ларисы нашли общий язык. «Зачем я ее оттуда забирать буду, – сказала недавно Надя, – она же их любит!» А приемная мама вдруг поняла, как трудно приходилось маленькой Ларисе все эти месяцы. «Как же она справилась, – говорила она потом, – там любимая сестра, тут я со своей ревностью. Все потихоньку злятся, а бедный ребенок мечется между нами».

Порой приемные родители готовы понимать и принимать чувства ребенка, и все равно «удар» подстерегает там, где его не ждешь.

Лена и Павел взяли в свою семью восьмилетнюю Зою. Зоя была изъята из семьи всего за три месяца до знакомства с новыми родителями. Кровная мать очень плохо относилась к детям, шансов на восстановление в родительских правах не было. Зоя была к ней привязана, но встречи были невозможны – женщину должны были отдать под суд.

Однажды новая семья мирно проводила вечер, Зоя смотрела телевизор, а мама Лена мыла на кухне посуду. «Внезапно я услышала крик, – рассказывала Лена, до сих пор вздрагивая, – я даже не поняла, что это Зоя кричит. Прибежала в комнату, а там по телевизору показывают репортаж, как ее из семьи изымают. Квартиру их показывают, милиция там, мама лицо руками закрывает, но Зоя ее узнала. У мамы интервью берут о том, как она с ребенком плохо обходилась». У Зои не прекращалась истерика. «Я старалась ее успокоить, как могла, – продолжала Лена, – она только все твердила, мол, что они с мамой сделали. Зою ведь из семьи забрали и увезли в детский дом. А тут она увидела, как маму увозят в машине с решеткой, арестованную. Страшно так было».

Лене было так жалко Зою, так хотелось помочь ей хоть чем-нибудь. Она позвонила в детский дом, рассказала все социальному работнику. «Может быть, можно как-то сделать, чтобы Зоя увиделась с мамой? Уж очень она убивается», – просила Лена. К сожалению, кровная мама отказалась видеть дочку. «Так трудно “переварить” все эти чувства, – делилась Лена, – у меня – жалость к Зое, злость на ее маму, да и на репортеров этих беспардонных. А у самой Зои – даже сказать невозможно. Тоска по маме, страх, жалость, ненависть, беспомощность, я даже сказать не могу, какой клубок чувств. Ей-то труднее, я все-таки взрослая, а она – совсем ребенок. Нельзя детям такое переживать!»

Иногда бывают курьезные случаи. Семья Нины и Петра приняла к себе 12-летнего Мишу. У Миши были старшая сестра, выпускница детского дома, и бабушка. Общались они с бабушкой довольно часто, и Нина с Петром решили пригласить ее на

Мишин день рождения. Посидели, попраздновали. Стол, подарки, все как полагается.

Уходя, бабушка окинула взглядом хорошо обставленную квартиру, дорогую технику, картины. «Ты уж, Мишенька, старайся, – умильным голосом сказала она, – в такую семью попал. Потом все тебе достанется». Нина с Петром оцепенели. «Они что, ждут нашей смерти?» – с ужасом стали думать супруги, представляя себе, как довольная бабушка вселяется на их жилплощадь, справив поминки.

Забавно, что Нина с Петром сами не раз говорили о том, что хотят «наследника», собираются все оставить приемному ребенку. Только вот бабушка совершенно не входила в их планы. Они потом долго не могли справиться с обидой и подозрениями. А что же Миша? Его совсем не интересовало, как старшие поделят «наследство». Он просто не хотел, чтобы кто-то умирал.

Содержание

Вступительное слово	3
глава 1 «Чей ребенок?», или Чем приход приемного ребенка в семью отличается от рождения собственного.....	6
глава 2 Разногласия, или «человеческий фактор» в процессе устройства ребенка в семью	17
глава 3 «Зачем вам это нужно?», или По каким причинам люди берут ребенка из детского дома	27
глава 4 «Какого ребенка вы хотите?», или Почему приходят за одним, а забирают другого ребенка	43
глава 5 «Откуда у вас ребенок?», или Нужно ли скрывать происхождение приемного ребенка от него самого и от других людей	67
глава 6 Кровные родственники ребенка, или Как принять тот факт, что у ребенка есть привязанности.....	103

Т.В. Губина
Принять ребенка из детского дома
Информация для принимающих родителей

Макет и верстка С. Куликов
Корректор Г. Альперина

Подписано в печать 25.11.2013
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура PT Serif, PT Sans
Печ. л. 10,25. Заказ №

Отпечатано в